

П. 485.

И-54

ПРОВЕРКА
1948 г.

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФИИ.**

ТОМЪ XXII, № 2,

ИЗДАНЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПОЧ. ЧЛ. БАРОНА **Т. Р. Остенъ-Сакена** и чл. СОТРУДН.
А. М. Позднѣва.

У-ТАЙ

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

ОТЧЕТЪ О ПОѢЗДКѢ, СОВЕРШЕННОЙ ВЪ МАѢ 1889 Г.

Д. ПОКОТИЛОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1893.

791 (3 кит.)

1962 г.

1965 г.

Напечатано по распоряжению Императорского Русского Географического Общества.

1958
8561

ВИБЛИОТЕКА
НИИ Музееведени

12722/14

114

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Глава I. Изъ Пекина на У-тай черезъ Бао-динъ-фу и Лунъ-цюань-гуань	7
Глава II. У-тай, историко-географическій очеркъ	47
Глава III. Настоящее положеніе У-тай'скихъ монастырей и описаніе наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ	69
Глава IV. Обратный путь въ Пекинъ	116
Приложеніе I. Имена и изображенія 18 лохан'овъ (архатовъ)	140
Приложеніе II. Имена 48 буддъ	143
Указатель	146

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякому, кто хоть сколько нибудь интересовался буддизмомъ вообще и китайскимъ буддизмомъ въ особенности, приходилось, конечно, не разъ встрѣчать упоминаніе о священной горѣ У-тай (五臺), являющейся, такъ сказать, центромъ буддизма въ сѣверномъ Китаѣ и почитаемой обиталищемъ бога мудрости Вэнь-шупу-са (文殊菩薩) [Маньчжушири бодисатвы]. Здѣсь, по преданію, еще въ I в. по Р. Х. впервые возсіяла въ Китаѣ религія Будды, и построены были первыя буддійскія капища; въ настоящую же пору сюда ежегодно стекаются десятки тысячъ богомольцевъ изъ Монголіи и сѣвернаго Китая. По пріѣздѣ своемъ въ Пекинъ, я вскорѣ задался мыслью совершить поѣздку на У-тай и началъ исподоволь ознакомляться съ источниками, сообщающими свѣдѣнія объ этомъ, интересовавшемъ меня, мѣстѣ.

Изъ европейскихъ сочиненій наиболѣе полное описаніе У-та'я и пути туда изъ Пекина мы находимъ въ интересномъ изслѣдованіи д-ра Эдкинса о религіяхъ Китая¹⁾. Послѣднія три главы этого труда посвящены описанію путешествія на У-тай, совершеннаго авторомъ осенью 1872 г. Д-ръ Эдкинсъ проѣхалъ въ У-тай изъ Пекина именно тою же дорогою, которою пришлось проѣхать и мнѣ, и свои путевыя замѣтки изложилъ въ формѣ дневника съ 16 Октября по 5 Ноября. Увлечшись примѣромъ

1) Religion in China by Dr. Jos. Edkins, London, Trübner's Oriental series.

почтеннаго синолога, я также захотѣлъ дать на ряду съ своимъ описаніемъ священной горы и дневникъ моей поѣздки въ У-тай изъ Пекина. Трудомъ д-ра Эдкинса я пользовался главнымъ образомъ для пополненія свѣдѣній о нѣкоторыхъ изъ пройденныхъ во время пути мѣстностяхъ; что же касается описанія самаго У-та'я, то почтенный докторъ удѣляетъ на это не болѣе 20 страницъ маленькаго формата, включивъ въ это описаніе исключительно свои личныя наблюденія и не дѣлая никакихъ изысканій, не безъ труда, правда, добываемыхъ изъ мѣстныхъ источниковъ.

Одинъ изъ спутниковъ д-ра Эдкинса, миссіонеръ Гильмуръ (Gilmour), даетъ въ XIII главѣ своей книжки «Among the Mongols» (London s. a.) коротенькую замѣтку о своей поѣздкѣ на У-тай. Не вдаваясь ни въ какія подробности, путешественникъ этотъ лишь передаетъ въ бѣгломъ очеркѣ свои впечатлѣнія туриста, въ которомъ, по нѣкоторымъ лирическимъ отступленіямъ, легко узнать ревностнаго миссіонера.

Далѣе, нѣсколько упоминаній объ У-та'ѣ мы встрѣчаемъ у барона Рихтгофена. Проѣздомъ изъ Да-тунъ-фу (大同) въ Тайюанъ-фу (太原) знаменитый путешественникъ нарочно заѣхалъ на эту священную гору, заинтересовавшись ею, какъ наиболѣе возвышенной горной группой въ сѣверномъ Китаѣ. Во второмъ томѣ своего капитальнаго труда¹⁾ на стр. 363—366 онъ сообщаетъ намъ свои геологическія изслѣдованія въ этой мѣстности.

Въ 1887 г. секретарь американской миссіи въ Пекинѣ, Г. Рокхиль (W. Rockhill), совершилъ путешествіе на У-тай и о результатахъ его сдѣлалъ сообщеніе въ Пекинскомъ «Oriental Society». Замѣтка объ этомъ сообщеніи была напечатана въ Тяньцзинь'ской газетѣ «Chinese Times» (№ 62 отъ 7 Января 1888 г.). Какъ видно изъ этой замѣтки, Г. Рокхиль, усердно занимавшійся въ бытность свою въ Пекинѣ китайскимъ и тибетскимъ языками, ознакомился съ китайскими описаніями У-та'я. Насколько мнѣ извѣстно, онъ нигдѣ однако не напечаталъ опи-

1) См. «China», Band II. Berlin 1877.

санія своего путешествія, и единственнымъ слѣдомъ его работы является такимъ образомъ лишь помянутое газетное извѣстіе.

Наконецъ, нашъ извѣстный путешественникъ Г. Н. Потанинъ, выѣхавъ изъ Пекина въ 1884 году въ свою экспедицію для изслѣдованія провинціи Гань-су, также точно проѣхалъ черезъ У-тай, дабы познакомиться съ этой интересной мѣстностью, но отчетъ объ его поѣздкѣ на эту священную гору еще не появлялся.

Изъ перечисленныхъ здѣсь свѣдѣній, имѣющихся объ У-та'ѣ въ европейскихъ источникахъ, видимъ, что они далеко неудовлетворительны и, за исключеніемъ труда д-ра Эдкинса, сводятся почти къ нулю. Совсѣмъ другое должно сказать о китайской и монгольской литературѣ касательно интересующаго насъ предмета.

Объ У-та'ѣ на китайскомъ языкѣ существуетъ цѣлая пространная монографія «Цинъ-лянъ-шань-чжи» (清涼山志), т. е. «Описаніе свѣтлой и прохладной горы». Книга эта составлена была при Мин'скомъ императорѣ Вань-ли (萬曆) (1573—1620), У-тай-шань'скимъ хэшан'омъ Чжэнь-чэн'омъ (湛澄); дополнилъ и выпустилъ вторымъ изданіемъ это описаніе лама монастыря Чжэнь-жунъ-юань (眞容院) на У-та'ѣ, по имени А-ванъ-ла (阿王拉), во время правленія императора Шунь-чжи (順治) (1644—1661); наконецъ, въ третій разъ сочиненіе это было переиздано при императорѣ Цянь-Лун'ѣ (乾隆) (1736—1796). Разсматриваемый капитальный трудъ раздѣленъ на 10 цзюан'ей (главъ), содержаніе коихъ слѣдующее:

Въ первой главѣ У-тай описывается въ географическомъ отношеніи, повѣствуется о томъ, съ какого времени впервые прославились эти мѣста, и заканчивается глава длинными разсужденіями о святости У-та'я. Во второй цзюан'и имѣется болѣе подробное описаніе всей горной группы вообще съ перечисленіемъ всѣхъ пиковъ и съ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ и прославленныхъ мѣстъ. Въ третьей цзюан'и говорится о замѣчательныхъ кумирняхъ У-тай'скихъ; сюда же приурочено послѣсловіе императора Канъ-си (康熙), написанное имъ въ 1701 году. Въ чет-

вертой цзюан'и говорится о почестяхъ, воздававшихся императорами этимъ священнымъ мѣстамъ и о сооруженныхъ ими тамъ кумирняхъ. Здѣсь подробно повѣствуется обо всѣхъ императорскихъ указахъ, имѣвшихъ отношеніе къ У-та'ю, съ приведеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самыхъ ихъ текстовъ. Въ пятой цзюан'и перечисляются милостынедатели, нравственно и матеріально поддерживавшіе У-тай-шань'скіе монастыри. Въ шестой—говорится о чудесахъ, происшедшихъ на У-та'ѣ и преимущественно о различныхъ хубилганахъ¹⁾ Маньчжушири, являвшихся тамъ съ самыхъ древнихъ временъ. Седьмая и восьмая цзюан'и посвящены перечисленію и краткому жизнеописанію буддійскихъ подвижниковъ и отшельниковъ, спасавшихся на У-та'ѣ, или приходившихъ туда на поклоненіе изъ далекихъ странъ. Въ девятой цзюан'и снова повѣствуется о различныхъ чудесныхъ явленіяхъ, часто происходившихъ на У-та'ѣ и производившихъ на людей сильное впечатлѣніе. Наконецъ въ десятой цзюан'и трактуются о различныхъ надписяхъ, сдѣланныхъ на У-та'ѣ императорами и замѣчательными людьми.

Какъ видимъ, Цинъ-лянъ-шань-чжи является весьма полнымъ сборникомъ всевозможныхъ свѣдѣній объ У-та'ѣ. Не смотря однако на указанное достоинство этого сочиненія, я сравнительно мало пользовался имъ. Чисто буддійскій слогъ книги, равно какъ и масса матеріала, интереснаго только для вѣрующаго буддиста, дѣлають чтеніе ея крайне утомительнымъ; къ тому же способъ изложенія и расположеніе этого сочиненія чрезвычайно сбивчивы, и часто свѣдѣнія, относящіяся къ одному и тому же предмету, приходится отыскивать въ разныхъ мѣстахъ.

Интересуясь топографическимъ описаніемъ У-та'я и историческими данными о времени возникновенія на немъ монастырей болѣе, чѣмъ буддійскими разглагольствованіями о выдающейся святости этихъ мѣстъ и о пользѣ поклоненія имъ, я предпочелъ пользоваться сочиненіемъ, дающимъ болѣе подходящій для меня

---

1) Перерожденцахъ.

матеріалъ. Сочиненіе это — Шань-си-тунъ-чжи (山西通志), т. е. «Топографическое описаніе провинці Шань-си». Здѣсь въ 26 и 171 цзюан'яхъ, трактующихъ объ уѣздѣ У-тай-сянь, мы находимъ очень подробное описаніе У-тай'ской горной группы и сооруженныхъ въ этихъ мѣстахъ кумиренъ. Изложеніе Шань-си-тунъ-чжи, свободное отъ буддійскихъ разглагольствованій о чудесахъ, дѣлаетъ чтеніе этого сочиненія болѣе интереснымъ для европейца; кромѣ того, самое расположеніе матеріала здѣсь болѣе систематичное, и свѣдѣнія, относящіяся къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, не разбросаны по разнымъ мѣстамъ, какъ въ Цинъ-лянъ-шанъ-чжи.

Наконецъ, третье, не менѣе капитальное сочиненіе, которымъ я пользовался, это — монгольское описаніе У-тай-шан'я «Табунъ уцзугурту агулан'у орошилъ сусуктэн'у чихинь чимэкъ орошиба». Самъ авторъ говоритъ въ началѣ книги, что главная цѣль его труда, это — возможно бѣльшее распространеніе среди монголовъ славы о святости У-та'я и привлеченіе туда возможно бѣльшаго числа богомольцевъ. Изложено это сочиненіе въ формѣ спутника для богомольцевъ. Наиболѣе интересною частью книги, которою я и воспользовался предпочтительно предъ другими, является первый отдѣлъ ея, гдѣ передаются легенды о Маньчжушири и о рожденіи на У-та'ѣ этого бодисатвы. Что касается до второй части, гдѣ подробно описываются достопримѣчательности У-тай'скія, то здѣсь авторъ очевидно задался исключительною цѣлью дать богомольцамъ указатель — спутникъ съ подробными объясненіями о томъ, какія гдѣ слѣдуетъ совершать поклоненія и какая отъ того можетъ произойти польза для поклоняющагося.

При составленіи историческаго очерка возникновенія на У-та'ѣ первыхъ буддійскихъ монастырей и постепеннаго ихъ умноженія, а также и при описаніи отдѣльныхъ, посѣщенныхъ мною монастырей, я черпалъ полезныя свѣдѣнія изъ книги проф. А. М. Позднѣева «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи» (Записки И. Р. Г. О. по Отд. Этнографіи, т. XVI. СПБ. 1887 г.). Весьма полезною оказалась книга

д-ра Эдкинса. «Chinese Buddhism. London 1880, Trübner's Oriental series», въ особенности ея шестая глава, гдѣ авторъ даетъ историческій очеркъ развитія буддизма въ Китаѣ. Для многихъ справокъ у меня подъ рукою былъ Санскритско—китайскій словарь Эйтеля «Handbook of Chinese Buddhism by E. J. Eitel, London 1880».

Наконецъ, при составленіи дневника поѣздки изъ Пекина на У-тай и обратно, кромѣ названной выше книжки д-ра Эдкинса «Religion in China», у меня подъ рукою было сочиненіе Williamson'a «Journeys in North China, London 1870». Впрочемъ у послѣдняго путешественника изъ пройденнаго мною пути описана лишь небольшая часть отъ Пекина до Бао-динъ-фу (保定府). Къ этому дневнику я прибавилъ еще нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о пройденныхъ мною городахъ, заимствуя ихъ изъ топографическихъ описаній провинцій Чжи-ли (直隸) и Шань-си, Цзи-фу-тунъ-чжи (畿輔通志) и Шань-си-тунъ-чжи.

Глава I.

ИЗЪ ПЕКИНА НА У-ТАЙ ЧЕРЕЗЪ БАО-ДИНЬ-ФУ И ЛУНЬ-ЦЮАНЬ-ГУАНЬ (龍泉關).

3 Мая 1889 г. Нанятыя мною для поѣздки въ У-тай два мула уже наканунѣ съ вечера были приведены въ посольство, утромъ же предстояла возня по укладкѣ багажа. Особенно большія затрудненія причиняло мое казацкое сѣдло, къ которому трудно было приладить что либо изъ вещей. Наконецъ, послѣ безконечныхъ перекладокъ все уладилось, и около 6 часовъ я выѣхалъ изъ воротъ миссіи. Личный составъ моего караванчика невеликъ: впереди мой слуга, взгромоздившійся на огромный вьюкъ, сзади я, а сбоку плетется пѣшкомъ нашъ погонщикъ, уроженецъ Шань-си, здоровый коренастый малый, отлично знающій всѣ дороги своей гористой родины, но говорящій на невозможномъ мѣстномъ нарѣчій, котораго я совсѣмъ не понимаю; приходится для бесѣды съ нимъ прибѣгать къ посредничеству моего слуги; но и тотъ довольно туго понимаетъ его, переспрашивая по нѣсколько разъ одну и ту же фразу.

Выѣхавъ изъ маньчжурскаго города черезъ ворота Цянь-мынь (前門), мы направились вдоль городской стѣны къ слѣдующимъ воротамъ въ южной стѣнѣ маньчжурскаго города, Шунь-чжи-мынь (順治), гдѣ повернули на юго-западъ, направляясь къ воротамъ китайскаго города Чжань-и-мынь (彰儀). Значительная часть (12 квадр. верстъ) столицы богдохана, обнесенная довольно высокой стѣной и извѣстная подъ именемъ Вай-ченъ (внѣшній городъ), далеко не вся сплошь застроена.

Населеніе группируется преимущественно въ сѣверной ея части, прилегающей къ маньчжурскому городу, да еще болѣе сплочено оно у всѣхъ воротъ. Въ южной части «внѣшняго города» обширные участки отведены подъ храмы Неба и Земледѣлія; средина же городского пространства и вообще мѣстности, удаленная отъ воротъ, лежатъ подъ пустошами; кромѣ того, здѣсь заведены огороды, а мѣстами попадаются даже маленькія пашни. Наиболѣе оживленною является мѣстность, лежащая непосредственно къ югу отъ воротъ Цянь-мынь; здѣсь находятся лучшія и богатѣйшія въ Пекинѣ лавки, гостинницы, рестораны.

У воротъ Чжанъ - и - мынь, находящихся въ западной стѣнѣ Вай-чэн'а, и слѣдовательно непосредственно по выѣздѣ изъ города начинается большая, вымощенная огромными плитами дорога, идущая на юго-западъ. Тянется она на протяженіи приблизительно 8 верстъ и оканчивается довольно красивой триумфальной аркой, сооруженной императоромъ Цянь - Лун'омъ въ 18 вѣкѣ. Эту мощеную дорогу, кажется, предполагалось вести далѣе, чуть-ли не до самаго императорскаго кладбища (Си-линъ 西陵), находящагося въ 150 верстахъ отъ столицы, но, вѣроятно, не хватило средствъ докончить это грандіозное сооруженіе. Въ настоящую пору оно находится въ печальномъ состояніи разрушенія; въ мостовой образовались огромныя выбоины, многихъ плитъ совсѣмъ недостаетъ. Вотъ почему всѣ проѣзжающіе здѣсь, по мѣрѣ возможности, стараются избѣгать большой дороги, предпочитая ей маленькіе грунтовые проселки, проложенные многострадальными верблюдами, мулами и лошадьми, которымъ приходится не только ходить здѣсь подъ вьюками, но и таскать громозкія, неуклюжія телѣги. Европейецъ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, какое громадное количество рабочей силы затрачиваютъ китайцы совершенно непроизводительно: телѣгу, которую по хорошей дорогѣ легко свезли бы двѣ лошади, здѣсь съ большимъ трудомъ тащатъ 5—6 муловъ, изнемогая отъ напряженія силъ. Заботясь о цѣлости своихъ головъ, и мы, по возможности, стараемся избѣгать предательской мощеной дороги.

Мѣстность, прилегающая къ воротамъ Чжанъ-и-мынь, очень густо заселена и составляетъ какъ-бы продолженіе города. По обѣимъ сторонамъ дороги тянется непрерывный рядъ полей и огородовъ. Непривычнаго наблюдателя поражаетъ огромное количество большихъ и малыхъ курганчиковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ по полямъ, — это все могилы. Извѣстно, что китайцы не имѣютъ общихъ кладбищъ, а каждое семейство хоронитъ своихъ покойниковъ на своей землѣ. Люди состоятельные отводятъ подъ семейныя кладбища большіе участки, засаживаемые обыкновенно деревьями и украшаемые богатыми памятниками. Такія усыпальницы представляютъ собою обыкновенно тѣнистые парки и являются среди сплошныхъ, обработанныхъ полей единственнымъ мѣстомъ для прогулокъ. Онѣ дѣлятся на двѣ категоріи, частныя и казенныя: первыя пріобрѣтаются на собственные средства богатыми семействами, послѣднія же жалуются богдоханомъ для погребенія близкихъ родственниковъ императорскаго дома, а именно князей первыхъ четырехъ степеней: цинь-ван'овъ (親王), цзюнь-ван'овъ (郡), бэй-лэ (貝勒) и бэй-цзы (貝子). Земли, пріобрѣтаемыя подъ кладбища, уступаются продавцами обыкновенно не иначе, какъ за двойную цѣну. Объясняется это странное на первый взглядъ явленіе тѣмъ, что земля, отходящая подъ кладбище, дѣлается, во-первыхъ, совершенно непроизводительнымъ, мертвымъ капиталомъ и, во-вторыхъ, уменьшаетъ на извѣстную сумму заработокъ окрестныхъ поселянъ. Устраивающій кладбище покупаетъ обыкновенно земли больше, чѣмъ сколько требуется для могилъ и, основываясь на указаніяхъ гадателя (фынь-шуй-сянь-шэнь 風水先生), отводитъ для погребенія членовъ своего семейства, смотря по средствамъ, большіе или меньшіе участки, вся же остальная земля, называемая остаточною, лишнею (юй-ди 餘地), отдается въ аренду, причемъ арендаторы, вмѣсто платы, обязуются охранять и расчищать кладбище. Бѣдняки хоронятъ своихъ покойниковъ на своихъ собственныхъ поляхъ; китайскій крестьянинъ, ложится такимъ образомъ по смерти въ ту самую землю, кото-

рую онъ съ такою любовью воздѣлывалъ въ теченіи всей своей жизни.

Недолго пришлось мнѣ наслаждаться видомъ прекрасно воздѣланныхъ полей и густо населенной мѣстности; за аркой, воздвигнутой у конца мощеной дороги, начинается песчаная полоса, прилегающая къ протекающей невдалекѣ рѣкѣ Юнь - динъ - хэ (永定河), болѣе извѣстной подъ именемъ Хунь-хэ (渾), «мутной рѣки». Начинаясь около Калгана, рѣка эта тянется въ юго - восточномъ направленіи и, невдалекѣ отъ г. Тянь - цзин'я (天津) впадаетъ въ рѣку Ху-ту-хэ (滹 拖). На восточномъ берегу ея стоитъ небольшой, обнесенный стѣнами городокъ Гунъ-цзи-чэнъ (拱 極 城), въ просторѣчи называемый Фэй - чэнъ (肥); здѣсь находится резиденція си - лу - тунъ - чжи (西路 同 知), т. е. пристава, завѣдующаго дорогами, ведущими къ западу отъ столицы. Такихъ должностныхъ лицъ вокругъ Пекина всего четыре. У западныхъ воротъ этого города, стѣны котораго имѣютъ нѣсколько менѣе версты въ окружности, протекаетъ Хунь - хэ. Здѣсь перекинутъ черезъ рѣку знаменитый мостъ Лу-гоу-цяо (蘆 溝 橋), считающійся однимъ изъ чудесъ китайскаго міра и дѣйствительно представляющій грандіозное сооруженіе. Построенъ онъ изъ бѣлаго песчаника на 11 аркахъ; длина его 100 сажень слишкомъ, ширина около 5 сажень; балюстрады по обѣимъ сторонамъ моста состоятъ изъ 280 каменныхъ столбиковъ въ 2 аршина вышиною, украшенныхъ статуетками львовъ; пространство между этими столбиками заложено каменными плитами. На обоихъ берегахъ рѣки у моста выстроено по два павильона съ желтыми крышами, подъ которыми на черепашихъ спинахъ стоятъ мраморныя доски съ надписями; въ нихъ излагается исторія моста, сооруженнаго впервые еще въ XII вѣкѣ. Когда подъѣзжаешь къ Лу-гоу-цяо, то прежде всего задаешься вопросомъ, зачѣмъ понадобилось такое огромное сооруженіе чрезъ ничтожную рѣченку, едва замѣтно вьющуюся по руслу между двумя средними арками моста? Дѣло въ томъ, однако, что этотъ ничтожный ручей въ дождливое время года разрастается

въ широкій, бурный потокъ, затопляющій безпощадно все, что попадаетъ на пути его. Не далѣе какъ осенью 1888 года, Хунь-хэ прорвала въ мѣстности, лежащей нѣсколько ниже Лу-гоу-цяо, береговую плотину и затопила огромное пространство, причинивъ немалые убытки земледѣльцамъ. Разливами этой рѣки и можно объяснить странное на первый взглядъ явленіе, что по обоимъ берегамъ ея, среди плодородной равнины тянется пустынная песчаная полоса, шириною приблизительно верстъ въ 10; разливаясь, бурный потокъ заноситъ плодородныя мѣстности пескомъ и иломъ, а сильные вѣтры, часто свирѣпствующіе здѣсь, разносятъ песокъ на далекое разстояніе. Правительство озаботилось огражденіемъ окрестныхъ мѣстностей отъ наводненія: на обоихъ берегахъ рѣки устроены высокія и прочныя плотины, тянушіяся, какъ видно съ моста, на далекое разстояніе; кромѣ того, недавно мѣстность, прилегающая къ Лу-гоу-цяо, соединена телеграфомъ съ Тяньцзин'емъ для своевременнаго уведомленія Чжили'скаго генералъ-губернатора о прибыліи воды. Мостъ Лу-гоу-цяо имѣетъ громадное значеніе въ коммерческомъ отношеніи: черезъ него направляется все торговое движеніе изъ юго-западныхъ окрестностей Пекина, а также изъ сѣверо-западныхъ провинцій въ столицу. Временами вся дорога отъ моста до Пекина положительно бываетъ запружена безконечными караванами верблюдовъ, муловъ и ословъ, нагруженныхъ углемъ, добываемымъ въ горахъ, лежащихъ къ западу отъ столицы. Особенной извѣстностью, благодаря своимъ богатымъ угольнымъ копямъ, пользуются горы Фанъ-шань (房山) и Да-ань-шань (大鞍), изъ которыхъ вывозится уголь не только въ Пекинъ, но и въ мѣстности, лежащія далеко къ востоку отъ столицы. Въ осеннее время, въ Октябрѣ и Ноябрьѣ по этой же дорогѣ тянутся огромные караваны съ хлопкомъ, доставляемымъ изъ мѣстностей къ югу отъ города Бао-динъ-фу.

Въ двухъ верстахъ отъ Лу-гоу-цяо лежитъ большое торговое село Чанъ-синъ-дянь (長興店), или Чанъ-синъ-чжэнь (鎮). Именемъ «чжэнь» въ Китаѣ называются большія села или посады,

возникшіе и процвѣтающіе вслѣдствіе выгоднаго своего положенія въ торговомъ отношеніи; села эти не представляютъ собственно административныхъ центровъ, но въ нихъ обыкновенно учреждается постъ военнаго чиновника, для усиленія полицейскаго надзора. Село Чанъ-синъ-чжэнь, какъ и всѣ подобныя крупныя поселенія въ Китаѣ, вытянулось въ длину вдоль большой дороги, которая является въ то же время и единственной его улицей. Дорогу пересѣкаютъ тамъ и сямъ небольшіе переулки, тянущіеся въ обѣ стороны не далѣе нѣсколькихъ саженой. Поэтому большая часть дворовъ построена такъ, что фасадами они выходятъ на улицу, а задворками въ поле. Тянется это село на протяженіи $3\frac{1}{2}$ —4 верстъ и имѣетъ до 1500 дворовъ. Принимаемая во вниманіе массу гостинницъ и торговыхъ заведеній всякаго рода съ многочисленною прислугою, количество постояннаго населенія села Чанъ-синъ-чжэнь слѣдуетъ опредѣлить не менѣе какъ въ 10,000 душъ. Украшеніемъ села служатъ двѣ большія кумирни, расположенныя на въѣздѣ и выѣздѣ, наиболѣе же выдающимся зданіемъ является походный дворецъ императора, синъ-гунъ (行宮).

Повелители Поднебесной путешествуютъ не иначе, какъ въ сопровожденіи огромной свиты, состоящей изъ приближенныхъ и значительнаго числа солдатъ, несущихъ охранную службу. Размѣщать всю эту свиту въ попутныхъ деревняхъ и городахъ невозможно, а потому и явилась надобность въ постройкѣ особыхъ обширныхъ дворцовъ, предназначенныхъ спеціально для остановокъ императора во время путешествія. Вокругъ Пекина такіе дворцы устроены по двумъ направленіямъ—сѣверо-восточномъ, по дорогѣ, ведущей на восточныя императорскія кладбища (Дунъ-линъ 東陵) и въ лѣтній дворецъ Жэ-хэ (熱河), и въ западномъ, по пути на западныя кладбища Си-линъ. Строятся эти дворцы въ разстояніи приблизительно 20 верстъ другъ отъ друга и, смотря по размѣрамъ, дѣлятся на малые и большіе: въ первыхъ императоръ останавливается днемъ для обѣда, въ послѣднихъ же ночуетъ. Всѣ дворцовыя зданія, по китайскому обыкновенію, окру-

жены высокою стѣною, построенною въ формѣ четырехугольника или эллипсиса. Въ южной части стѣны устраиваются большія главные ворота Да-гунъ-мынь (大宮), перпендикулярно къ нимъ со стороны улицы находятся обыкновенно двѣ сторожки (чао-фанъ 朝房), въ которыхъ помѣщаются караульные солдаты. Такія же сторожки, но нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ, устраиваются и внутри воротъ, здѣсь онѣ носятъ названіе Ли-чао-фанъ (裏朝) и служатъ главнымъ образомъ для временнаго помѣщенія чиновниковъ, прїѣзжающихъ во дворецъ по казенной надобности. Далѣе слѣдуютъ еще бѣльшія ворота (Эрръ-гунъ-мынь т. е. вторыя дворцовыя ворота), у которыхъ дежурятъ личные тѣлохранители императора, его адъютанты — ши-вэй (侍衛); за ними устраивается большая палата, дянь (殿), это обыкновенно самое значительное зданіе во дворцѣ, и здѣсь императоръ даетъ аудіенціи и вершитъ дѣла, правильное теченіе которыхъ не прерывается во время путешествія. По закону, императора всюду сопровождаютъ представители отъ всѣхъ министерствъ, которые и дѣлаютъ доклады по текущимъ дѣламъ. Лица, которымъ назначены аудіенціи на извѣстные дни, должны, не взирая на разстояніе, догонять императорскій кортежъ и въ указанное время представляться своему повелителю. За аудіенцъ-залою слѣдуютъ, наконецъ, еще третьи ворота, называемыя Гунъ-мынь, т. е. просто «дворцовыя ворота», за которыми находятся внутренніе покои императора, гдѣ помѣщается онъ самъ и его семья. Все пространство между этими постройками и окружающею дворецъ стѣною, заполнено службами, въ которыхъ размѣщается свита, стража и прислуга. Кромѣ большихъ, главныхъ воротъ, чрезъ которыя торжественно проѣзжаетъ лишь одинъ императоръ, во дворецъ ведутъ еще трое малыхъ, продѣлываемыхъ обыкновенно въ заднихъ и боковыхъ стѣнахъ.

Сынъ Неба, какъ извѣстно, начинаетъ свой день очень рано, еще до восхода солнца, часа въ два ночи. Правило это не нарушается и во время путешествій; императоръ пускается въ путь еще до свѣту въ потьмахъ, причемъ дорогу освѣщаютъ фона-

рями и факелами. Часовъ въ 5, 6 утра бываетъ небольшая остановка для чая и ранняго завтрака; располагаются при этомъ обыкновенно въ какой нибудь попутной кумирнѣ, при которыхъ иногда устраиваются для этихъ случаевъ небольшіе походные дворцы. (Такой дворецъ, нынѣ уже совершенно разрушенный, существуетъ, напримѣръ, при кумирнѣ Да-чжунъ-сы, лежащей къ сѣверу отъ Пекина). Часовъ въ 9, 10 утра бываетъ остановка для обѣда, а къ двумъ, тремъ часамъ пополудни императорскій поѣздъ прибываетъ уже на мѣсто ночлега.

Мы остановились въ Чанъ-синъ-чжэн'и и послѣ двухчасоваго отдыха тронулись далѣе.

Дорога продолжалась въ юго-западномъ направленіи, по совершенно ровной мѣстности, среди зеленѣющихъ полей. Черезъ пересохшіе въ настоящее время года ручейки перекинута большіе каменные мосты; дорожа своими головами, мы держались отъ нихъ въ почтительномъ разстояніи, предпочитая издали любоваться на грандіозныя сооруженія китайскихъ инженеровъ; все-сокрушающее время и ихъ превратило въ груды жалкихъ, поросшихъ травой развалинъ, свидѣтельствующихъ о быломъ величіи правителей Китая. Проѣхавъ черезъ 2 — 3 деревушки, защищенныя отъ палящихъ лучей солнца пучками деревьевъ, увидѣлъ я стѣны городка Лянъ-сянъ (良鄉), административнаго центра уѣзда того же имени. При императорѣ Лунъ-цин'ѣ (隆慶) (1567—1573 г.) Мин'ской династіи вокругъ этого города были выведены каменные стѣны, замѣнившія собою существовавшій прежде земляной валъ; стѣны эти имѣютъ около двухъ верстъ въ окружности. При послѣднемъ императорѣ Мин'ской династіи Чунъ-чжэн'ѣ (崇禎) (1628—1644) стѣны были исправлены¹⁾. Лянъ-сянъ славится прекраснымъ виномъ, выкуриваемымъ въ его окрестностяхъ и высоко цѣнимымъ въ Пекинѣ. Вино это приобрѣло извѣстность не потому, чтобы оно приготовлялось иначе, а единственно благодаря высокому качеству воды Лянъ-сян'ской, упо-

1) Цзи-фу-тунъ-чжи 25 цюань. Л. I.

требляемой при его выдѣлкѣ и славящейся на весь округъ. Въ самый городъ мы не вѣзжали, а, обогнувъ его съ восточной и южной сторонъ, продолжали путь на юго-западъ. Черезъ каждыя 5 верстъ попадаются намъ полуразрушенныя башни, сажень въ 5 вышиною, имѣющія форму усѣченной пирамиды, съ маленькими будочками на верхнихъ площадкахъ; онѣ носятъ названіе Дунь-тай (墩臺) «сторожевыхъ башенъ». Система устройства ихъ существуетъ съ глубокой древности; тѣ-же изъ башенъ, которыя существуютъ до сихъ поръ, построены были большею частью во времена Мин'ской династіи для предупрежденія внезапныхъ набѣговъ непріятеля на столицу: въ случаѣ приближенія враговъ, на вершинахъ башенъ разводились костры, возвѣщавшіе объ опасности. На разстояніи полуверсты другъ отъ друга, вдоль дороги, устроены маленькія сторожки, въ настоящую пору, по бѣльшей части почти совершенно развалившіяся; на лицевыхъ стѣнкахъ этихъ сторожекъ, выкрашенныхъ бѣлою краскою, большими черными буквами сдѣланы надписи съ обозначеніемъ, къ какому округу принадлежитъ данная сторожка, на какомъ разстояніи находится она отъ ближайшаго города, и сколько должно быть при ней караульныхъ солдатъ, причемъ перечислены даже имена этихъ послѣднихъ. Чиновники, которымъ все сіе вѣдать надлежитъ, разсудили, однако, что гораздо выгоднѣе класть отпускаемыя на содержаніе этихъ сторожекъ и караульныхъ деньги въ собственный карманъ, рассчитывая, что разбойниковъ будетъ устрашать одинъ видъ будокъ. Говорятъ, впрочемъ, что караульные этихъ сторожекъ существуютъ, но проживаютъ они въ сосѣднихъ деревняхъ и только изрѣдка появляются у своихъ постовъ. Къ такимъ посѣщеніямъ побуждаетъ ихъ, между прочимъ, то обстоятельство, что, помимо обязанности сторожа, они отправляютъ еще и почтовую службу: казенныя бумаги, не имѣющія особа важнаго значенія, доставляются черезъ ихъ посредство, — пакетъ приносится въ сторожку и кладется подъ камень, чтобы не унесло его вѣтромъ, а караульный, придя на досугъ въ будку и увидѣвъ пакетъ, доставляетъ его дальше, до слѣдующей будки.

Хорошо обставлена здѣсь на большихъ дорогахъ продовольственная часть; — чуть ни черезъ каждые сто сажень устроены гостиницы, съѣстные и чайныя лавочки; кромѣ того, по дорогѣ постоянно бродитъ масса разносчиковъ, предлагающихъ проѣзжающимъ всевозможныя яства. Изъ такихъ кушаній, потребляемыхъ проѣзжими такъ сказать на ходу, особенно любимо варево, извѣстное подъ именемъ цзунъ-цзы (粽子); готовится оно изъ риса съ сахаромъ и сушеными жужубами, смѣсь искусно завертываютъ въ тростниковыя листья, варятъ и затѣмъ кладутъ въ холодную воду; при ѣдѣ листья развертываютъ, и получается нѣчто въ родѣ нашей кутьи. Для новичка являются по дорогѣ разныя неожиданности. Мучимый жаждою, я вошелъ, на примѣръ, въ маленькій домикъ съ вывѣскою, гласившею, что здѣсь можно получать разные припасы и кормъ для скота. Будучи совершенно убѣжденъ, что это съѣстная лавочка, я спросилъ себѣ чаю. Каково же было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что подаетъ мнѣ его какой-то бритый субъектъ-монахъ; оборачиваюсь и вижу въ темномъ углу огромную запыленную статую Будды. Оказывается, что я попалъ въ кумирню, большая половина которой отведена подъ лавку.

Въ седьмомъ часу пришли на ночлегъ въ торговое село Доудянь-чжэнь (賣店), отстоящее отъ Чанъ-синъ-чжэн'я приблизительно въ 25 верстахъ. Настоящее время года, до наступленія жаровъ, является наиболѣе благопріятнымъ для путешествій, и проѣзжающихъ по большимъ дорогамъ масса; поэтому подчасъ бываетъ нелегко найти пристанище на постоялыхъ дворахъ. Мы также очень долго искали мѣста въ переполненныхъ гостиницахъ, пока, наконецъ, не нашли несчастной маленькой каморки, гдѣ и преклонили свои усталыя головы.

4 Мая. Въ эту ночь мнѣ впервые пришлось познакомиться съ прелестями и удобствами китайскаго постоялаго двора; всѣ они на одинъ ладъ. Въѣзжаете вы въ китайскій отель, носящій обыкновенно какое-нибудь высокопарное названіе, въ родѣ «Великой добродѣтели» или «Возвышенной справедливости», черезъ

довольно широкія, но низкія ворота, и васъ сразу обдаетъ запахомъ кухни или, если угодно, ресторана гостинницы, помѣщающагося обыкновенно подъ воротами. Проѣхавъ черезъ ворота, вы попадаете на большой, немощеный дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся длинныя одноэтажныя зданія, раздѣленныя на маленькія каморки, это — «номера для пріѣзжающихъ». Смотри по величинѣ гостинницы, дворовъ бываетъ нѣсколько, но рѣдко менѣе двухъ; здѣсь складываются вьюки и ставятся телѣги. Въ очень большихъ гостинницахъ стойла для скота устраиваются гдѣ-нибудь отдѣльно; бѣльшею-же частію на тѣхъ же дворахъ, гдѣ находятся «номера», помѣщается и скоть. Комната въ гостинницѣ обыкновенно представляетъ собою каморку, размѣрами въ двѣ квадратныхъ сажени, причемъ двѣ трети пространства заняты кан'омъ (炕), замѣняющимъ у китайцевъ почти всю нашу мебель. Счастливъ тотъ европейскій путешественникъ, который найдетъ въ такой каморкѣ столъ и стулъ, иначе приходится довольствоваться китайскимъ низенькимъ столикомъ, предъ которымъ нужно сидѣть на кан'ѣ, поджавши ноги по восточному обычаю, къ чему привыкнуть нелегко. Лучшія комнаты, наиболѣе просторныя и снабженныя обыкновенно кое-какою мебелью, находятся на самомъ заднемъ дворѣ гостинницы и помѣщаются во флигелѣ, идущемъ параллельно улицѣ. Въ эти «высокіе покои», какъ называютъ ихъ китайцы, мнѣ очень рѣдко удавалось проникать, такъ какъ хозяева оберегаютъ ихъ обыкновенно для почетныхъ, а главное тароватыхъ гостей; я-же къ числу таковыхъ причисленъ быть не могъ уже потому, что не требовалъ нигдѣ почти никакихъ кушаній, которыя въ Китаѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, составляютъ главный предметъ дохода держателей гостинницы. Питался-же я приготовленными мнѣ слугою кое-какими нехитрыми блюдами да консервами, захваченными изъ Пекина. На Доу-дянь-чжэнь'скомъ постояломъ дворѣ лучшія комнаты были заняты какими-то чиновниками изъ Пекина, и мнѣ пришлось помѣститься въ одной изъ боковыхъ каморокъ. Ночь провелъ отвратительно главнымъ образомъ потому, что въ крошечной клѣткѣ моей положительно

нечѣмъ было дышать. Не мало также мѣшала мнѣ спать не прекращавшаяся всю ночь болтовня извозчиковъ и погонщиковъ, помѣщавшихся въ сосѣдней комнатѣ.

Поневолю спрашиваешь себя, когда-же эти люди успѣваютъ отдыхать?—весь день на ногахъ и ночью не спятъ. Едва успѣлъ я увидѣть первый сонъ, какъ около 3½ часовъ утра меня разбудилъ мой слуга, заявляя, что пора собираться въ дорогу, сегодня-де предстоитъ большой переходъ. Пришлось вставать и начать укладываться.

Путешествіе на мулахъ сопряжено, между прочимъ, съ тѣмъ значительнымъ неудобствомъ, что приходится ежедневно тратить очень много времени на упаковку вьюковъ. Погонщики естественно заботятся прежде всего о томъ, чтобы сберечь своихъ муловъ и стараются соблюсти возможное равновѣсіе при нагрузкѣ, для чего укладываютъ и перекладываютъ вещи нескончаемое количество разъ. Поднявшись въ четвертомъ часу, мы выѣхали не ранѣе пяти.

Верстахъ въ семи отъ Доу-дянь-чжэн'я дорога поднимается на вымощенную плитами насыпь, возвышающуюся сажени на двѣ надъ общимъ уровнемъ мѣстности; устроена эта насыпь съ цѣлью обезопасить дорогу отъ часто случающихся здѣсь въ дождливое время года, наводненій, причиняемыхъ разливами протекающей невдалекѣ судоходной рѣки Лю-ли-хэ (流璃).

Береть начало она въ мѣстности Лунъ-цюань-юй (龍泉浴) въ уѣздѣ Фанъ-шань (房山), невдалекѣ отъ горы Бо-хуа-шань (百花山), течетъ въ юго-восточномъ направленіи и впадаетъ въ Цзюй-ма-хэ (拒馬). Черезъ Лю-ли-хэ перекинутъ большой каменный мостъ, по конструкціи похожій на Лу-гоу-цяо, нѣсколько длиннѣе, но за то несравненно уже послѣдняго. На одной изъ балюстрадъ моста я замѣтилъ огромную желѣзную балку, нижнимъ концомъ своимъ упирающуюся въ дно рѣки; лежитъ эта балка здѣсь уже очень давно, и народное воображеніе не замедлило объяснить присутствіе ея разными причудливыми вымыслами: одни говорятъ, что балка эта была орудіемъ какого-то

знаменитаго въ древности богатыря-полководца, который, прѣхавъ сюда, воткнулъ ее въ землю и привязалъ къ ней коня; другіе рассказываютъ, что этимъ гигантскимъ коломъ извѣстный Юй-ванъ (禹 王) умертвилъ рѣчнаго дракона, причинявшаго наводненія; скептики, наконецъ, утверждаютъ, что желѣзная балка эта просто была оставлена здѣсь послѣ окончанія работъ, производившихся при постройкѣ моста.

По ту сторону моста стоитъ большое торговое село, называющееся по имени рѣки Лю-ли-хэ; оно имѣетъ важное торговое значеніе, такъ какъ лежитъ у конечнаго пункта, до котораго товары съ моря доставляются по рѣкѣ, далѣе они идутъ внутрь страны уже сухимъ путемъ. Внизъ по теченію рѣки отсюда идетъ въ восточныя прибрежныя части Чжили'ской провинціи главнымъ образомъ уголь, сюда же подвозятся разные китайскіе и иностранные товары, доставляемые моремъ до Тяньцзин'я.

Далѣе дорога потянулась снова по плоской равнинѣ, сплошь занятой подъ пашни; черезъ каждыя двѣ-три версты попадаются небольшія деревушки, обсаженныя деревьями. Такіе поселки можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ чисто земледѣльческіе и состоятъ изъ 50—75 дворовъ, другіе болѣе крупныя въ 100 и болѣе дворовъ съ лавками и даже одною или двумя кумирнями. Въ поселкахъ перваго типа дома расположены какъ попало, безо всякаго порядка, причемъ всякій дворъ обнесенъ высокимъ заборомъ изъ соломы, обмазанной глиною; въ большихъ деревняхъ замѣтна уже нѣкоторая претензія на благоустройство — дома вытянуты въ улицу, безобразныя соломенные заборы отсутствуютъ; общимъ видомъ своимъ эти послѣдніе поселки приближаются къ типу села чжэнь (鎮).

Отъѣхавъ версть девять отъ Лю-ли-хэ, завидѣли издали стѣны города Чжо-чжоу (涿州), административнаго центра округа того же имени; каменныя стѣны города, замѣнившія прежній земляной валъ, были возведены впервые при Мин'ской династіи, во время правленія императора Цзинъ-тай'я (景泰) (1450—1458);

онѣ имѣютъ въ окружности слишкомъ $4\frac{1}{2}$ версты. При приближеніи къ Чжо-чжоу издали видны двѣ пагоды, находящіяся въ восточной части города; обѣ онѣ выведены въ 5 этажей, вышиною въ 30 слишкомъ сажень; одна изъ нихъ стоитъ въ самомъ сѣверо-восточномъ углу города при кумирнѣ Юнь-цзюй-сы (雲居寺), другая нѣсколько южнѣе, при кумирнѣ Чжи-ду-сы (制度). Почти всѣ такія пагоды, называемыя въ просторѣчій Та (塔), а у китайскихъ буддистовъ Фу-ту (浮屠), построены въ оградахъ монастырей; тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ теперь особнякомъ, были первоначально воздвигнуты въ монастыряхъ, въ настоящее время разрушенныхъ, пагоды же, какъ построенныя болѣе старательно и изъ болѣе прочнаго матеріала, сохранились. Фу-ту бываютъ 5, 7, 9, 11 и 13-ти этажныя; первыя три служатъ надгробными памятниками для болѣе или менѣе выдающихся хэшан'овъ, 11-ти же и 13-ти этажныя пагоды носятъ названіе Шэ-ли-та (捨利) и являются хранилищами мощей какихъ-либо буддѣйскихъ святыхъ или же особо чтимыхъ хэшан'овъ. Такое значеніе надмогильныхъ памятниковъ имѣетъ бóльшая часть сохранившихся доселѣ «та», воздвигнутыхъ главнымъ образомъ при Мин'ской династіи. Существуетъ, однако, мнѣніе, что при монгольской Юань'ской (元) династіи такія пагоды воздвигались также для оказанія счастливаго вліянія на окрестныя мѣстности. Въ настоящее время хэшан'ы не пользуются въ Китаѣ особымъ почетомъ, а потому сооруженіе надъ ихъ могилами столь дорого стоящихъ памятниковъ прекратилось. Въ полуверстѣ отъ Чжо-чжоу протекаетъ рѣка Цзюй-ма-хэ, съ верхнимъ теченіемъ которой, почти на всемъ его протяженіи, мнѣ пришлось познакомиться на возвратномъ пути изъ У-та'я въ Пекинъ. Получая начало въ мѣстности Лай-шань, лежащей невдалекѣ отъ города Гуанъ-чанъ-сянь (廣昌縣) въ западной части провинціи Чжи-ли, Цзюй-ма-хэ протекаетъ мимо Цзы-цзинъ-гуан'я (紫荊關) и входитъ въ предѣлы уѣзда Фанъ-шанъ-сянь; здѣсь, въ мѣстности Ти-гао-юй (提

1) Цзи-фу-тунъ-чжи. 25 цз. 6 л.

高浴), рѣка раздѣляется на два рукава, которые вскорѣ соединяются у мѣстечка Бо-гоу (白溝), невдалекѣ оттуда Цзюй-ма-хэ впадаетъ въ Хунь-хэ¹⁾. У Чжо-чжоу черезъ рѣку перекинуть великолѣпный мостъ, носящій названіе Юнь-цзи-цяо (永濟) т. е. «мостъ вѣчной переправы;» на обоихъ берегахъ рѣки устроены къ нему длинные подъѣзды-дамбы, вымощенныя каменными плитами и, также какъ самый мостъ, огороженныя высокой и массивной балюстрадой, у концовъ которой стоятъ каменные фигуры львовъ и слоновъ, какъ бы поддерживающихъ все сооруженіе. Вмѣстѣ съ этими подъѣздами мостъ имѣетъ около 300 саженъ длины. Сооруженъ онъ, также какъ и Лу-гоу-цяо, изъ бѣлаго известняка и находится въ полной исправности, такъ какъ отремонтированъ не далѣе какъ въ серединѣ нынѣшняго вѣка. Казалось бы, что капитальное сооруженіе это должно обеспечивать постоянную и безпрепятственную переправу черезъ рѣку во всякое время года; я замѣтилъ, однако, что во многихъ мѣстахъ песокъ, наносимый рѣкою во время половодья, лежитъ выше уровня подъѣздовъ къ мосту, изъ чего можно заключить, что въ дождливое время года подъѣзды эти, а можетъ быть и самый мостъ, заливаются водою. Прямо съ моста въѣхали мы въ сѣверное предмѣстье Чжо-чжоу. Здѣсь остановились ненадолго въ одной изъ гостинницъ, чтобы перемѣнить мое казацкое сѣдло, оказавшееся непрактичнымъ, на вьючное. Часъ провозились съ вьюками; около десяти тронулись далѣе и въѣхали въ сѣверныя ворота Чжо-чжоу. Городъ этотъ производитъ впечатлѣніе богатаго торговаго центра. На главной улицѣ, перерѣзывающей весь городъ съ сѣвера на югъ, находится много большихъ и богатыхъ лавокъ, украшенныхъ вывѣсками, ничуть не уступающими Пекинскимъ; среди нихъ немалое число магазиновъ торгующихъ книгами и предметами роскоши, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ интеллигентности и достаточности населенія. На этой же улицѣ, посреди города, высятся двухъ-этажныя ворота, носящія названіе

---

1) Цзи-фу-тунь-чжи. 21 цз. 8 л.

Сы-минъ-лоу (四明樓), что значить въ буквальномъ переводѣ «зданіе, съ котораго видно на всѣ четыре стороны». Такія сооруже-нія возводятся на казенный счетъ во всѣхъ административныхъ центрахъ, начиная съ главнаго города округа, «чжи-ли-чжоу». Вышиною они бываютъ въ шесть-семь сажень. Нижній этажъ обыкновенно строится изъ кирпича, и въ немъ для проѣзда дѣлается арка, которая иногда украшается живописью; на аркѣ въ Чжо-чжоу, напримѣръ, были нарисованы виды города. Въ верхнемъ этажѣ такихъ воротъ, часто деревянномъ и устраиваемомъ въ формѣ павильона, помѣщается иногда статуя божества Куй-синъ (魁星), покровителя ученыхъ; тамъ же обыкновенно ставится колоколъ или барабанъ, въ которые бьютъ въ ночное время для обозначенія часовъ. Какъ видно изъ самаго названія, даннаго этимъ сооруженіямъ (Сы-минъ-лоу), они служатъ каланчами, на которыхъ ставятся сторожа, наблюдающіе за спокойствіемъ въ городѣ и подающіе сигналы въ случаѣ пожара. На этихъ же «лоу» наклеиваютъ обыкновенно важныя объявленія съ распоряженіями мѣстныхъ властей, здѣсь же вывѣшиваются клѣтки съ головами казненныхъ преступниковъ. Съ трудомъ протискав-шись съ нашими огромными, неуклюжими вьюками по узкой, запруженной народомъ улицѣ, мы выѣхали наконецъ въ южныя ворота города. Забылъ упомянуть еще объ одной важной досто-примѣчательности Чжо-чжоу: онъ славится своими превосходными свиньями, которыя во множествѣ доставляются отсюда въ Пекинъ и особенно цѣнятся въ столицѣ. Обиліе свиней является въ окрестностяхъ Пекина, да и вообще въ сѣверномъ Китаѣ вѣрнымъ признакомъ богатства извѣстнаго округа. Дѣло въ томъ, что свиньи разводятся здѣсь не столько для продажи на убой, сколько для навоза, который предпочитается всѣмъ другимъ. Китайцы удобряютъ свои поля почти исключительно человѣчьимъ и свинячьимъ навозомъ, но послѣдній считается въ пять разъ сильнѣе перваго. Навозъ-же травоядныхъ животныхъ цѣнится очень низко и употребляется всего чаще въ топливо. Чжо-чжоу является центромъ для сбыта навоза; сюда съѣзжаются крестъ-

яне изъ довольно отдаленныхъ деревень для закупки необходимаго удобренія. Вотъ чѣмъ объясняется обиліе здѣсь свиней, изъ которыхъ лишнія сбываются во множествѣ въ столицу.

Послѣ семиверстнаго перехода отъ Чжо-чжоу и приблизительно 33-верстнаго отъ мѣста ночлега, мы пришли въ село Сунъ-линь-дянь (松林), гдѣ и остановились для завтрака. Недолго, однако, пришлось намъ отдыхать послѣ утренней тряски; по составленному росписанію намъ сегодня предстояло сдѣлать переходъ еще въ 30 верстъ, и нужно было торопиться, чтобы успѣть на ночлегъ засвѣтло. Снова потянулась безбрежная равнина; движеніе по дорогѣ весьма значительное: ѣдетъ масса телѣгъ, въ которыя впряжено по два и по три мула; — эти животныя по своей выносливости и силѣ цѣнятся здѣсь несравненно выше лошадей. На многихъ изъ телѣгъ развиваются маленькіе желтые или бѣлые флаги съ надписями; въ нихъ ѣдутъ чиновныя лица или ихъ семейства, на надписяхъ-же значится, къ какому министерству или управленію принадлежатъ ѣдущіе. Встрѣчаемъ немало возвращающихся съ У-та'я богомольцевъ, бѣльшею частью монгольскихъ и китайскихъ ламъ и хэшан'овъ, сопровождающихъ иногда набожныхъ старушекъ-монголокъ, давшихъ обѣтъ пѣшкомъ сходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Попадается также немало гробовъ, перевозимыхъ въ телѣгахъ или на носилкахъ (на двухъ мулахъ) — это покойниковъ доставляютъ съ мѣста кончины на родину. Такая перевозка практикуется здѣсь въ широкихъ размѣрахъ. Каждый болѣе или менѣе достаточный китаецъ желаетъ непременно быть схороненнымъ на родинѣ, въ семейной усыпальницѣ. Умершему на чужбинѣ обыкновенно устраиваютъ временную могилу, для чего существуютъ такъ называемыя И-ди (義地) «благотворительныя земли», прибрѣтаемыя на средства лицъ, происходящихъ изъ одной мѣстности. Очень часто для этой цѣли избираются кумирни, причемъ гробы богачей ставятся въ самой монастырской оградѣ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и обдѣлываются кирпичами. Людей же средняго достатка зарываютъ въ землю и ставятъ надъ такими вре-

менными могилами каменные дощечки съ надписями, откуда родомъ умершій, его имя и званіе. Такъ какъ гробы у китайцевъ дѣлаются изъ очень прочнаго дерева, то они держатся въ землѣ очень долго и не скоро подвергаются разложенію. По прошествіи нѣкотораго времени, нѣсколькихъ недѣль, мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, родственники покойнаго перевозятъ его на родину. Со стороны правительства никакихъ препятствій къ такой перевозкѣ не дѣлается. Гробы не дозволяется лишь ввозить въ города; допускаются, впрочемъ, исключенія по отношенію къ очень высокопоставленнымъ лицамъ, причемъ каждый разъ требуется особый императорскій указъ, почитаемый родственниками покойнаго за особую милость. Обыкновенно гробы съ покойниками перевозятся безъ сопровожденія родственниковъ и сдаются транспортнымъ конторамъ съ обязательствомъ доставить по назначенію. На каждомъ гробѣ непременно сидитъ въ небольшой клѣткѣ пѣтухъ; онъ носитъ названіе Линъ-хунъ-цзи (領魂雞) «пѣтухъ-проводникъ души» и долженъ, по принятому обычаю, быть бѣлаго цвѣта, въ знакъ траура; своимъ пѣніемъ онъ указываетъ душѣ, гдѣ ея тѣло, и не даетъ ей заблудиться; для этой же цѣли ко гробу прикрѣпляется маленькій флагъ на палкѣ, дабы душа, почему нибудь не слышащая пѣнія пѣтуха, могла во всякомъ случаѣ ориентироваться по этому флагу.

Проѣхали большое сѣло Гао-пу-дянь (高蒲).

Въ 10 верстахъ отъ него стоитъ уѣздный городъ Динъ-синъ-сянь (定興縣), каменные стѣны котораго, имѣющія 2½ версты въ окружности и замѣнившія собою существовавшій со временъ Цзинь'ской династіи земляной валъ, возведены были въ пятомъ году правленія Мин'скаго императора Лунъ-цин'а (1571 г.) и отремонтированы въ 10 годъ правленія императора Шунъ-чжи (1654) ¹⁾. Динъ-синъ-сянь очень незначительный городокъ, уступая какъ размѣрами, такъ и численностью населенія большому торговому селу Бэй-хэ (北河), отстоящему отъ

1) Цзи-фу-тунъ-чжи. 25 цз. 13 л.

него всего въ 5 верстахъ; здѣсь мы остановились на ночлегъ. Село стоитъ недалеко отъ южнаго рукава Цзюй-ма-хэ, извѣстнаго подъ названіемъ Лай-шуй (涑水); нѣсколько къ западу отъ села рукавъ этотъ принимаетъ двѣ маленькія рѣки И-шуй (易水) и Ша-шуй (沙), берущія начало въ горахъ, лежащихъ невдалекѣ на западѣ. По сліяніи съ этими двумя рѣчками, рукавъ Цзюй-ма-хэ получаетъ названіе Бэй-хэ и поворачиваетъ на востокъ.

На этотъ разъ въ Бэй-хэ мнѣ отвели довольно большую комнату, гдѣ я устроился довольно порядочно и собирался прекрасно отдохнуть послѣ длиннаго шестидесяти-верстнаго перехода, но скромному желанію моему не суждено было сбыться. Какъ разъ подъ окномъ моей комнаты помѣстилась влюбленная парочка; «онъ» брянчалъ на пип'ѣ (琵琶) (родъ балалайки), а «она» распѣвала какую-то однообразную пѣсенку. Монотонна была пѣснь, но она заинтересовала меня какъ первое, встрѣченное мною въ Китаѣ, проявленіе болѣе или менѣе идеально-романтическаго чувства. Странно сказать, я заслушался этой простой мелодіи, мысль перенесла меня изъ душевной комнаты китайской гостиницы на далекую милую родину, и цѣлая масса воспоминаній зароилась въ мозгу.

5 Мая. На другой день неумолимый погонщикъ началъ будить опять до свѣта, въ 3 часа; слуга сталъ возиться съ укладкою вещей, и заснуть, конечно, больше не удалось. Выѣхали около 5. Дорога изъ Бэй-хэ представляетъ мало разнообразія: тянется все та же безконечная равнина, сплошь воздѣланная и усѣянная земледѣльческими деревушками.

Населеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ занимается еще и кое-какими ремеслами; такъ, на примѣръ, въ деревушкѣ Бай-та-пу (白塔蒲) на всѣхъ домахъ вывѣшено было множество соломенныхъ шляпъ, корзины и разныхъ другихъ издѣлій, исполненныхъ довольно изящно, не безъ вкуса. Для завтрака остановились въ уѣздномъ городѣ Ань-су (安肅), верстахъ въ 25 отъ Бэй-хэ. На этомъ мѣстѣ въ старину стояло два земляныхъ города, ко-

торые, по преданію, были построены въ періодъ У-дай (五代) (907—959) полководцемъ Цзинь-ван'а (晉王), Ли-цунь-шэн'омъ (李存盛). Во время Сун'ской и Юань'ской династій (960—1230; 1230—1368) городъ этотъ былъ сдѣланъ резиденціею чжи-чжоу (чиновное званіе, начальникъ округа). При Мин'скомъ императорѣ Цзинь-тай'ѣ (1450—1458) были впервые возведены стѣны изъ кирпича, окружностью въ двѣ версты слишкомъ, исправлены онѣ были въ царствованіе Шунь-чжи, уже при настоящей династіи¹⁾. Ань-су довольно значительный торговый центръ, здѣсь періодически бываютъ небольшія ярмарки, на которыя съѣзжаются крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. Изъ мѣстныхъ продуктовъ наиболѣе славится здѣшняя капуста.

Въ 27 верстахъ отъ Ань-су завидѣли мы высокія стѣны главнаго города провинціи Чжи-ли, Бао-динь-фу или Бао-фу, какъ называютъ этотъ городъ въ просторѣчій. Основанъ онъ былъ при Юань'ской династіи полководцемъ (да-цзянь-цзюнь'емъ 大將軍) Чжань-жоу (張柔). Въ 4-й годъ правленія Мин'скаго императора Цзянь-вэн'я (建文) (1403 г.) ду-ду (都督) (тогдашній терминъ вмѣсто нынѣшняго «цзунъ-ду», генераль-губернаторъ) Мэнъ-шань (孟善) соорудилъ изъ кирпича укрѣпленія у воротъ и парапеты на стѣнахъ. Наконецъ, при императорѣ Лунь-цин'ѣ (1567—1573) всѣ стѣны были выложены изъ кирпича; въ окружности онѣ имѣютъ 6 верстъ слишкомъ и были отремонтированы при императорѣ Юнь-чжэн'ѣ (雍正) въ 1730 году¹⁾. Погонщикъ мой хотѣлъ для сокращенія пути во что бы то ни стало проѣхать внѣ стѣнъ города, прямо къ западному предмѣстью, гдѣ мы должны были остановиться на ночлегъ, и мнѣ стоило очень большаго труда заставить его проѣхать по городу. Я, конечно, не раскаялся въ томъ, что настоялъ на своемъ; главный городъ провинціи Чжи-ли произвелъ на меня въ общемъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Успѣвъ уже привыкнуть къ непривлекательному виду стогнъ Пекина, я былъ пріятно

1) Цзи-фу-тунь-чжи. 25 цз. 12 л.

пораженъ сравнительною чистотою неширокихъ, но довольно хорошо содержимыхъ улицъ. И въ красивыхъ зданіяхъ здѣсь не было недостатка. На первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить кумирню божества, покровителя города, (Чэнъ-хуанъ-мяо 城隍廟); отъ улицы кумирня эта отдѣлена довольно высокою и весьма эффектною длинною балюстрадою, сооруженною изъ бѣлаго известняка и украшенною многочисленными фигурками львовъ. Къ замѣчательнымъ зданіямъ слѣдуетъ причислить также помѣщеніе Лянъ-цзян'скаго (兩江) подворья. Такія подворья устраиваются во всѣхъ главныхъ провинціальныхъ городахъ и бойкихъ торговыхъ мѣстахъ на счетъ проживающихъ въ нихъ уроженцевъ извѣстныхъ провинцій. Они служатъ сборнымъ пунктомъ, клубомъ для ихъ земляковъ, проживающихъ на чужбинѣ, и пристанищемъ для пріѣзжающихъ съ родины. Въ случаѣ нужды, такіе пріѣзжающіе могутъ останавливаться на этихъ подворьяхъ и не платя ничего за помѣщеніе. Будучи построены на средства главнымъ образомъ богатыхъ купцовъ, клубы эти отличаются обыкновенно обширностью помѣщенія и красотою отдѣлки. Нерѣдко въ нихъ устраиваются театральныя сцены для представлений, на которыя сходятся учредители подворья и ихъ гости. Такую же обширностью и замѣчательною чистотою отличалось и Лянъ-цзян'ское подворье въ Бао-динъ-фу, устроенное на средства проживающихъ въ этомъ городѣ уроженцевъ провинцій Цзянъ-су, Цзянъ-си и Ань-хуй.

Здѣсь вообще замѣтна заботливость жителей объ украшеніи фасадовъ домовъ. Стѣны, выходящія на улицу, тщательно выведены изъ хорошихъ кирпичей, нѣкоторыя же красиво, со вкусомъ украшены различными орнаментами. Немалымъ украшеніемъ домовъ служатъ также устраиваемые на крышахъ вдоль карнизовъ маленькіе заборчики. Дѣлаются они изъ черепиць, не особенно прочно скрѣпляемыхъ между собою. Эти заборчики, очень легкіе и красивые на видъ, устраиваются еще и съ практическимъ расчетомъ: если бы воръ, забравшись на крышу, вздумалъ вступить ногою на такой заборчикъ, то онъ непременно

продавить-бы его, причеиъ шумъ отъ падающихъ черепицъ долженъ предупредить хозяевъ о присутствіи незванаго гостя.

6 Мая. Въ эту ночь мнѣ удалось, наконецъ, хорошо выспаться; предстоялъ сравнительно небольшой переходъ, и я не торопился вставать. Снялись съ якоря около 6½ часовъ утра, послѣ безконечныхъ сборовъ, продолжавшихся, по обыкновению, не менѣе 1½ часа.

Выѣхавъ изъ предмѣстья, направляемся прямо на западъ, оставляя въ сторонѣ большую дорогу, по которой ѣхали до Баодинъ-фу, ведущую черезъ Тай-юань-фу (太原府), Си-ань-фу (西安) въ Лань-чжоу (蘭州) и крайнія западныя области Китая. Ѣдемъ теперь по болѣе узкой дорогѣ; встрѣчные путешественники попадаются рѣже, и потому меньше страдаемъ отъ пыли. Тянутся все тѣ же нескончаемыя поля съ разсѣянными на нихъ тамъ и сямъ земледѣльческими деревушками. Европейцу, а особенно русскому, проѣзжающему по здѣшнимъ мѣстамъ, приходится удивляться, до чего довели китайцевъ чрезмѣрная густота населенія и недостатокъ земли. По пути на каждомъ шагу попадаются мальчишки и зачастую даже взрослые, которые цѣлыми днями только и дѣлаютъ, что рыскаютъ по дорогамъ и подбираютъ то, что оставляютъ на нихъ проходящія животныя. Навозъ этотъ, какъ я уже упоминалъ выше, идетъ главнымъ образомъ на топливо. По деревнямъ вдоль дорогъ, передъ домами устроены общественныя ретирадники, т. е. просто маленькія соломенныя ограды, которыми предлагается пользоваться и проѣзжающимъ, лишь бы только не пропадало даромъ ничего изъ того, что могло бы служить для удобренія.

На наружныхъ стѣнахъ многихъ домовъ я замѣтилъ нарисованныя бѣлою краской круги; на вопросъ мой, что это означаетъ и для чего дѣлается, мнѣ отвѣчали, что это — мѣра предосторожности отъ волковъ. Круги эти начали попадаться мнѣ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пекина, куда, какъ говорятъ, заходятъ зимою, подбодряемые голодомъ, волки, которые водятся въ довольно большомъ числѣ въ горахъ, лежащихъ къ

западу отъ столицы. Волкъ, разсуждаютъ китайцы, отличается трусливостью и нерѣшительностью; увидѣвъ на стѣнѣ дома бѣлые круги, онъ непременно станетъ втупикъ и не осмѣлится проникнуть за его ограду. Повѣрье это имѣетъ, вѣроятно, довольно широкое распространеніе, такъ какъ я встрѣчалъ такіе круги на стѣнахъ въ теченіе всей моей поѣздки, преимущественно въ глухихъ горныхъ мѣстностяхъ. Верстахъ въ 25 отъ Бао-динъ-фу остановились для завтрака въ селѣ Бэй-пу (北蒲). Многолюдное мѣстечко это расположено въ густой тѣнистой рощѣ; съ сѣвера къ нему примыкаютъ непосредственно двѣ большихъ деревни. Какъ разъ въ день моего пріѣзда, въ Бэй-пу былъ съѣздъ жителей сосѣднихъ деревень, нѣчто въ родѣ маленькой ярмарки, повторяющейся здѣсь періодически, черезъ каждые шесть дней. Торговля здѣсь совершенно мелкая, такъ сказать разносная: окрестные поселяне закупаютъ здѣсь разные необходимые въ домашнемъ обиходѣ мануфактурные товары и домашнюю утварь, доставляемые сюда изъ Бао-динъ-фу; замѣтилъ здѣсь, между прочимъ, немало бумажныхъ англійскихъ издѣлій. Крестьяне-же привозятъ, или скорѣе приносятъ сюда разные сельскіе продукты, овощи и т. п. Всѣ продавцы и покупатели располагаются прямо на улицѣ, представляющей вслѣдствіе этого весьма оживленную картину. Такое великое событіе, какъ пріѣздъ заморскаго человѣка, не преминуло возбудить въ этой толпѣ немалую сенсацію; торжественною процессіею проводила она меня до воротъ гостинницы, куда также забралось не мало зѣвакъ. Мигомъ окно и дверь моей комнаты наполнились живою стѣною изъ человѣческихъ головъ, и лишь съ большимъ трудомъ мнѣ удалось отстоять неприкосновенность моего «номера».

Выѣхали около трехъ часовъ. Жизнь кипѣла на улицѣ села, ярмарка была въ полномъ разгарѣ. Здѣсь, какъ и въ Пекинѣ, не было недостатка въ мелочныхъ торговцахъ, разносчикахъ, устраивающихъ азартную игру при продажѣ своихъ товаровъ. Игра эта, называемая чжуа-цянь (抓簽), т. е. «вытаскиваніе жеребеекъ», состоитъ въ томъ, что въ цилиндрическую деревянную

коробку кладутъ нѣсколько тонкихъ палочекъ, съ помѣченными на концахъ ихъ черными или красными точками въ родѣ тѣхъ, что ставятся у насъ на костяхъ или домино. Приглашая желающихъ попытать счастье, торговецъ побрякиваетъ этими палочками и выкрикиваетъ условія игры, которыя бываютъ весьма различны и зависятъ отъ уговора: за извѣстную плату, равную въ Пекинѣ обыкновенно одному большому чѣху (около $\frac{1}{3}$ коп.), играющій получаетъ право вытянуть изъ коробки нѣсколько палочекъ, причемъ требуется для выигрыша, чтобы вынутыя палочки были съ одинаковымъ количествомъ очковъ. Чѣмъ цѣннѣе предметъ, являющійся ставкою игры, тѣмъ бѣольшее количество такихъ палочекъ требуется вытянуть. При господствующей среди китайскаго простонародія страсти къ азартнымъ играмъ, ловкіе торговцы эти никогда въ убыткѣ не остаются, а сбываютъ за двойную и даже за тройную плату свой плохенькій товаръ. Въ Пекинѣ такимъ образомъ разыгрываются обыкновенно вещи съѣдобныя и преимущественно лакомства; здѣсь-же желавшимъ попытать счастья предлагались самые разнородные предметы, между прочимъ даже коробочки спичекъ.

Изъ Бэй-пу продолжаемъ путь на западъ съ легкимъ уклономъ на югъ. Часто попадаются деревни, по внѣшнему виду которыхъ можно судить о зажиточности населенія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я замѣтилъ по нѣсколько прекрасно содержимыхъ кумирень, много хорошихъ, красиво отстроенныхъ домовъ. Видна большая заботливость жителей о разведеніи деревьевъ вокругъ селеній, — молодые побѣги обдѣланы деревянными и даже кирпичными стойками. Около шести часовъ вечера подѣхали мы къ городу Вань-сянь (完), административному центру уѣзда того же имени. Въ старину городъ этотъ былъ окруженъ землянымъ валомъ, воздвигнутымъ, по преданію, еще въ VI в. по Р. X.; при Мин'ской династіи онъ былъ нѣсколько разъ исправляемъ. Наконецъ, при послѣднемъ Мин'скомъ императорѣ Чунь-чжэн'ѣ (崇禎), въ 1639 году, были построены каменные стѣны, отремонтированныя при императорѣ Канъ-си въ 1672 г.¹⁾ Въ насто-

ящее время стѣны эти совсѣмъ почти разрушены, кирпичная обшивка во многихъ мѣстахъ обвалилась, обнаруживъ земляную насыпь, чрезъ которую нѣсколько тропинокъ ведутъ въ городъ.

Остановились на ночлегъ мы въ южномъ предмѣстьи города, въ довольно чистенькой гостинницѣ.

7 Мая. Встали опять спозаранку въ четвертомъ часу; хотя предстоявшій сегодня до полудня переходъ не превосходилъ 25 верстъ, однако порѣшили выѣхать раньше, дабы воспользоваться утренней прохладой. Передъ выѣздомъ познакомился съ остановившимся въ одной со мной гостинницѣ ламой, ѣхавшимъ также на У-тай. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, успѣвшій однако на своемъ вѣку повидать виды; онъ китаецъ, родомъ изъ Пекина, но прекрасно говоритъ по монгольски, состоя ламою въ большомъ Пекинскомъ монастырѣ Юнь-хэ-гунъ (雍和宮). Года четыре тому назадъ онъ былъ въ Тибетѣ, откуда вернулся черезъ Сы-чуань внизъ по Янь-цзы-цзян'у до Шанхая, а оттуда морскимъ путемъ черезъ Тянь-цзинь въ Пекинъ. Во время этихъ странствованій онъ сопровождалъ знаменитаго Цаганъ-гэгэн'а, надѣлавшаго въ свое время намъ немало хлопотъ на Илійской границѣ и отпросившагося послѣ тамошнихъ подвиговъ своихъ на богомолье въ Тибетъ. Въ настоящее время Цаганъ-гэгэнъ уже года два проживаетъ въ Пекинѣ и ѣздитъ на время лѣтнихъ жаровъ въ У-тай. Мой новый знакомецъ везъ ему три большихъ вьюка разныхъ вещей и, между прочимъ, немалое количество мѣди для отливки бурхановъ.

Продолжая ѣхать въ юго-западномъ направленіи, приближаемся къ горамъ, отъ которыхъ до сихъ поръ ѣхали въ разстояніи 10—15 верстъ. Скоро миновали одиноко стоящую горку Гу-шань (孤山) — «сироту-гору», съ пагодой и кумирней на вершинѣ. Около 10 часовъ утра пришли на стоянку въ уѣздный городъ Танъ-сянь (唐縣), полуразрушенныя стѣны котораго были возведены при Мин'скомъ императорѣ Лунъ-цин'ѣ и имѣ-

1) Цзи-фу-тунъ-чжи. 25 цз. 15 л.

ють около 2-хъ верстъ въ окружности ¹⁾. Остановились въ южномъ предмѣстьи города. Выѣхали изъ Танъ-сян'я въ 12^{1/2} часовъ, въ самый жаръ. У города замѣтилъ нѣсколько печей для обжиганія кирпича, весьма оригинальнаго устройства. Сама печь находится подъ землею, а надъ нею выведенъ сводъ, на который накладываются для обжиганія кирпичи, и все сверху закрывается землею. Проѣхали много деревушекъ, утопающихъ въ зелени искусственно насажденныхъ деревьевъ, среди которыхъ я замѣтилъ не мало прекрасныхъ рослыхъ тополей. Въ деревняхъ этихъ многіе изъ домовъ, чрезвычайно мѣтко сравненные д-ромъ Эдкинсомъ съ крѣпостями ²⁾, имѣютъ дѣйствительно внушительный видъ; выведены они изъ большихъ камней, на прочныхъ фундаментахъ, при чемъ съ крышъ, украшенныхъ черепичными заборчиками, устроено множество стоковъ для воды, похожихъ на амбразуры. Встрѣтили нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ углемъ, вывозимымъ изъ сосѣднихъ горъ. На одной изъ гостинницъ я замѣтилъ, кромѣ китайской, монгольскую и даже тибетскую выѣски, что, конечно, свидѣтельствуется о большомъ количествѣ проходящихъ здѣсь на У-тай ламъ богомольцевъ тибетскаго и монгольскаго происхожденія. Верстахъ въ 15 отъ Танъ-сян'я въѣхали мы наконецъ въ горы, уже давно манившія насъ издали. Дорога становится каменистою и вѣется вверхъ по широкому ущелью. Ѣдемъ теперь въ сѣверо-западномъ направленіи къ деревнѣ Да-янъ (大楊), куда и прибыли къ шести часамъ вечера, утомленные не столько переходомъ, сколько страшною жарою.

8 Мая. Село Да-янъ лежитъ въ живописной долинѣ рѣки Танъ-хэ (唐河). Пользуясь прекраснымъ положеніемъ деревни въ плодородной, хорошо орошенной мѣстности, жители обсадили свои поселки довольно густой рощицей и развели большіе фруктовые сады и огороды.

Выѣхали мы еще до восхода солнца; дорога у села вѣется среди фруктовыхъ садовъ. По пути я имѣлъ обыкновеніе по ут-

1) Цзи-фу-тунъ-чжи. 25 цз. 14 л.

2) Religion in China, стр. 213.

рамъ, пользуясь прохладой, проходитъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ; на этотъ разъ, однако, мнѣ вскорѣ пришлось вскарабкаться на вьюкъ, не далѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ Да-ян'а мы подѣхали къ переправѣ черезъ Танъ-хэ. Рѣка эта, съ верхнимъ теченіемъ которой на довольно значительномъ протяженіи мнѣ пришлось впоследствии познакомиться, беретъ начало въ провинціи Шань-си, въ уѣздѣ Линъ-цю-сянь (靈邱縣). Течетъ она на юго-востокъ, черезъ проходъ Дао-ма-гуань (倒馬關), въ провинцію Чжи-ли, по уѣздамъ Вань-сянь, Танъ-сянь и Цинъ-ду-сянь (慶都); къ юго-востоку отъ Ци-чжоу (祈州) она сливается съ двумя другими рѣчками Цзы-хэ (滋) и Ша-хэ (沙), образуя вмѣстѣ съ ними рѣку Чжу-лунъ-хэ (猪龍). Около Да-ян'а въ настоящее сухое время года рѣка имѣетъ не болѣе 20 сажень ширины; по широкому, усѣянному валунами руслу можно было судить, однако, что въ дождливое время года она разливается на огромное пространство, дѣлаясь грозой здѣшнихъ мѣстъ. Горе путнику, проѣзжающему здѣсь въ концѣ Іюня или въ Іюлѣ; бурный потокъ преграждаетъ ему путь, и приходится просиживать дни и недѣли въ ожиданіи пока установится какая либо переправа. Теперь-же вода не доходила даже до колѣнъ муламъ; при мнѣ перегнали черезъ рѣку большое стадо свиней. Продолжая путь въ сѣверо-западномъ направленіи, мы вскорѣ переѣхали въ долину другой рѣчки, Сяо-цинъ-хэ (小清); вытекаетъ она изъ мѣстности, лежащей къ сѣверо-востоку отъ Цюй-янъ-сян'я (曲陽), и впадаетъ въ Танъ-хэ недалеко отъ города Динъ-чжоу (定州). Эпитетъ «цинъ», чистой, рѣчка эта вполне заслужила, — вода въ ней необыкновенно прозрачна. Путь нашъ лежитъ по живописной долинѣ ея, вьющейся среди высокихъ холмовъ; вдали, на заднемъ планѣ, виднѣются высокія горы, чрезъ которыя намъ придется переваливать, чтобы попасть въ провинцію Шань-си. На протяженіи какихъ нибудь 8—9 верстъ пришлось переправиться черезъ рѣку не менѣе шести разъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для пѣшеходовъ устроены мостки, большею-же частью приходится переходить въ бродъ. Особенно при этомъ

жалко смотрѣть на несчастныхъ, старыхъ богомолкъ-монголокъ, которыя, кряхтя и охая, принуждены лѣзть въ холодную воду. Окрестные жители, со свойственною китайцамъ практичностью, сумѣли извлечь для себя пользу изъ недостатка мостовъ; у переходовъ стоитъ обыкновенно нѣсколько человекъ оборванцевъ, предлагающихъ желающимъ свои спины, взимая по 10 чѣхъ (около $1\frac{1}{2}$ коп.) за переносъ. Здѣшнія мѣста богаты известью; проѣхали нѣсколько значительныхъ копей, изъ которыхъ известь доставляется въ окрестныя мѣстности. Направляясь на западъ, скоро оставили теченіе Сяо-цинъ-хэ; идемъ по узкой песчаной лощинѣ, почти сплошь покрытой голышами, что дѣлаетъ ее непригодной для обработки. Китайцы, однако, не унываютъ; не желая оставлять даромъ ни единого клочка земли, они распахиваютъ склоны холмовъ подчасъ на страшныхъ крутизнахъ; около полей понадѣланы маленькія пещеры, гдѣ живутъ сторожа, когда хлѣбъ начинаютъ созрѣвать; издали пещеры эти кажутся маленькими отверстіями, похожими на гнѣзда ласточекъ. Проѣхали мимо большаго села Линъ-шань-чжэнь (靈山), возникшаго вокругъ цѣлой группы заводовъ, занимающихся выдѣлкою изъ глины большихъ чановъ для воды, которыми снабжается отсюда вся окрестность. Чаны эти, имѣющіе весьма широкое распространеніе не только въ сѣверномъ, но и въ центральномъ Китаѣ, приготавливаются изъ особаго рода глины, покрываются лакомъ и обжигаются. Особенною прочностью матеріала отличаются чаны, выдѣлываемые въ провинціи Цзянь-си (江西), въ области Цзю-цзянь-фу (九江), извѣстной своими фарфоровыми издѣліями. Чаны, привозимые оттуда, цѣнятся на столько высоко, что даже обломки ихъ скупаются за довольно дорогую цѣну; ихъ толкутъ въ порошокъ, который примѣшиваютъ къ глинѣ, употребляемой для смазки печей и трубъ въ трактирахъ и пекарняхъ. При настоящей легкой и быстрой перевозкѣ на пароходахъ, цзю-цзяньскіе чаны цѣнятся въ окрестностяхъ Пекина отъ 15 до 30 рублей, смотря по величинѣ; въ прежнее же время они обходились гораздо дороже. Кромѣ фабрикъ въ провинціи Цзянь-

си, существуетъ еще немало заводовъ въ Маньчжуріи и въ другихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ окрестностяхъ Пекина, но всѣ эти издѣлія цѣнятся несравненно ниже Цзю-цзян'скихъ. Сухимъ путемъ такіе чаны перевозятся обыкновенно на телѣгахъ, причемъ грузятъ ихъ на одну телѣгу не болѣе какъ по два или по три и привязываютъ крѣпкими бичевками.

Начали подниматься на возвышенное, прекрасно воздѣланное плато, являющееся водораздѣломъ между рѣками Танъ-хэ и Ша-хэ; въ долину этой послѣдней мы скоро и спустились. Для завтрака остановились въ селѣ Ци-юй (祈雨), расположенномъ у спуска въ долину. Въ отдаленіи, верстахъ въ двухъ отъ села, мелькаетъ узкой серебряной полосой рѣка; широкое, песчаное русло, мѣстами усѣянное глыбами, свидѣтельствуешь о могучихъ разливахъ рѣки въ дождливое время года. Ша-хэ (песчаная рѣка) беретъ начало въ уѣздѣ Фань-чи-сянь (繁峙縣), провинціи Шань-си, протекаетъ у прохода Лунъ-цюань-гуань и сливается съ Танъ-хэ и Цзы-хэ недалеко отъ города Ци-чжоу (祈州).

Послѣ непродолжительнаго отдыха тронулись далѣе; идемъ въ сѣверо-западномъ направленіи, вверхъ по плодородной, сплошь воздѣланной долинѣ р. Ша-хэ; здѣсь также ни одного клочка земли не пропадаетъ даромъ, — все занято подъ пашни и огороды. Любовался превосходною канализаціею долины: вся мѣстность разбита на маленькіе участки, отдѣленные другъ отъ друга плотинками. Отъ русла рѣки отводятся большія канавы, которыя прорываются въ нѣсколько рядовъ параллельно рѣкѣ и соединяются съ нею ниже по теченію. Отводъ и прорытіе такихъ главныхъ магистральныхъ канавъ обставлены извѣстными формальностями, и приступать къ подобнымъ работамъ населеніе можетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстныхъ властей. Отъ этихъ канавъ проводится по всѣмъ направленіямъ масса небольшихъ, побочныхъ канальчиковъ, по которымъ вода распределяется по полямъ; орошеніе при этомъ производится двоякимъ образомъ: или извѣстные участки сплошь заливаются водою

(такого обильнаго орошенія требуетъ, напримѣръ, культура риса, котораго разводится здѣсь не мало), или же вода изъ канала распредѣляется по углубленіямъ, проходящимъ между рядами посѣяннаго хлѣба. Китайцы, какъ извѣстно, сѣютъ хлѣбъ правильными рядами, причемъ образуются небольшія грядки. Къ каналамъ своимъ жители относятся съ величайшею заботливостью, постоянно прочищая и урегулировавъ ихъ. Не обходится, конечно, при этомъ и безъ ссоръ и тяжбъ, вызываемыхъ незаконною задержкою воды однимъ изъ владѣльцевъ въ ущербъ другимъ. Всѣ такія ссоры разрѣшаются обыкновенно мѣстными старшинами; случается, однако, когда бывають замѣшаны интересы разныхъ деревень, что вмѣшивается мѣстная администрація, хотя по большей части дѣло стараются уладить домашнимъ образомъ. При этомъ часто прибѣгаютъ къ третейскому суду; судьями въ такихъ случаяхъ избираются жители какой либо третьей незаинтересованной деревни, и рѣшенію ихъ повинуются безпрекословно.

На мѣстахъ болѣе возвышенныхъ разведены плодовые сады, въ которыхъ особенно много персиковыхъ деревьевъ. Работа кипитъ на поляхъ; загорѣлые, полуголые китайцы роютъ канавы, строятъ плотины, пахутъ. Все здѣсь чрезвычайно рослый и видный народъ и выглядятъ они гораздо здоровѣе своихъ собратій въ долину. Здоровый видъ ихъ объясняется, повидимому, лучшими условіями жизни, — населеніе сгруппировано здѣсь уже не такъ густо, и народъ вообще богаче, чѣмъ въ равнинѣ. По словамъ китайцевъ, здоровый воздухъ и чистая вода благотворно вліяютъ на жителей горъ.

Узкая дорога или, лучше сказать, тропа вьется по сѣверной сторонѣ долины, у самаго склона горъ. Проѣздъ на колесахъ здѣсь почти невозможенъ. Встрѣтили нѣсколько небольшихъ каравановъ изъ 4—5 муловъ, нагруженныхъ шерстью и синею краскою, приготовляемою изъ растенія, называемаго по китайски Лань-дянь (藍靛). Оба эти предмета вывозятся въ значительномъ количествѣ изъ здѣшнихъ горныхъ мѣстъ, а также и

изъ сосѣдней провинціи Шань-си. Послѣ трехчасоваго перехода отъ мѣста стоянки пришли въ богатое торговое село Ванъ-куай-чжэнь (王快), на оживленныхъ улицахъ котораго я замѣтилъ немало большихъ, богатыхъ лавокъ и даже два «лоу», отстроенные, повидимому, недавно. Все вообще свидѣтельствуешь о значительности и зажиточности населенія. Съ 1683 г. село Ванъ-куай занимаетъ первенствующее мѣсто въ уѣздѣ Фу-пинъ-сянь (阜平), и здѣсь проживаетъ уѣздный начальникъ.

9 Мая. Выѣхали съ мѣста ночевки въ 4 часа, желая воспользоваться холодкомъ и придти на стоянку до наступленія полуденнаго жара. Отѣхавъ версты двѣ отъ Ванъ-куа'я, переправились чрезъ Ша-хэ. Большая дорога идетъ по долинѣ, придерживаясь лѣваго берега рѣки; погонщикъ мой для сокращенія пути рѣшилъ идти напрямки, по горному ущелью. Направляемся на сѣверо-западъ и идемъ, такъ сказать, по гипотенузѣ треугольника, катеты котораго образуются теченіемъ Ша-хэ. Дорога вьется по дикой горной мѣстности; кое-гдѣ по склонамъ горъ построены маленькія кумирни, придающія оживленіе пустынному ландшафту. Такія кумирни устраиваются обыкновенно въ дикихъ мѣстахъ въ честь божественной покровительницы всѣхъ путешественниковъ, Гуань-инь-пу-са (觀音菩薩), защищающей людей отъ нападенія хищныхъ звѣрей и разбойниковъ. Очень часто воздвигаютъ кумирни и надъ источниками уже въ честь царя драконовъ Лунъ-ван'а (龍王), который управляетъ водами, посылая во благовременіи влагу и спасая отъ наводненій.

Пройдя версть 5 этимъ проходомъ, снова вышли въ долину Ша-хэ, текущей безчисленными рукавами по широкому руслу. Снова переправились на лѣвый берегъ рѣки, по которому идетъ, какъ я уже сказалъ выше, большая дорога, и расположены вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе значительныя поселенія. Вначалѣ идемъ по песчаному, усыпанному гольшами руслу рѣки, затѣмъ взбираемся на склонъ скалистыхъ горъ. Вскорѣ пришли на стоянку въ городъ Фу-пинъ-сянь, отстоящій отъ мѣста ночлега въ 25 верстахъ. При Мин'скомъ императорѣ Чэнъ-хуа

(成化) (1465—1488) на мѣстѣ старыхъ развалинъ была выстроена вокругъ этого города новая стѣна, имѣющая окого 1½ версты въ окружности. Въ 1655 году уѣздное управленіе Фу-пинъ было упразднено, и городъ, сдѣлавшись заштатнымъ, началъ понемногу приходить въ упадокъ, такъ что, когда въ 1683 г. уѣздъ этотъ былъ возстановленъ, то резиденціею начальника его было сдѣлано село Ванъ-куай, несравненно болѣе значительное какъ по количеству населенія, такъ и въ торговомъ отношеніи ¹⁾).

Пріѣхали въ Фу-пинъ-сянь въ рыночный день, и все восточное предмѣстье города было запружено народомъ, толпившимся около шатровъ, раскинутыхъ торговцами. На улицѣ была страшная толкотня. Изъ товаровъ я замѣтилъ больше всего холщевыхъ и бумажныхъ тканей; видѣлъ на улицѣ также не мало большихъ красильныхъ лавокъ. Изъ разспросовъ узналъ, что городъ этотъ является центромъ сбыта для производителей холщевыхъ и бумажныхъ тканей, которыя здѣсь закупаются, окрашиваются и затѣмъ перепродаются потребителямъ.

Отдохнувъ кое-какъ на отвратительномъ, грязномъ постояломъ дворѣ, гдѣ не было даже отдѣльныхъ комнатъ для проѣзжающихъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Тотчасъ по выѣздѣ изъ города переправились черезъ Ша-хэ на южный берегъ и продолжаемъ направляться на западъ. Долина начинаетъ замѣтно суживаться; дорога вьется по склону горъ, все ближе и ближе подступающихъ къ рѣкѣ. Надъ крутыми обрывами понастроены маленькіе деревянные кіоты съ изображеніями Гуань-инь-пу-са которая защищаетъ путниковъ отъ часто случающихся здѣсь обваловъ. Пройдя версть 8 вверхъ по долинѣ Ша-хэ, мы оставляемъ теченіе этой рѣки и направляемся по ущелью, орошаемому горнымъ ручьемъ Шао-шуй (少).

Поднимаемся по крутому уклону; вмѣсто деревень стали больше попадаться хутора, одиноко стоящіе на значительномъ

1) Цзи-фу-тунъ-чжи, 25 цз. 24 л.

разстояніи другъ отъ друга. Видѣлъ нѣсколько стадъ барановъ, а также небольшихъ табуновъ лошадей и ословъ. Крупный рогатый скотъ здѣсь совершенно отсутствуетъ, — китайцы, какъ извѣстно, не имѣютъ никакого понятія о молочномъ хозяйствѣ, молока нельзя достать даже въ такихъ, на примѣръ, мѣстностяхъ, какъ У-тай, куда съѣзжается ежегодно масса монголовъ, привыкшихъ къ молочной пищѣ. Горы, покрытыя довольно порядочной травой, представляютъ, казалось бы, очень удобную мѣстность для скотоводства, а между тѣмъ эта отрасль хозяйства развита здѣсь чрезвычайно слабо. Будучи земледѣльцемъ отъ природы, китаецъ предпринимаетъ подчасъ неравную борьбу съ почти непреодолимыми препятствіями, лишь бы не покидать своего любимаго занятія; приходится недоумѣвать и разводить руками, когда видишь, на какихъ страшныхъ, почти недосыгаемыхъ кручахъ распахиваютъ они свои поля. Въ самой верхней части ущелья проѣхали по маленькой деревушкѣ, гдѣ, къ великому изумленію своему, я замѣтилъ около одного изъ домовъ «пынь» (棚), навѣсъ изъ циновокъ, подъ которымъ, передъ собравшейся большой толпой зрителей происходило театральное представленіе. Это, какъ оказывается, весьма обыкновенное явленіе въ Китаѣ. Очень часто въ четвертой или пятой лунѣ, послѣ сбора озимыхъ хлѣбовъ, крестьяне устраиваютъ между собой складчину, причемъ каждый вноситъ извѣстную сумму, смотря по количеству земли, которою владѣетъ. На собранныя деньги устраивается «пынь» и приглашается труппа актеровъ, которая даетъ свои представленія обыкновенно въ теченіи трехъ дней. Предполагается, что представленія эти доставляютъ удовольствіе духу, покровителю мѣстности, а потому и предлагаются ему въ видѣ благодарности за хорошій урожай, во-время ниспосланный дождь и т. п. милости. Если духъ за какое нибудь особенное, изъ ряду вонъ выдающееся проявленіе своего благоволенія къ покровительствуемой имъ мѣстности, удостоивается награды отъ императора, въ видѣ хвалебной надписи или почетнаго титула, то и въ такихъ случаяхъ даются въ честь его театральныя представле-

нія. Устраиваются такія представленія также на счетъ одной деревни для другой, въ видѣ уплаты за судебныя издержки въ случаѣ окончанія какой-нибудь тяжбы. Подобный этому обычай соблюдается и въ городахъ, гдѣ, напримѣръ, проштрафившіеся мастеровые бываютъ принуждены вести своихъ товарищей въ театръ и платить за ихъ угощеніе. Долина становится все уже, и уже, превращаясь постепенно въ скалистое ущелье, по которому съ трудомъ поднимаются наши мулы. Вскорѣ достигли перевала Ань-цзы-линъ (鞍子嶺) «сѣдельный переваль», откуда пологій спускъ въ маленькую горную лощинку, по срединѣ которой стоитъ деревушка То-ло-шо. Земля здѣсь принадлежитъ главному У-тай'скому монастырю Пу-са-динъ (菩薩頂), и каждый годъ по осени сюда пріѣзжаютъ два монаха для сбора арендной платы съ поселянъ. Для ихъ остановокъ здѣсь устроена маленькая кумирня, такъ сказать подворье монастыря Пу-са-динъ. Продолжая направляться на западъ, мы пріѣзжаемъ въ широкую долину рѣки Вань-нянь-хэ (萬年). Тамъ и сямъ въ ней разбросаны маленькія деревушки, въ одной изъ которыхъ, Лю-пу-инъ, мы остановились на ночлегъ. Расположились въ маленькой фанзушкѣ, которую мнѣ удалось отыскать въ одной изъ имѣющихся здѣсь крошечныхъ гостинницъ.

10 Мая. Переходъ до завтрака предстоялъ небольшой, а потому не было необходимости выѣзжать очень рано. Тронулись въ путь въ шестомъ часу. По выѣздѣ изъ деревни, я обратилъ вниманіе на то, что многіе камни при дорогѣ были помѣчены бѣлыми крестами. Какъ оказывается, такими знаками помѣчаются участки лицъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу, именуемому Цинъ-мяо-хуй (靑苗會), т. е. «общество зеленыхъ ростковъ». Составляются такія общества изъ земледѣльцевъ известной деревни съ цѣлью охраненія полей отъ воровъ; каждый изъ членовъ вноситъ сумму въ соразмѣрности съ количествомъ земли, которою владѣетъ, и затѣмъ, въ случаѣ убытка отъ воровъ, получаетъ вознагражденіе. Изъ составляющихся такимъ образомъ общественныхъ суммъ уплачивается ежегодно извест-

ная контрибуція наименѣе надежнымъ, бездомовнымъ членамъ общины, какъ бы въ плату за охраненіе полей, но на самомъ дѣлѣ контрибуція эта является просто откупомъ. За то въ случаѣ покражъ, будь то ихъ вина или нѣтъ, они одни являются отвѣтственными лицами. По звону колокола, члены общества собираются у деревенской кумирни, гдѣ производится надъ преступниками судъ. Виновному въ кражѣ хлѣба навязываютъ на шею нѣсколько колосьевъ и затѣмъ гоняютъ его съ гонгомъ по окрестнымъ деревьямъ въ теченіи трехъ дней; воръ долженъ при этомъ кричать во всеуслышаніе: «я укралъ хлѣбъ, не слѣдуйте моему примѣру»; если онъ перестаетъ кричать, то его бьютъ. Бываютъ, однако, случаи, когда самосудъ надъ такими хлѣбными ворами переходитъ дозволенные предѣлы; такъ недавно въ провинціи Юньнань открыто было общество, называвшееся Ню-цунъ-хуй (牛叢會), основанное на началахъ, подобныхъ вышеописаннымъ; существенная разница заключалась, однако, въ томъ, что виновныхъ въ кражахъ заживо сожигали, причемъ заставляли поджигать костры родныхъ несчастныхъ жертвъ и отбирали отъ нихъ особыя подписки, дабы потомъ они не могли жаловаться на самоуправство своихъ односельчанъ ¹⁾.

Ѣдемъ по лѣвому берегу Вань-нянь-хэ, продолжая направляться на западъ, съ легкимъ уклономъ на сѣверъ. Со всѣхъ сторонъ высятся горы, и мѣстность вообще чрезвычайно живописна; жаль только, что возвышенности совершенно лишены растительности и едва покрыты желтою, выжженою солнцемъ, травой. Верстахъ въ 10 отъ ночлега переправились на правый берегъ рѣки; долина суживается, и дорога поднимается по довольно крутому уклону. Невдалекѣ отъ переправы проѣхали мимо походнаго дворца, гдѣ останавливались въ былое время императоры въ свои поѣздки на У-тай. Уже около 100 лѣтъ владыки Китая не посѣщали этой священной горы, и походные дворцы, построенные на этой дорогѣ, превратились въ груды

---

1) Цзинь-бао. 15 г. правл. Гуанъ-суй, первая луна.

жалкихъ развалинъ. Остатками прежняго величія являются теперь лишь стѣны большихъ зданій—императорскихъ покоевъ и маленькихъ домовъ для свиты; всѣ эти многочисленныя постройки окружены полуразвалившейся стѣною. Нѣсколько далѣе проѣхали мимо новенькой, только что отдѣланной кумирни, построенной у самой дороги, на скалистомъ уступѣ; соорудили ее крестьяне сосѣдней горной деревушки въ благодарность за спасеніе полей ихъ отъ наводненія. Здѣшніе жители вообще гораздо болѣе набожны, чѣмъ ихъ сосѣди въ равнинѣ; сегодня, напримѣръ, я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ путники, проходя мимо кумирень, благоговѣйно склоняли колѣна, что мнѣ ни разу не приходилось наблюдать прежде.

Послѣ четырехъ часовъ ходу пришли на стоянку въ укрѣпленіе Лунъ-цюань-гуань (龍泉); расположено оно у входа въ ущелье, ведущее на переваль Чанъ-чэнъ-линъ (長城嶺), по которому проходитъ граница между провинціями Чжи-ли и Шань-си. Все укрѣпленіе представляетъ собою обнесенный невысокою стѣною довольно значительный участокъ, бóльшая часть котораго ничѣмъ не занята. Проѣхавъ въ низенькія ворота, мы очутились на единственной узенькой улицѣ крѣпости и остановились въ ближайшей гостинницѣ, гдѣ отдыхали до полудня. Проѣздомъ я замѣтилъ съ полдюжины мастерскихъ, занимавшихся исключительно приготовленіемъ деревянныхъ вьючныхъ сѣделъ для ословъ и муловъ. Столярное мастерство процвѣтаетъ здѣсь, вѣроятно, вслѣдствіе обилія дерева, доставляемаго изъ близъ лежащихъ, довольно значительныхъ рощъ. Будучи военнымъ постомъ, Лунъ-цюань-гуань имѣетъ гарнизонъ, численностью въ 360 человекъ съ Ба-цзун'омъ (把總) во главѣ; большая часть этихъ солдатъ и самъ ихъ начальникъ проживаютъ однако на У-та'ѣ, такъ какъ тамъ бываетъ почти постоянно значительное скопленіе богомольцевъ, и требуется полицейскій надзоръ.

Выѣхали съ мѣста стоянки вскорѣ послѣ полудня и продолжаемъ путь въ западномъ направленіи, вверхъ по долинѣ Вань-нянь-хэ. Верстахъ въ пяти отъ Лунъ-цюань-гуан'я проѣхали

мимо маленькой кумирни И-шоу-сы (益壽寺), заново отдѣланной и раскрашенной въ самые яркіе цвѣта. Подъемъ дѣлается все круче и круче; мы послѣзали съ муловъ, чтобы хоть немного облегчить бѣдныхъ животныхъ, изнемогаавшихъ отъ усталости. Приходится удивляться выдержкѣ и выносливости китайскихъ муловъ; спокойно поднимаются они по самымъ крутымъ уклонамъ, доходящимъ иногда до 40° , ни разу не останавливаясь и не спотыкаясь. Послѣ $1\frac{1}{2}$ часоваго утомительнаго подъема достигли мы перевала Чанъ-ченъ-линъ, по которому проходитъ отрогъ Великой стѣны, составляющій здѣсь границу между провинціями Чжи-ли и Шань-си. Впервые стѣна эта была построена еще въ III вѣкѣ до Р. Х. на границѣ между удѣлами Чжао (趙) на западѣ и Янь (燕) на востокѣ. Исправляема она была неоднократно, причемъ въ послѣдній разъ отремонтирована при Мин'цахъ, которымъ она служила кажущимся оплотомъ противъ набѣговъ монголовъ. Въ настоящее время около Лунъ-цюань-гуан'я это древнее грандіозное сооруженіе превратилось въ груды жалихъ развалинъ, и только кое-гдѣ на возвышенностяхъ видны сторожевыя башни, формою похожія на тѣ «дунъ-та'и», которые намъ уже приходилось встрѣчать въ равнинѣ. Лѣтъ 16 тому назадъ, когда проѣзжалъ здѣсь докторъ Эдкинсъ, продѣланныя въ этомъ мѣстѣ въ стѣнѣ жалкія полуразвалившіяся ворота запирались на ночь и открывались по утрамъ съ пушечными выстрѣлами и т. п. церемоніями¹⁾. Теперь все это совершенно основательно признано излишнимъ; оставленныя безъ присмотра ворота окончательно сгнили, да и закрывать-то ихъ некому. Недалеко отъ перевала построено нѣсколько избышекъ, гдѣ живутъ люди, которымъ, вѣроятно, поручено охраненіе прохода; но сторожа эти, плохо вознаграждаемые, предпочитаютъ, вмѣсто безцѣльнаго карауленія, заботиться о хлѣбѣ насущномъ. Несмотря на значительную высоту перевала (ок. 2000 метровъ надъ уровнемъ моря), трудолюбивые китайцы и здѣсь занимаются своимъ любимымъ дѣломъ — земле-

---

1) Religion in China, стр. 220.

дѣліемъ; около избушекъ, тамъ и сямъ, часто на страшныхъ кручахъ я видѣлъ нѣсколько вспаханныхъ клочковъ земли. Переваливъ черезъ Чанъ-ченъ-линъ, попали въ узкое горное ущелье, идя по которому въ югозападномъ направленіи, вскорѣ вышли въ широкую долину рѣки Ху-янъ-хэ (呼羊), болѣе извѣстной здѣсь подъ именемъ Тѣ-пу-хэ (鐵蒲) отъ названія маленькой деревушки, около которой она протекаетъ. Начинаясь нѣсколько къ востоку отъ этого поселка, Ху-янъ-хэ течетъ прямо на западъ, и у селенія Ши-цзуй-пу (石嘴蒲) сливается съ потокомъ Цинъ-шуй (清), стекающимъ съ одной изъ У-тайскихъ вершинъ, Бэй-та'я (北臺).

Вскорѣ проѣхали мимо небольшой ламской кумирни Лунъ-цюань-сы (龍泉), болѣе извѣстной подъ именемъ Цзю-лоу-сы (九樓), т. е. «кумирни о девяти башняхъ». Сооружена она впервые еще при Сун'ской династіи, а при Мин'цахъ обратила на себя вниманіе, благодаря слѣдующему обстоятельству: при императорѣ Цзя-цзин'ѣ (嘉靖) (1522—1567 г.) въ этой мѣстности развелось много разбойниковъ, и путешественники, боясь за свою жизнь, не смѣли проѣзжать здѣсь. Нѣкій чиновникъ, по имени Ма (馬), поселился въ этой кумирнѣ и, переловивъ всѣхъ разбойниковъ, сдѣлалъ путь безопаснымъ. Послѣ смерти этого чиновника, кумирня Лунъ-цюань-сы была заново отремонтирована¹⁾. Императоръ Канъ-си во время одного изъ своихъ путешествій на У-тай былъ возмущенъ небрежностью жившихъ здѣсь китайскихъ монаховъ — хэшан'овъ и перевелъ сюда на ихъ мѣсто 15 монгольскихъ ламъ, предварительно заново отдѣлавъ кумирню²⁾. Нѣсколько далѣе въ мѣстности Шэ-ху-чуанъ стоитъ большая кумирня Тай-ли-сы (臺麗), основанная императоромъ Канъ-си. Въ 1683 году императоръ этотъ убилъ, какъ говоритъ легенда, здѣсь тигра, причинявшаго много вреда окрестнымъ жителямъ; въ воспоминаніе объ этомъ случаѣ и мѣстность здѣшняя стала называться Шэ-ху-чуанъ (射虎川), т. е. «дорога, гдѣ застрѣленъ былъ тигръ»,

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз. 22 л.

2) Religion in China, стр. 223.

а для увѣковѣченія этого славнаго подвига здѣсь построена была кумирня со штатомъ монаховъ въ 25 человекъ. Императоръ Канъ-си не оставлялъ вновь сооруженнаго монастыря своими милостями, дѣлалъ на него денежные пожертвованія, а также жаловалъ неоднократно статуи, книги и хвалебныя надписи. Такихъ надписей Канъ-си пожаловалъ сюда двѣ: 1), Ши-чаюань-гуанъ (十刹圓光), т. е. въ приблизительномъ переводѣ «сборный блескъ десяти монастырей» и 2), У-фынь-хуа-юй (五峰化育), надпись эту еще труднѣе понять и передать по русски; смыслъ ея приблизительно таковъ, что кумирня эта (т. е. Тай-ли-сы) явилась продуктомъ благого вліянія пяти вершинъ У-тай'скихъ¹⁾. Въ настоящее время Тай-ли-сы — одна изъ значительнѣйшихъ кумиренъ въ окрестностяхъ У-та'я; здѣсь проживаетъ около 100 ламъ, а настоятель этого монастыря считается вторымъ по старшинству на всемъ У-та'ѣ. Невдалекѣ отъ этой кумирни находится полуразрушенный дворецъ императорскій. Въ полутора верстахъ отъ Шэ-ху-чуань стоитъ большое село Ши-цзуй-пу, гдѣ мы и остановились на ночлегъ.

11 Мая. Поднялись спозаранку, — разбираетъ нетерпѣніе скорѣе добратся до желанной цѣли путешествія, священныхъ горъ, отстоящихъ отсюда не болѣе, какъ въ 25 верстахъ. Направляемся прямо на сѣверъ, вверхъ по долинѣ рѣки Цинъ-шуй, сливающейся, какъ я уже сказалъ, у села Ши-цзуй съ Хуанъ-хэ. Узкая, усыпанная гольшами долина поднимается легкими уклонами; кое-гдѣ трудолюбивые китайцы очистили небольшіе участки и засѣяли ихъ овсомъ. Проѣхали черезъ нѣсколько маленькихъ деревушекъ, по обыкновенію обсаженныхъ деревьями, среди которыхъ я замѣтилъ не мало нашихъ родныхъ березъ, свидѣтельствующихъ о сравнительной суровости здѣшняго климата. Верстахъ въ 10 отъ мѣста ночлега проѣхали еще императорскій походный дворецъ, разрушенный, какъ и прежніе, видѣнные нами въ пути. Чѣмъ ближе подъ-

1) Шань-си-тунъ-чжи, цз. 171, листъ 22.

Ѣзжаемъ мы къ цѣли нашего путешествія, тѣмъ чаще и чаще попадаются намъ различные предметы, по которымъ можно судить, что мы недалеко отъ высокочтимаго мѣста поклоненія; на скалистыхъ вершинахъ тамъ и сямъ виднѣются высокія пагоды; очень часто, особенно у переправъ черезъ быструю рѣчку Цинъ-шуй, видѣли мы высѣченныя въ скалахъ и раскрашенныя изображенія бурхановъ, а также тибетскія надписи. Все чаще и чаще попадаются кумирни, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе Бай-юнь-сы (白雲寺), лежащая у развалинъ походнаго дворца, и Чжэнь-хай-сы (鎮海寺); къ послѣдней я еще возвращусь при описаніи У-тай'скихъ монастырей. Узкая долина Цинъ-шуй извиивается среди горъ, уклоняясь то на сѣверо-западъ, то даже прямо на западъ; наконецъ, круто повернувъ на сѣверъ, она расширяется, образуя широкую котловину, окруженную высокими горами. Здѣсь-то и расположены важнѣйшіе У-тай'скіе монастыри. Проѣхали мы по торговому мѣстечку Тай-хуй-цзѣ (臺會街) и намѣревались остановиться въ одной изъ немногихъ, имѣющихся здѣсь гостинницъ, весьма непривлекательныхъ даже при здѣшнихъ ограниченныхъ требованіяхъ. Такая неудовлетворительность У-тай'скихъ гостинницъ объясняется тѣмъ, что всѣ болѣе или менѣе тароватые богомольцы имѣютъ непремѣнно знакомыхъ среди монаховъ и всегда останавливаются не иначе, какъ въ монастыряхъ. Къ счастью, и намъ удалось устроиться недурно: выручилъ насъ нашъ попутчикъ лама, предложившій остановиться въ знакомой ему кумирнѣ Шу-сянь-сы (殊像寺). Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе и черезъ нѣсколько минутъ уже располагался въ двухъ маленькихъ, но сравнительно чистенькихъ комнаткахъ, отведенныхъ мнѣ гостепріимными монахами.

Глава II.

У-ТАЙ.

Историко-географическій очеркъ.

Высочайшая въ сѣверномъ Китаѣ горная группа У-тай, «пяти-террасная», лежитъ въ округѣ Дай-чжоу (伐州) и составляетъ продолженіе хребта Тай-ханъ-линь (臺行嶺) заполняющаго своими отрогами восточную часть провинціи Шань-си. Тянутся У-тай'скія горы съ сѣверо-востока на юго-западъ на разстояніи приблизительно 120 верстъ, отдѣляясь отъ прочихъ горныхъ массъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ долиною рѣки Хуту-хэ, на востокѣ же пограничною чертою между провинціями Чжи-ли и Шань-си. Уже самое названіе горной группы У-тай (五臺) т. е. «пяти-террасная», даетъ нѣкоторое представленіе объ ея конструкціи. Среди безчисленныхъ пиковъ выдѣляются высотой и особенностью своей формы пять, названные террасами, потому что вершины ихъ представляютъ собою совершенно ровныя площадки, имѣющія отъ 1½ версты до 2 верстъ въ окружности. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе Чжунъ-тай (中), т. е. «средняя терраса», остальные же четыре названы по частямъ свѣта. Высочайшій изъ нихъ, сѣверный пикъ Бэй-тай (北), достигаетъ 10,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Хотя ни одна изъ вершинъ не доходитъ до снѣжной линіи, но на сѣверныхъ склонахъ, въ защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ, встрѣчается снѣгъ даже въ срединѣ лѣта. Средняя, сѣверная, восточная и западная вершины находятся въ связи между собою; южная же стоитъ отдѣльно, на значительномъ разстояніи отъ этой группы. Какъ на наглядное подобіе такого расположенія этихъ пиковъ, китайцы указываютъ на устройство человеческой руки, при чемъ большой палецъ приравнивается южному пику. Съ сѣверной стороны У-тай'ская горная группа круто поднимается

надъ долиною Ху-ту-хэ; ручьи, стекающіе съ горъ по этому склону, пробиваютъ себѣ путь по узкимъ ущельямъ, не образуя ни одного значительнаго потока. Единственной глубокой долиной является та, по которой проходитъ дорога изъ Бао-динъ-фу; эта долина рѣчки Цинъ-шуй, стекающей съ Бэй-та'я. У подножья Чжунъ-та'я она расширяется въ большую котловину, гдѣ и расположены замѣчательнѣйшія изъ У-тай'скихъ кумиренъ. Отъ главной, такъ сказать магистральной долины идутъ развѣтвленія, небольшія лощинки, по которымъ проложили себѣ путь потоки, стекающіе съ Нань-та'я (т. е. южнаго пика), Си-та'я (т. е. западнаго пика) и Чжунъ-та'я. Котловина, о которой я упомянулъ выше, тянется версты на три и у сѣверной своей оконечности раздѣляется на двѣ вѣтви, восточную и западную; по одной изъ нихъ течетъ рѣка Цинъ-шуй, а по другой впадающій въ нее потокъ съ Дунъ-та'я (т. е. съ восточнаго пика).

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь описаніе моего восхожденія на высочайшій изъ У-тай'скихъ пиковъ, Бэй-тай.

Тронулись въ путь мы утромъ 14 мая на мулахъ при великолѣпной погодѣ. Кумирня Шу-сянъ-сы, гдѣ я остановился, лежитъ невдалекѣ отъ торговаго мѣстечка Тай-хуй-цзѣ, у южной оконечности центральной котловины. Проѣхавъ всю ее съ юга на сѣверъ, мы направились по западному ея развѣтвленію, вверхъ по теченію рѣчки Цинъ-шуй. Поднимаемся по крутому уклону; долина дѣлается замѣтно уже и каменистѣе; вскорѣ свернули въ узкую лощинку, спускающуюся къ долинѣ Цинъ-шуй; ѣдемъ по самому руслу ручейка, бѣгущаго по этой лощинѣ. Вскорѣ начался подъемъ по крутому южному склону горы. Узкая, едва замѣтная тропинка вьется зигзагами, при чемъ уклонъ мѣстами достигаетъ градусовъ 40. Крайне утомленные постоянной ходьбою за послѣдніе дни, мы со слугою оставались все время въ сѣдлѣ; не смотря на это, сильные и привычные мулы бодро шли впередъ, останавливаясь только изрѣдка для того, чтобы перевести духъ. По склону этому, не смотря на всю его крутизну, ѣдемъ все время среди обработанныхъ, засѣянныхъ почти исключительно овсомъ,

полей; прекращаются они не ранѣе, какъ на 2000 футовъ ниже вершины; иначе сказать, культурная полоса достигаетъ здѣсь 8000 футовъ надъ уровнемъ моря. Далѣе поднимаемся по уступамъ Бэй-та'я, покрытымъ желтою, выжженою солнцемъ травою; кое-гдѣ въ тѣни попадается промерзлый снѣгъ; на открытыхъ мѣстахъ насъ обдаетъ ледянымъ холодомъ сильный сѣверный вѣтеръ. Послѣ четырехъ-часоваго труднаго безостановочнаго подъема, достигли, наконецъ, вершины, до которой отъ котловины китайцы считаютъ 40 ли, т. е. около 20 верстъ.

Вершина Бэй-та'я представляетъ собою ровную площадку, имѣющую около версты въ окружности; на южной и сѣверной оконечностяхъ ея видны развалины стоявшихъ здѣсь ранѣе кумиренъ и пагодъ. Въ южной части площадки устроенъ маленькій, обдѣланный камнемъ колодезь, величиною приблизительно въ два квадратныхъ аршина. Это — Хэй-лунъ-чи (黑龍池) т. е. «колодезь черного дракона», иначе называемый Тянь-цзинъ (天井) «небеснымъ колодцемъ»; изъ него во время оно Маньчжуширибодисатва извелъ страшнаго дракона, съ помощью котораго онъ поборолъ послѣдователей Лао'скаго ученія¹⁾. Съ вершины открывается великолѣпный видъ на всю окрестную горную страну съ ея безчисленными пиками и долинами. Прямо на востокъ, не далѣе какъ въ 10 верстахъ, высится восточный пикъ, Дунъ-тай, отдѣленный отъ Бэй-та'я высокимъ переваломъ Хуа-янь-линъ (華巖嶺); въ хорошую ясную погоду съ этой вершины, по увѣреніямъ китайцевъ, видно на востокѣ нѣчто блестящее, играющее на солнцѣ — это море отчего и пикъ этотъ носитъ также названіе Гуань-хай-тай (觀海), т. е. «терраса, съ которой видно море». Судя по описаніямъ, на Дунъ-та'ѣ, также какъ и на сѣверной вершинѣ, стояло прежде не мало кумиренъ и пагодъ; теперь всѣ эти сооруженія давно разрушены вѣтрами и дождями, не оставивъ по себѣ даже болѣе или менѣе значительныхъ слѣдовъ. На западѣ, верстахъ въ 15, стоитъ огромный Чжунъ-тай, вершина кото-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз. 25 л.

раго представляет собою площадь, имѣющую около двухъ верстъ въ окружности; издали тамъ видно нѣчто высокое, бѣлое; вѣроятно, это сохранилась одна изъ многихъ пагодъ, украшавшихъ въ прежнее время этотъ главный и священнѣйшій изъ пиковъ У-тай'скихъ. По словамъ проводника, тамъ сохранилась еще и маленькая кумирня, въ которой до послѣдняго времени жилъ одинокій монахъ, кое-какъ поддерживавшій развалившееся зданіе и принимавшій богомольцевъ; года два тому назадъ монахъ этотъ умеръ, и до сихъ поръ не находится ему преемника. На юго-восточномъ склонѣ Чжунъ-та'я, въ глубокой лощинѣ, лежитъ вѣчно ледъ, называемый «льдомъ 10,000 лѣтъ», — «вань-нянь-бинъ» (萬年冰). Еще далѣе на западъ высится Си-тай, обращающій на себя вниманіе правильностью своей формы усѣченного конуса, причемъ вершина его срѣзана какъ бы ножемъ. Итакъ видъ на востокъ и западъ закрытъ громадами сосѣднихъ горъ и не представляет потому ничего выдающагося. Другое дѣло видъ на югъ: прямо передъ зрителемъ глубокая У-тай'ская котловина съ ея безчисленными кумирнями, изъ которыхъ главнѣйшія сгруппированы у подножья Чжунъ-та'я. Далѣе разстлана дикая нагорная страна, ограниченная на югѣ дву-горбымъ Вэй-тоу-шань (圍頭山), лежащимъ уже за предѣлами У-тай'ской горной группы, верстахъ въ 80 отъ Бэй-та'я. Гораздо ближе виденъ конусообразный Нань-тай, послѣдній изъ пиковъ, попавшій въ семью пяти. Въ прежнее время теперешній Бэй-тай считался среднимъ пикомъ, нынѣшній Чжунъ-тай южнымъ и, наконецъ, сѣвернымъ пикомъ считался одинъ изъ отроговъ Бэй-та'я, Да-хуанъ-цзянь-шань (大黃尖). Впослѣдствіи замѣтили, что на горѣ Цзинь-сю-фынь (錦繡峰) происходятъ разныя чудесныя явленія и убѣдились, что высотой своею она ближе подходитъ къ остальнымъ четыремъ пикамъ, чѣмъ гора Да-хуанъ-цзянь, представляющая собою только отрогъ, а не самостоятельную вершину. Въ виду этого были сдѣланы соответствующія измѣненія въ названіяхъ, и только тогда гора Цзинь-сю-фынь, подъ именемъ Нань-тай, была приобщена къ

числу пяти священныхъ пиковъ¹⁾. Въ противоположность дикому горному виду на югъ, видъ на сѣверъ носить совсѣмъ другой характеръ: крутыми обрывами горы спускаются въ долину, и взоръ очарованнаго зрителя, котораго успѣли уже утомить суровые горные пейзажи, отдыхаетъ на разстилающейся у ногъ его широкой долинѣ Ху-ту-хэ, ограниченной далеко на сѣверо-западѣ рядомъ невысокихъ холмовъ Мань-тоу-шань (饅頭); сквозь туманъ въ отдаленіи виднѣются города Фань-чи-сянь, а далѣе къ западу Дай-чжоу. Вдоволь налюбовавшись чуднымъ видомъ съ одной изъ высочайшихъ горныхъ вершинъ сѣвернаго Китая, мы укрылись отъ порывистаго сѣвернаго вѣтра у развалинъ бывшей кумирни, гдѣ пріютился крошечный идолъ Мань-чжушири. Около полудня тронулись въ обратный путь. Спустились мы другой дорогой, по страшно крутому юго-западному склону горы, причемъ пришлось все время идти пѣшкомъ, такъ какъ держаться въ сѣдлѣ было-бы невозможно. Вскорѣ снова попали въ долину рѣки Цинь-шуй нѣсколько выше того мѣста, у котораго отдѣляется на востокъ уже пройденная нами при подъемѣ лощинка; отсюда по совершенно почти ровной дорогѣ не болѣе пяти верстъ ходу до кумирни Шу-сянь-сы.

Начало почитанія У-та'я какъ мѣстности священной слѣдуетъ относить къ глубокой древности, а именно къ тому времени, когда впервые зародился культъ горъ. По преданію здѣсь часто происходили разныя чудесныя явленія: такъ изъ горъ временами исходили лучи багрянаго цвѣта, отчего У-тай получилъ названіе Цзы-фу (紫府). Здѣсь, какъ говоритъ легенда, съ древнѣйшихъ временъ проживалъ нѣкій святой, волосы котораго были заплетены въ 5 пучковъ, а одежда сшита изъ трехъ полотнищъ. Появлялся онъ уже со временъ Чжоу'ской (周) династіи одинъ или въ сопровожденіи многихъ дѣтей, и никому никогда не удавалось услѣдить за нимъ. Когда мѣстность около У-та'я стала заселяться, святой этотъ показывался все рѣже и рѣже, и, нако-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз., 26 л.

нецъ, при династїи Хоу-Хань (後漢) (25—220 г. по Р. Х.) онъ появлялся не болѣе одного или двухъ разъ. Въ народѣ его называли Су-и-сянь (素衣仙) т. е. «святой, одѣтый въ бѣлое платье»¹⁾.

Въ Цинь-лянъ-шань-чжи мы находимъ краткія свѣдѣнія о томъ, что уже послѣдователи Лао-цзы (老子) воспользовались установившимся въ народѣ почитаніемъ У-та'я и построили много монастырей по лѣсистымъ склонамъ этихъ горъ²⁾.

Что касается отношеній буддистовъ къ этой священной горѣ, то первое упоминаніе объ У-та'ѣ приписывается самому Шигэмуни. По преданію онъ однажды сказалъ Цзинь-ганъ-ми-цзинван'у (金剛密跡王): «къ сѣверо-востоку отсюда лежитъ страна Да-чжэнь-на (大震那), т. е. Китай; тамъ въ великолѣпной горной мѣстности, украшенной пятью вершинами, поселится Маньчжушири и безчисленное количество времени будетъ проповѣдывать ученіе, утоляя духовную жажду людей. Туда-же будутъ приходить на поклоненіе къ нему безчисленные небожители и бодисатвы, которые будутъ приносить ему жертвы и сдѣлаются хранителями закона³⁾».

Вскорѣ послѣ того, какъ учитель Шигэмуни появился во славу Будды, онъ рѣшился приступить къ проповѣди въ Китаѣ. Отправившись въ эту страну, онъ сталъ учить о пользѣ добродѣтели и ошибочности грѣха; проповѣдь Будды оказалась, однако, безплодною, — никто его не слушалъ и всѣ предавали ученіе его осмѣянію. Отчаявшись въ успѣхѣ, онъ отправился на гору Гэ-деригуть, гдѣ предался созерцанію. Размышляя о способахъ, какими можно было-бы распространить истинное ученіе въ Китаѣ, онъ порѣшилъ предоставить эту страну въ удѣлъ Маньчжушири-бодисатвѣ. Въ это время въ восточной части Чжамбудвипа, въ той мѣстности, гдѣ у Великаго моря лежитъ Ки-

1) Цинь-лянъ-шань-чжи, 6 цз., 2 л.

2) Цинь-лянъ-шань-чжи, 6 цз., 2 л.

3) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз., 20 л.

тайская имперія, изъ горы о пяти вершинахъ вышелъ блескъ пяти разныхъ цвѣтовъ, и на вершинахъ появилось пять пагодъ, а у подножья каждой изъ нихъ выросло по одному благовонному дереву Чжамбо. Изъ волосъ будды вышелъ золотой лучъ и сосредоточился на этихъ деревьяхъ. Впослѣдствіи изъ ихъ сѣмянъ выросъ цвѣтокъ лотоса, изъ котораго родился Маньчжушири, появившійся, такимъ образомъ, на свѣтъ безъ отца и матери, чистымъ отъ мірской грязи; въ правой рукѣ онъ держалъ чудесный огненный мечъ, а въ лѣвой книгу, покоившуюся на лиліи; самъ онъ былъ малаго роста и желтаго цвѣта, имѣя всѣ признаки Будды. Вскорѣ около вновь родившагося бодисатвы собрались жители сосѣдней страны, и онъ сталъ проповѣдывать имъ, начавъ съ ученія о гаданіяхъ, а именно: онъ училъ о томъ, какъ узнать, что полезно и что вредно для жизни, будетъ-ли счастливъ или нѣтъ извѣстный бракъ, благопріятно или нѣтъ положеніе данной мѣстности. Гаданія свои на различные случаи онъ изложилъ въ 21 томѣ. Затѣмъ онъ приступилъ къ преподаванію болѣе глубокаго ученія, но проповѣдь его, въ этомъ случаѣ, оказалась безуспѣшной; толпы слушателей рѣдѣли и, когда, наконецъ, изъ нихъ не осталось болѣе ни одного, то Маньчжушири зарылъ всѣ книги, въ которыхъ излагалось преподанное имъ ученіе въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ У-та'я. Вскорѣ послѣ того, надъ страной этою разразились многія бѣдствія, былъ большой неурожай и свирѣпствовали повальныя болѣзни. Услышавъ объ этомъ, явились сюда Падма-Самбава и Хоншимъ-бодисатва освятить мѣстность У-тай'скую прикосновеніемъ своихъ ногъ. Обращаясь къ Падма-Самбава, Хоншимъ-бодисатва сказалъ: «тяжелыя времена эти наступили вслѣдствіе того, что въ здѣшнихъ мѣстахъ спрятаны книги, въ которыхъ изложено ученіе о гаданіяхъ, спроси у Маньчжушири о мѣстонахожденіи этихъ книгъ и вынь ихъ изъ теперешняго хранилища». Сказавъ это, Хоншимъ-бодисатва омылся въ одномъ изъ источниковъ, которыми такъ изобилуетъ У-тай, и удалился. Падма-Самбава-же, повидавшись съ Маньчжушири на вершинѣ Чжунъ-та'я, вынулъ книги изъ

ихъ хранилища и сталъ проповѣдывать изложенное въ нихъ ученіе на этотъ разъ уже успѣшнѣе.

Постоянно пребывая на У-та'ѣ, Маньчжушири неоднократно являлся подѣ всевозможными видами лицамъ, посѣщавшимъ эту священную гору. Такъ однажды, обратившись въ Аяга Тахимлик'а (нищаго монаха), бодисатва этотъ усѣлся на дерево. Какъ разъ въ это время туда прибылъ императоръ и, увидавъ его въ такомъ странномъ положеніи, спросилъ, зачѣмъ онъ забрался на дерево? Нищій монахъ отвѣтилъ: «сiju я здѣсь, такъ какъ у меня нѣтъ собственной земли, вся эта мѣстность принадлежитъ императору». Государь воздалъ поклоненіе ламѣ и сказалъ: «о мудрѣйшій, проси у меня все, чего хочешь». Лама отвѣтилъ: «изъ этихъ твоихъ земель, о государь, я желалъ бы получить лишь такой участокъ, какой можетъ покрыть мой коверъ». Императоръ изъявилъ свое согласіе, и лама бросилъ коверъ, который поднялся высоко до неба и разросся тамъ въ тучу, покрывшую собою пространство въ 500 ли. Императоръ и окружавшіе его придворные были поражены этимъ чудомъ, а нищій лама, бывшій хубилган'омъ Маньчжушири, предсталъ предъ ними въ полномъ величіи своемъ, окруженный 10,000 бодисатвами. Въ память этого чудеснаго явленія на «чистой и прохладной горѣ», какъ называютъ буддисты У-тай, были сооружены многочисленныя храмы и скиты. Маньчжушири являлся также очень часто подѣ видомъ старца Лаоса, при чемъ научалъ мѣстныхъ жителей ремесламъ и искусствамъ, много способствуя развитію сихъ послѣднихъ. Вообще «бодисатва-спаситель людей» (одинъ изъ титуловъ Маньчжушири) являлся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, и уже въ глубокой древности были воздвигаемы на У-та'ѣ въ честь его кумирни, числомъ до 360, и пагоды, большая часть которыхъ сдѣлалась впоследствии невидимою для глазъ простыхъ смертныхъ¹⁾.

---

1) Табунъ уцзугурту агулан'у и пр., листы 6—10; 22—25.

Частыя явленія Маньчжушири на У-та'ѣ дали обильный матеріаль для буддійскихъ художниковъ и скульпторовъ. Бодисатва этотъ изображается въ самыхъ различныхъ видахъ. Всего чаще его представляютъ сидящимъ верхомъ бокомъ на мифологическомъ львѣ Со-ни (狻猊), съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ; нерѣдко статуи этого божества дѣлаются въ той формѣ, въ какой онъ впервые появился на У-та'ѣ, родившись изъ лотоса, а именно сидящимъ на этомъ цвѣткѣ, съ огненнымъ мечемъ въ одной рукѣ и съ лиліей, на которой покоится книга, въ другой. Существуетъ еще сравнительно рѣдко встрѣчающееся изображение Маньчжушири старикомъ съ сѣдыми бровями и усами; въ такомъ видѣ, какъ я уже упомянулъ выше, бодисатва являлся на священной горѣ. Наконецъ, по числу У-тай'скихъ пиковъ существуетъ пять Маньчжушири, покровителей этихъ вершинъ, причемъ каждый изъ нихъ изображается отлично отъ другихъ. Подробно объ этихъ статуяхъ божества скажу при описаніи кумирни Да-лу-динъ (大路頂).

Не буду утомлять вниманіе читателей баснословными разсказами и легендами, относящимися къ чисто мифической части исторіи У-та'я, тѣмъ болѣе, что немало подобныхъ басенъ придется мнѣ передавать при описаніи одѣльныхъ кумиренъ священной горы. Перехожу теперь къ исторіи возникновенія на У-та'ѣ первыхъ буддійскихъ монастырей. Я принужденъ буду повторить при этомъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, извѣстный разсказъ о введеніи буддизма въ Китаѣ.

Императоръ Хань'ской династіи (съ 206 г. до Р. Х. по 220 г. по Р. Х) Минъ-ди (明帝) увидѣлъ, какъ говоритъ легенда, необыкновенный сонъ, а именно золотую саженную статую человека, отъ котораго исходило сіянье, подобное солнцу. На утро императоръ обратился за объясненіемъ къ своимъ мудрецамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Фу-и (賦役), сказалъ: «я прочелъ въ одной книгѣ, что въ западныхъ странахъ во время оно жилъ одинъ великій святой; черезъ 1000 лѣтъ по смерти

его, проповѣданная имъ религія должна дойти до Китая¹⁾. Не имѣетъ ли видѣнный Вашимъ Величествомъ сонъ связи съ этимъ обстоятельствомъ?» Признавъ толкованіе своего мудреца правдоподобнымъ, Минъ-ди приказалъ отправить на западъ посольство, для отысканія послѣдователей знаменитаго святаго. Какъ разъ въ это время проживавшіе въ Индіи два архата Мо-тэнъ (摩騰) и Фа-ланъ (法蘭) усмотрѣли духовными очами, что въ странѣ Чжэнь-данъ (震旦), т. е. въ Китаѣ, существуетъ какъ-бы корень ученія, и что почва тамъ уже подготовлена для воспріятія религіозныхъ истинъ. Захвативъ съ собою куреній, нѣсколько статуй и небольшую книгу, именуемую «сутрою о 42 отдѣлахъ», они сѣли на бѣлыхъ коней и пустились въ далекій путь на востокъ. Вскорѣ путешественники эти повстрѣчались съ посланцами императора Минъ-ди и были привезены ими въ городъ Лоянь (洛陽), тогдашнюю столицу Китая.

Существуетъ, какъ извѣстно, еще и другой рассказъ о проникновеніи буддизма въ Срединную имперію. Въ 122-мъ году до Р. Х. отрядъ китайскаго войска дошелъ до страны Сяо-тоу, лежащей за Яркандомъ, гдѣ въ то время процвѣталъ буддизмъ, и привезъ оттуда золотую статую Будды, послужившую прототипомъ идоловъ, изготовлявшихся впослѣдствіи въ Китаѣ. Свѣдѣнія эти мы встрѣчаемъ, между прочимъ, у Абель-Ремюза въ его Гоё-Коуё-Ки (описание буддійскихъ государствъ).

Сдѣлавъ это маленькое отступленіе, буду продолжать рассказъ о прибытіи двухъ индійскихъ архатовъ ко двору Минъ-ди. Узнавъ въ одномъ изъ поднесенныхъ ими идоловъ статую, видѣнную имъ во снѣ, императоръ чрезвычайно обрадовался, обласкалъ архатовъ и рассказалъ имъ подробно свой сонъ. Мо-тэнъ и Фа-ланъ замѣтили, что это несомнѣнно внушеніе Будды и вы-

---

1) Какъ извѣстно, въ Китаѣ годомъ рожденія Будды почитается 1027 годъ до Р. Х. Помощью такой хронологіи стараются согласовать факты съ произнесеннымъ будто-бы самимъ Шигемуни пророчествомъ, что религія его будетъ распространена въ Китаѣ черезъ 1000 лѣтъ послѣ того, какъ онъ войдетъ въ Нирвану.

разили надежду, что императоръ приметъ и будетъ со рвеніемъ распространять новую религію. «Почему, однако», спросилъ Минъ-ди, «Будда самъ не пришелъ въ Китай проповѣдывать?» «Всесовершенный Будда», отвѣчали архаты, «все дѣлаетъ во благовременіи; до сихъ поръ-же здѣшняя страна не была подготовлена къ воспріятію началъ вѣры; если вода не отражаетъ въ себѣ свѣта луны, то, конечно, не луна же въ этомъ виновата!» Императоръ снова спросилъ: «развѣ нѣтъ въ здѣшнихъ странахъ какихъ-нибудь перерожденцевъ или святыхъ?» «Здѣсь, былъ отвѣтъ, находится гора У-тай, на которой обитаетъ Маньчжушири»¹⁾).

Видимъ, такимъ образомъ, что уже первые проповѣдники буддизма въ Китаѣ указали на У-тай, какъ на священную гору, поспѣшивъ заручиться мѣстомъ поклоненія для будущихъ послѣдователей своей религіи. Причину, почему выборъ палъ именно на эту, а не какую-либо другую мѣстность, слѣдуетъ искать, конечно, въ томъ, что за У-та'емъ успѣла уже прочно установиться репутація чудесной, священной горы. Къ этой мѣстности не замедлили приурочить различныя древнія пророчества, встрѣчающіяся въ буддійскихъ сочиненіяхъ, по которымъ неопровержимо доказывалось, что У-тай есть мѣсто рожденія и пребыванія Маньчжушири-бодисатвы.

Пользуясь благосклоннымъ приемомъ, оказаннымъ имъ повелителемъ Китая, пришлые изъ Индіи архаты не сидѣли сложа руки. Черезъ годъ послѣ прибытія своего въ Ло-янъ, они совершили поѣздку на У-тай и, по возвращеніи оттуда, обратились къ императору съ просьбою построить тамъ буддійскую кумирню. Такъ какъ У-тай внѣшнимъ своимъ видомъ походилъ, по словамъ архатовъ, на индійскую гору Линъ-цзю (靈鷲), то вновь воздвигаемой кумирнѣ было дано названіе Линъ-цзю-сы. Желая выказать особое благоволеніе къ новой религіи, императоръ прибавилъ къ этому названію еще два слова «Да-фу» (大孚), что

1) Цинъ-лянъ-шань-чжи. 7 цз. 2 л.

значить «большая вѣра». Въ новоотстроенный монастырь Минъ-ди пожаловалъ кумиры, и здѣсь поселены были начавшіе приходить въ Китай буддійскіе монахи, которые должны были заниматься распространеніемъ въ этой странѣ новой вѣры¹⁾.

Даосисты, имѣвшіе, какъ я уже упомянулъ вкратцѣ выше (см. 52 стр.), нѣсколько своихъ монастырей на У-та'ѣ, не могли, конечно, равнодушно смотрѣть на утвержденіе среди нихъ непрощенныхъ гостей. Въ 14 году правленія Юнъ-пин'а (永平) (172 г.) они представили императору протестъ, прося разрѣшенія вступить въ открытый споръ съ приверженцами новаго, ненавистнаго имъ ученія. Книги, въ которыхъ излагались догматы той и другой религіи, должны были быть положены въ огонь, и то ученіе, книги котораго сгорятъ, должно было быть признано ложнымъ. По сказаніямъ буддистовъ, книги даосистовъ при этомъ погибли, конечно, всѣ до единой; надъ костромъ-же, сложеннымъ изъ буддійскихъ книгъ, явились лучезарные небожители, охранявшіе ихъ отъ огня и воздававшіе поклоненіе святынѣ. Присутствовавшіе при этомъ два индійскіе архата стали поучать собравшійся народъ, при чемъ говорили, указывая на превосходство буддизма предъ даосизмомъ: «Лисицу нельзя сравнивать со львомъ, свѣтъ лампы нельзя приравнивать къ свѣту солнца и луны». Послѣ такого чудеснаго подтвержденія истины буддизма, многіе изъ даосистовъ, сознавъ, что они утратили свое значеніе, побросались въ воду, другіе же въ числѣ 620 чело-вѣкъ, принявъ новую вѣру, стали особенно усердными ревнителями буддизма²⁾.

Дальнѣйшее развитіе вновь насажденная въ Китаѣ религія получила при династіи Цзинь (晉) (265—420 г.); въ это время природнымъ китайцамъ разрѣшено было принимать монашескіе обѣты, и было приступлено къ переводу буддійскихъ священ-ныхъ книгъ. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей на

1) Цинъ-лянъ-шань-чжи, 7 цз., 3 л.

2) Табунъ уцзугурту агулан'у и пр., л. 16—17.

этомъ поприщѣ явился знаменитый Кумарачжива, именуемый однимъ изъ четырехъ свѣтилъ буддизма. Работалъ онъ въ теченіи 18 лѣтъ (397—415), и подъ его руководствомъ было переведено болѣе 300 томовъ священныхъ книгъ. Въ это же время начались извѣстныя путешествія китайскихъ паломниковъ на западъ. Въ 399 году отправился въ такое путешествіе Фа-сянь (法顯), трудъ котораго Фо-го-цзи (佛國記), т. е. «Описаніе буддійскихъ государствъ», былъ переведенъ Абель-Ремюза.

Послѣ паденія Цзинь'ской династіи и распаденія Китая на сѣверный и южный, на сѣверѣ воцарился домъ Вэй (魏), именуемый также Бэй-Вэй (北) или Хоу-Вэй (後). Одинъ изъ первыхъ государей этой династіи былъ рьянымъ противникомъ буддизма; при немъ было строжайше запрещено поклоняться чужеземнымъ богамъ и сооружать идоловъ; всѣ проповѣдники буддизма въ сѣверномъ Китаѣ подверглись жесточайшему преслѣдованію. Преемники этого государя были, напротивъ, большими приверженцами этой религіи и отмѣнили всѣ строгія постановленія противъ нея. Въ 451 году изданъ былъ указъ, которымъ дозволялось учреждать монастыри во многихъ городахъ, и жителямъ ихъ разрѣшалось постригаться въ монахи¹⁾. Одинъ изъ императоровъ этого дома Сяо-вэнь-ди (孝文帝) обратилъ большое вниманіе на У-тай'скія кумирни. Основанный при Минъ-ди монастырь Линъ-цзю-сы переименованъ былъ при немъ въ Шань-чжюань (善住院) и вокругъ него было построено 12 маленькихъ кумиренъ, въ которыхъ поселены были между прочимъ приходившіе въ то время во множествѣ въ Китай индійскіе выходцы, тѣснимые браминами, воздвигнувшими въ то время гоненіе на буддизмъ. На У-та'ѣ же устроена была даровая раздача хлѣба всѣмъ нуждавшимся²⁾. Во время той-же Вэй'ской династіи прибылъ въ сѣверный Китай 28-ой индійскій патріархъ Бодидарма, прозванный въ Китаѣ «браминомъ, смотрящимъ въ стѣну», такъ

1) Chinese Buddhism, стр. 89—92.

2) Шань-си-тунъ-чжи, цз. 171, л. 6.

какъ онъ просидѣлъ въ Ло-ян'ѣ въ теченіи девяти лѣтъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ¹⁾.

Императоры династїи Бэй-ци (北齊) (550—577 годъ) явились еще болѣе ревностными покровителями буддизма въ своихъ предѣлахъ, выказывая особенную заботливость по отношенію къ У-та'ю. Число монастырей, по нѣкоторымъ источникамъ, доведено было въ этой мѣстности до 200, что, конечно, слѣдуетъ считать преувеличеннымъ. Подати съ 8 округовъ (чжоу 州) были предоставлены въ распоряженіе У-тай'скихъ кумиренъ²⁾.

Такимъ-же покровительствомъ пользовался буддизмъ и въ южномъ Китаѣ; императоры династїй Сунь (宋), Нань-ци (南齊), Лянъ (梁) и Чэнь (陳), всѣ безъ исключенія, были ревностными приверженцами этой религіи.

Объединившая Китай династїя Суй (隋), царствовавшая всего 27 лѣтъ, относилась благосклонно къ буддизму. Первый же императоръ ея, тотчасъ по воцареніи, издалъ указъ, коимъ запрещалось разрушеніе и оскорбленіе буддѣйскихъ идоловъ³⁾. Объ отношеніяхъ Суй'скихъ императоровъ къ У-та'ю извѣстенъ только одинъ фактъ, а именно во время правленія императора Кай-хуань (開皇) (581—601 г.) тамъ устроена была даровая раздача съѣстныхъ припасовъ нуждавшимся, причемъ императоръ самъ написалъ молитву, которая должна была быть прочитана при этомъ случаѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было соорудить на всѣхъ вершинахъ по кумирнѣ въ честь Маньчжушири⁴⁾.

Первый императоръ Тан'ской (唐) династїи, уступая настоятельнымъ требованіямъ конфуціанцевъ и въ особенности одного изъ своихъ министровъ Фу-и (傅義), созвалъ совѣтъ для обсужденія мѣръ касательно буддизма; тутъ конфуціанцы одержали рѣшительную побѣду надъ приверженцами ненавистой имъ религіи. Не смотря на это, однако, созвавшій совѣтъ импера-

1) Chinese, Buddhism, стр. 102.

2) Шань-си-тунъ-чжи, цз. 171, л. 6.

3) Chinese Buddhism, стр. 111.

4) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 12 л.

торъ явился рьянымъ поборникомъ и покровителемъ буддизма¹⁾. Не оставилъ онъ своими милостями и У-тай'скіе монастыри; во время его царствованія тамъ не разъ устраивались даровыя раздачи хлѣба нуждавшимся²⁾. При первыхъ государяхъ Тан'скаго дома, извѣстный Сюань-цзанъ (玄藏) совершилъ свое знаменитое путешествіе на западъ. Вернулся онъ послѣ 16-лѣтняго странствованія съ болѣе чѣмъ 650-ю томами буддійскихъ книгъ, многими идолами и другими сокровищами. По возвращеніи Сюань-цзан'а на родину, ему повелѣно было составить описаніе видѣнныхъ имъ странъ, и онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ Да-танъ-си-ю-цзи (大唐西遊記); этому-то знаменитому путешественнику поручено было перевести на китайскій языкъ привезенныя имъ книги, для чего была составлена коммиссія изъ ученѣйшихъ монаховъ. Сюань-цзанъ явился, такимъ образомъ, продолжателемъ дѣла Кумарачживы. Всего было издано въ переводѣ около 700 томовъ. По просьбѣ Сюань-цзан'а императоръ повелѣлъ построить множество новыхъ монастырей, и въ каждый изъ старыхъ принять по пяти сверхштатныхъ монаховъ³⁾. Въ это-же время построено было на У-та'ѣ 10 новыхъ монастырей, въ которыхъ поселено множество монаховъ⁴⁾. Преемники первыхъ Тан'скихъ императоровъ продолжали постоянно заботиться объ У-та'ѣ и его монастыряхъ; такъ въ 656 году повелѣно было освободить отъ податей всю мѣстность, занимаемую У-та'емъ. Слава объ этомъ разсадникѣ буддизма перешла далеко за предѣлы Китая. Во время правленія императора Тянь-бао (天寶) (742—756) японскій князь Бо-би-тянь-хуанъ (白璧天皇) прислалъ ко двору Тан'скаго императора двухъ монаховъ, по имени Линъ-сянь (靈仙) и Синъ-хэ (行賀), которые должны были отправиться на У-тай для усовершенствованія въ буддійскомъ ученіи. Такія же посольства отъ

1) Chinese Buddhism, стр. 115.

2) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 6 л.

3) Chinese Buddhism, стр. 119.

4) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 6 л.

японскихъ князей приходили еще во времена правленія императоровъ Кай-чэнъ (開成) (836—841) и Хуй-чанъ (會昌) (841—847). Есть также упоминаніе о посольствѣ отъ индійскаго государства У-ча (鳴茶), приславшаго въ даръ У-тай'ской святынѣ множество самыхъ различныхъ предметовъ, между прочимъ священную книгу Хуа-янь-цзинъ (華嚴經) и знамена изъ благовоннаго дерева¹⁾.

Времена Тан'ской династіи должны вообще считаться золотымъ вѣкомъ буддизма въ Китаѣ. Иногда, впрочемъ, никогда не прекращавшаяся оппозиція, въ рядахъ которой стояли рьяные конфуціанцы, поднимала голову и временами, хоть не надолго, одерживала верхъ. Изъ противниковъ буддизма на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Хань-вэнь-гун'а (韓文公), прославившагося своимъ знаменитымъ докладомъ, представленнымъ имъ въ 819 году императору Сянь-цзун'у (顯宗) по случаю устроенной имъ торжественной встрѣчи ввезеннымъ въ столицу мощамъ Будды. Въ 845 г. императоръ У-цзунъ (武宗), по совѣту конфуціанцевъ, воздвигъ жестокое гоненіе на буддизмъ; было разрушено около 4600 кумиренъ, монастырскія имущества были конфискованы, а мѣдныя статуи и колокола обращены въ монету. Больше 200,000 монаховъ принуждены были обратиться въ міръ; У-тай-шань'скіе отшельники разбѣжались, и многіе изъ нихъ укрылись въ Янь-чжоу (燕州), въ мѣстности, гдѣ теперь лежитъ Пекинъ. Гоненія эти продолжались однако очень недолго. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя императоръ У-цзунъ умеръ, и преемникъ его Сюань-цзунъ (宣宗) (847—860 г.) повелѣлъ возстановить всѣ разрушенные монастыри. Снова дано было разрѣшеніе всѣмъ желающимъ постригаться въ монахи и произносить обѣты отреченія отъ міра.

Въ послѣдующій послѣ паденія Тан'ской династіи періодъ У-дай (五代) (907—960 г.) сдѣлано было нѣсколько попытокъ урегулированія исповѣдыванія буддизма. Такъ, во время дина-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 6 л.

стіи Хоу-танъ (後唐) (923—936) предписано было, чтобы всѣ желавшіе постригаться въ монахи подвергались предварительно испытанію по предметамъ религіи. Кромѣ того, повелѣно было закрыть всѣ монастыри, не имѣвшіе пожалованныхъ императорами надписей. Такимъ образомъ, оставлено было всего около 2700 монастырей¹⁾.

При воцарившейся затѣмъ династіи Сунъ (宋) продолжались начавшіяся уже ранѣе посольства японскихъ монаховъ къ китайскому двору. Въ первый годъ правленія Юнь-си (684 г.) (雍熙) ко двору китайскому прибылъ японскій монахъ Дяо-жанъ 旣然). Онъ просилъ у императора разрѣшенія посѣтить У-тай; разрѣшеніе это дано было очень охотно, и даже всѣмъ попутнымъ властямъ было предписано снабжать путешественника всѣмъ нужнымъ для дороги. Этотъ-же монахъ просилъ и получилъ отъ императора нѣсколько священныхъ книгъ на тибетскомъ языкѣ. Сун'скіе императоры, особенно первые изъ ихъ дома, отличались большою приверженностью къ буддизму и не оставляли У-тай'скихъ монастырей своими милостями. Доказательствомъ этого уже можетъ служить то обстоятельство, что за періодъ царствованія втораго и третьяго императоровъ изъ этого дома, т. е. за 17 лѣтъ, было издано 380 различныхъ распоряженій объ У-тай'скихъ монастыряхъ. Въ 4-й годъ правленія Цзинъ-дэ (景德) (1008 г.) повелѣно было пополнить инвентарь этихъ монастырей, причемъ былъ нарочно отправленъ чиновникъ изъ Нэй-гэ (內閣) по имени Юань-юй (袁瑀), который и долженъ былъ доставить на У-тай предметы, потребные при служеніи²⁾.

Апогея своего развитія буддизмъ достигъ при Юань'ской династіи (1260—1368), самъ основатель которой въ Китаѣ Хубилай (1260—1275) былъ ревностнымъ исповѣдникомъ этой религіи. Многіе храмы, предназначенные для національнаго китайскаго культа, были обращены въ буддійскія кумирни. Монахи буддійскіе были назначаемы на различныя правительственныя

1) Chinese Buddhism, стр. 134.

2) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 7 л.

должности, причѣмъ зависѣли непосредственно отъ центрального правительства, являясь его прямыми агентами. Въ концѣ XIII вѣка, при томъ же Хубилаѣ сдѣлана была перепись всѣмъ буддѣйскимъ кумирнямъ и монахамъ въ Китаѣ, причѣмъ первыхъ было насчитано 42,318, а вторыхъ до 213,148. По повелѣнію того же императора былъ сдѣланъ переводъ многихъ священныхъ книгъ съ санскритскаго и тибетскаго языковъ на монгольскій, причѣмъ нѣсколько экземпляровъ этихъ книгъ были отправлены въ 13 главныхъ кумирень У-тай'скихъ. Преемники Хубилая на престолѣ Юань'скихъ императоровъ были не менѣе рьяными приверженцами буддизма. При нихъ продолжалась дѣятельная постройка храмовъ, переводъ священныхъ книгъ и приглашеніе монаховъ иноземцевъ, преимущественно изъ Тибета¹⁾. Императоръ Чэнъ-цзунъ (成宗) въ первый-же годъ по вступленіи на престолъ приступилъ къ постройкѣ новыхъ кумирень на У-та'ѣ, причѣмъ дѣло это поставлено было на широкую ногу. На У-та'ѣ учреждено было нѣчто въ родѣ строительнаго комитета для сооруженія новыхъ и исправленія старыхъ кумирень. Во главѣ этого комитета были поставлены важные сановники: президентъ приказа общественныхъ работъ и провинціальный судья. Десять «лу» (路) (административная единица, соответствующая теперешнимъ «фу» — область), а именно Да-ду (大都), Бао-динъ (保定), Чжэнъ-динъ (正定), Пинъ-янъ (平陽), Тай-юань (太原), Да-тунъ (大同), Хэ-цзянь (河間), Да-минъ (大名), Шунь-дэ (順德) и Гуанъ-пинъ (廣平) должны были доставить все необходимое для построекъ какъ деньгами, такъ и матеріалами. Въ 1297 году работы были уже окончены, и Чэнъ-цзунъ лично посѣтилъ У-тай. При преемникѣ его У-цзун'ѣ (武宗) (1308—1312 г.) на этой священной горѣ снова были произведены значительныя работы, причѣмъ для этой цѣли отправлено было туда 6,500 человекъ солдатъ. Въ 1309 году У-тай посѣтила бабка императора въ сопровожденіи

1) Chinese Buddhism, стр. 149.

многочисленного конвоя изъ 600 человекъ монгольскаго войска. Изъ послѣдующихъ императоровъ Юань'ской династїи въ связи съ У-та'емъ упоминаются имена Инъ-цзун'а (英宗) (1321—1324) и Вэнь-цзун'а (文宗) (1330—1333). Первый изъ нихъ лично посѣтилъ У-тай, второй-же отправилъ туда посланца для совершенія торжественнаго служенія¹⁾. Будучи ревностными приверженцами буддизма и заботясь о наиболѣе широкомъ распространенїи этой религїи среди монголовъ, императоры Юань'ской династїи поняли, вѣроятно, всю важность географическаго положенія У-тай-шан'я, лежащаго въ мѣстности сопредѣльной съ монгольскими степями. Какъ мы видѣли выше, монгольскіе императоры, преисполненные религіознаго чувства, неоднократно лично посѣщали этотъ древній разсадникъ буддизма, и можно съ увѣренностью сказать, что именно со временъ Юань'ской династїи пошла та слава, которою пользуется въ настоящее время среди монголовъ У-тай'ская святыня. Всѣ многочисленные монастыри въ этой мѣстности обязаны въ настоящее время своимъ существованіемъ почти исключительно щедротамъ монголовъ, изъ которыхъ составляется контингентъ наиболѣе тароватыхъ богомольцевъ.

Воцарившаяся на мѣстѣ Юань'ской національная Мин'ская (明) династїя продолжала благосклонно относиться къ буддизму. Лишь только улеглись безпорядки, неизбежные при всякомъ правительственномъ переворотѣ, императоры Мин'скіе стали озабочиваться возведеніемъ новыхъ и исправленіемъ старыхъ буддїйскихъ кумиренъ. Императоръ Юнь-ло (永樂) (1403—1425 г.) приказалъ заново отремонтировать три монастыря на У-та'ѣ и издалъ за время своего царствованія болѣе 10 распоряженій касательно соблюденія въ цѣлости всѣхъ вообще кумиренъ въ этой мѣстности. Онъ неоднократно командировалъ туда чиновниковъ какъ для доставленія въ монастыри по нѣсколькимъ экземпляровъ вновь издававшихся священныхъ книгъ, такъ и для наблюденія

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 7 и 15 лл.

за исправнымъ исполненіемъ своихъ повелѣній¹⁾. Во время правленія императоровъ Сюань-Дэ (宣德) (1426—1436) и Чжень-тун'а (正統) (1436—1450) было издано нѣсколько постановленій, которыми урегулировалось исповѣдываніе буддизма: возстановленъ былъ въ прежней силѣ законъ объ экзаменахъ для лицъ, желавшихъ постригаться въ монахи; кромѣ того ограничивались размѣры монастырскихъ имѣній;—таковыя не должны были превышать 60 му (畝). Продолжались при Мин'ской династіи бывшія прежде попытки со стороны конфуціанцевъ воздвигнуть гоненіе на буддистовъ. Попытки эти привели, однако, только къ разрушенію при императорѣ Цзя-Цзин'ѣ (嘉靖) (1522—1567 г.) кумирни, находившейся во дворцовой оградѣ²⁾. Въ общемъ-же, какъ я уже сказалъ выше, всѣ Мин'скіе императоры относились къ буддизму благосклонно и выказывали не малую заботливость о центрѣ его въ сѣверномъ Китаѣ, У-та'ѣ. При Тянь-шун'ѣ (天順) (1458—1465) предприняты были на этой горѣ значительныя ремонтныя работы и повелѣно было слѣдить за исправнымъ содержаніемъ всѣхъ тамошнихъ кумиренъ. При Вань-ли (萬曆) неоднократно посылались чиновники и довѣренныя лица императора для наблюденія за исправнымъ содержаніемъ монастырей; эти-же посланцы, бывшіе преимущественно изъ придворныхъ евнуховъ, нерѣдко устраивали даровыя кормленія для неимущихъ и угощенія для монаховъ³⁾. Выказывая особенную заботливость объ У-тай'скихъ святыняхъ, императоры Мин'ской династіи продолжали въ этомъ случаѣ политику своихъ предшественниковъ Юань'цевъ. Монголы, какъ извѣстно, и по изгнаніи своемъ изъ Китая, сохранили религію, которой такъ покровительствовали повелители ихъ въ Срединной имперіи. Новой династіи былъ прямой расчетъ поддерживать среди дикихъ сыновъ степей, съ которыми ей приходилось имѣть столь частыя столкновенія, эту религію мира, запрещающую войны и кровопролитія. Въ этомъ

1) Шань-си-тунь-чжи, 171 цз., 7 л.

2) Chinese Buddhism, стр. 151.

3) Шань-си-тунь-чжи, 171 цз., 8 л.

отношеніи вліяніе У-тай-шан'я, какъ священнаго мѣста поклоненія, должно было играть первостепенную роль, что было прекрасно понято преемниками Мин'цевъ Маньчжурами, которые должны были продолжать по отношенію къ монголамъ ту-же политику.

Уже первый императоръ новой династіи Шунь-чжи (順治) (1644—1661) позаботился о поселеніи на У-та'ѣ возможно бѣльшаго числа монгольскихъ ламъ, которые съ этого времени начинаютъ занимать преобладающее положеніе среди монаховъ другихъ національностей. Такъ, мы находимъ упоминаніе, что въ 12 году правленія Шунь-чжи (1655 г.) на У-тай былъ командированъ придворный чиновникъ Тань-тай (譚太), который повезъ туда для поселенія въ монастыряхъ 40 гэлунговъ¹⁾ монголовъ. Черезъ два года послѣ того, въ 1657 году, были командированы еще два чиновника, сопровождавшіе на У-тай 50 человѣкъ гэлунговъ съ эмчи-ламою²⁾ во главѣ. Въ томъ-же году издано было постановленіе, которымъ завѣдываніе всѣми У-тай'скими монастырями поручалось ламамъ.

Преемникъ Шунь-чжи, императоръ Канъ-си (康熙) (1662—1721) долженъ безспорно считаться однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по части благоустройства У-тай'скихъ монастырей. Въ началѣ своего царствованія онъ ограничивался лишь періодическимъ командированіемъ на священную гору своихъ родственниковъ и высшихъ сановниковъ для доставленія въ кумирни приношеній въ благодарность за молитвы, возносившіяся монахами о долгоденствіи престарѣлой бабки императора. Въ 1683 году Канъ-си лично дважды съѣздилъ на У-тай, раннею весною и осенью, и во время этихъ поѣздокъ выказалъ величайшую заботливость о благоустройствѣ какъ всей священной горы, такъ и отдѣльныхъ кумиренъ. Для увеличенія и безъ того уже замѣчательнаго «фынъ-шуй»³⁾ (風水) этой мѣстности, императоръ запретилъ вырубку лѣсовъ и сдѣлалъ распоряженіе о засаженіи обезлѣ-

1) Гэлунъ — духовный санъ.

2) Эмчи-лама — монахъ-врачъ.

3) «Фынъ-шуй» собственно значитъ «вѣтеръ и вода» и обозначаетъ положеніе данной мѣстности относительно водъ и вѣтровъ.

сенныхъ горъ деревьями¹⁾). Даже императорскій указъ оказался, однако, безсильнымъ остановить безчеловѣчную вырубку лѣса на всемъ У-та'ѣ; въ настоящее время склоны здѣшнихъ горъ совершенно голы, и только вокругъ монастырей виднѣются кое-гдѣ небольшія рощицы, на которыхъ можетъ отдохнуть глазъ. Императоръ совершилъ восхожденіе на всѣ пять пиковъ и перебылъ въ главныхъ кумирняхъ, щедро одаривъ ихъ приношеніями, состоявшими изъ шелковыхъ матерій и хлѣба. Во время вторичной своей поѣздки на У-тай осенью того-же года, Канъ-си сдѣлалъ щедрыя пожертвованія на всѣ монастыри, причемъ на каждый изъ нихъ далъ не менѣе 200 ланъ, многимъ-же отпускалъ по 1000 ланъ и болѣе. На эти пожертвованія на У-та'ѣ произведены были значительныя ремонтныя работы, многія изъ кумиренъ были отдѣланы заново, другія-же перекрыты новыми черепицами²⁾). Императоръ Канъ-си продолжалъ заселеніе У-тайскихъ монастырей монахами монгольскаго происхожденія. Иногда, кромѣ общихъ соображеній, его понуждала къ этому еще крайняя небрежность китайскихъ хэшан'овъ, настолько запускавшихъ свои монастыри, что нѣкоторые изъ нихъ превращались въ развалины³⁾). За время своего царствованія Канъ-си еще третій разъ побывалъ на У-та'ѣ въ 1699 году, причемъ выказалъ ту-же заботливость, что и въ предъидущія свои посѣщенія. За все время правленія этого императора на У-тай не переставали ѣздить изъ Пекина посланцы съ щедрыми приношеніями и денежною помощію⁴⁾). Изъ послѣдующихъ императоровъ нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи особое покровительство У-та'ю оказывалъ Цянь-Лунъ (乾隆) (1736—1796 г.), нѣсколько разъ лично посѣщавшій эту священную гору. При немъ, между прочимъ, живущій въ настоящее время въ Пекинѣ Чжанцзя-хутухта избралъ У-тай своею лѣтнею резиденціею, и для него

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 9 л.

2) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 10 л.

3) Religion in China, стр. 223.

4) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 10 л.

тамъ построено было нѣсколько кумиренъ; въ наиболѣе значительной изъ нихъ похоронены, какъ увидимъ ниже, три перерожденца этого чтимаго въ Китаѣ хутухты. Къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія въ источникахъ, бывшихъ у меня подъ руками, не идутъ далѣе времени императора Канъ-си, почему я не имѣлъ возможности прослѣдить сколько-нибудь подробно дѣятельность Цянь-Лун'а по отношенію къ У-та'ю. Сдѣлалъ онъ, во всякомъ случаѣ, столько-же, если не больше Канъ-си, и продолжалъ по отношенію къ этому священному мѣсту поклоненія политику своихъ предшественниковъ, усиленно заселяя тамошніе монастыри ламами, выходцами изъ Монголіи.

Послѣ Цянь-Лун'а владыкамъ Китая было уже не до У-та'я съ его святынями, и нѣмыми свидѣтелями бывшихъ путешествій ихъ на эту священную гору являются разрушенные походные дворцы, уже болѣе ста лѣтъ стоящіе безъ всякаго употребленія. Прошли для У-та'я времена царскихъ посѣщеній и щедрыхъ приношеній, не посылаются уже болѣе туда изъ столицы почетныя посольства съ богатыми дарами и милостями императорскими, но вѣковыя усилія правительства поднять престижъ этой священной горы и сдѣлать изъ нея любимое мѣсто поклоненія для монголовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Глава III.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ У-ТАЙ'СКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И ОПИСАНІЕ
НАИБОЛѢЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ИЗЪ НИХЪ.

Всѣ У-тай'скіе монастыри раздѣляются на двѣ главныя категоріи — монастыри ламскіе и хэшан'скіе. Большая часть первыхъ пользуется матеріальною поддержкою отъ правительства, нѣкоторые-же сполна содержатся на средства казны. Въ такомъ прямомъ вѣдѣніи правительства состоятъ четыре монастыря:

Пу-са-динъ (菩薩頂), Ло-хоу-сы (羅喉寺), Чанъ-тай-юань (常泰院) и Тай-ли-сы (臺麗寺). Остальные же или находятся въ зависимости отъ этихъ большихъ общежитій или же содержатся на частныя средства. Всѣ ламы на У-та'ѣ, не взирая на то, къ какому монастырю они принадлежатъ, подчиняются въ административномъ отношеніи Цзасакъ-ламѣ, проживающему въ главномъ монастырѣ, Пу-са-динъ. Такимъ образомъ, между всѣми ламскими общежитіями существуетъ извѣстная солидарность, которая совершенно отсутствуетъ въ монастыряхъ хэшан'скихъ, управляемыхъ отдѣльными настоятелями, ничего общаго между собою не имѣющими. Постоянные доходы этихъ послѣднихъ монастырей состоятъ лишь изъ арендной платы, получаемой ими съ крестьянъ, обрабатывающихъ ихъ земельныя надѣлы, которые рѣдко бываютъ достаточны для содержанія брати. Не пользуясь лично популярностью среди богомольцевъ, главный контингентъ которыхъ состоитъ изъ монголовъ, хэшан'ы стараются обыкновенно залучить къ себѣ на житье нѣсколько человекъ ламъ, преимущественно монголовъ, и, благодаря этимъ послѣднимъ, богомольцы иногда заходятъ въ такіе монастыри, и даютъ имъ возможность сводить концы съ концами. При всемъ томъ, положеніе хэшан'скихъ кумиренъ въ сравненіи съ ламскими очень жалкое, и только тѣ изъ нихъ пользуются извѣстнымъ благосостояніемъ, которыя обладаютъ какими либо особенно прославленными и чтимыми святынями. Нерѣдко случается, что хэшан'ы бездоходныхъ монастырей, распродавъ свои земли для того, чтобы добыть средства для поддержанія разваливающихся храмовъ, покидаютъ наконецъ свои обители на произволъ судьбы. На мѣстѣ, гдѣ только недавно стояли высокія палаты и воскурялся өиміамъ бронзовымъ божествамъ, поселяются крестьяне, бывшіе арендаторы монастыря, и, пользуясь готовымъ матеріаломъ, отесанными камнями и не въ конецъ сгнившимъ деревомъ, строятъ на мѣстѣ величественныхъ развалинъ свои скромныя избышки, и теперь только названія вновь возникшихъ деревушекъ напоминаютъ, что на мѣстѣ ихъ стояли древнія, знаменитыя кумирни.

Всѣ У-тай'скіе монастыри построены съ соизволенія императоровъ, и въ каждомъ изъ нихъ имѣются пожалованныя тѣмъ или другимъ изъ повелителей Китая надписи, красующіяся надъ входными воротами и надъ отдѣльными храмами — «бянь-э» (扁額) или же высѣченныя на каменныхъ плитахъ, поставленныхъ на черепашихъ спинахъ — «бэй-цзи» (碑記). Поэтому всѣ кумирни, построенныя на этой священной горѣ, пользуются правами, присвоенными монастырямъ императорскимъ, внѣшнимъ отличіемъ которыхъ служатъ стѣны, окрашенныя въ розовый или ярко красный цвѣтъ. Какъ и всѣ общественныя и казенныя зданія въ Китаѣ, буддійскіе монастыри обращены, за рѣдкими исключеніями, лицомъ на югъ, и съ этой стороны устроены главныя входныя ворота, возвышающіяся обыкновенно надъ общимъ уровнемъ стѣны на нѣсколько аршинъ и даже иногда саженой. Ворота эти служатъ по большей части лишь простымъ украшеніемъ и никогда почти не открываются, для входа-же и въѣзда служатъ небольшія калитки, устраиваемыя въ той-же южной стѣнѣ, по бокамъ главныхъ воротъ. Пройдя въ одну изъ этихъ калитокъ, мы попадаемъ на первый большой монастырскій дворъ, въ восточной и западной части котораго стоитъ по двухъэтажному зданію «лоу» (樓); въ восточномъ «лоу» помѣщается колоколъ, а въ западномъ — барабанъ; бьютъ въ нихъ для призыва вѣрующихъ къ молитвѣ, но дѣлаютъ это не всегда, а лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Этотъ въѣздной дворъ отдѣленъ отъ прочихъ частей монастыря сплошной стѣной, въ срединѣ которой продѣланы еще большія ворота, подъ длинными сводами которыхъ помѣщаются изображенія нѣкоторыхъ божествъ, такъ что ворота эти являются въ то же время и храмомъ. Называется это зданіе Да-сы-тянь-ванъ-дянь (大四天王殿), каковое наименованіе оно получило оттого, что въ немъ ставятся изображенія четырехъ великихъ небесныхъ князей (кит. сы-да-тянь-ванъ, монг. дурбэнъ махаранца). Князья эти стоятъ на стражѣ вселенной по четыремъ угламъ горы Сумэру. Имена ихъ слѣдующія:

1) Би-ша-мынь (毗沙門), въ просторѣчїи Ли-чанъ (黎昌), по санскритски — Вайсрамана, по монгольски Бисманъ-тэнгри — изображается съ лютней въ рукахъ.

2) Ти-до-ло-то (提多羅吒), въ просторѣчїи Ли-цзинъ (黎敬), по санскритски Дритараштра, по монгольски Орчиланъ-тэтхукчи — изображается съ зонтикомъ въ рукахъ.

3) Би-лю-лэ-ча (毗榴勒叉), въ просторѣчїи Ли-и (黎義), по санскритски Вирудака, по монгольски Улумчи-турулту, изображается съ мечомъ.

4) Би-лю-бо-ча (毗榴博叉), въ просторѣчїи Ли-шэнъ (黎升), по санскритски Вирупакча, по монгольски Сайнь-бусундуту, изображается съ пагодою или змѣею въ рукахъ.

Между этими четырьмя статуями, какъ разъ по срединѣ храма, ставится изображеніе Ми-лэ-фо (彌勒佛) (монгол. Майдари), спиною къ которому и лицомъ къ сѣверной аркѣ воротъ ставится очень часто статуя охранителя буддизма Вэй-то (韋陀) (санскр. Веда), изображаемаго обыкновенно въ видѣ полководца, вооруженнаго съ головы до ногъ; его считаютъ подчиненнымъ четыремъ великимъ небеснымъ князьямъ. За этими воротами начинается рядъ монастырскихъ дворовъ отдѣленныхъ другъ отъ друга храмами, которые, также какъ и Сы-да-тянь-ванъ-дянь, обращены лицомъ на югъ. Подъ прямымъ угломъ къ этимъ храмамъ, по бокамъ дворовъ, тянутся постройки, служащія кельями для монаховъ, комнатами для приѣма гостей, кладовыми и т. п. Въ ламскихъ монастыряхъ иногда въ такихъ боковыхъ постройкахъ помѣщаются и небольшіе храмы, но они носятъ обыкновенно частный характеръ и служатъ молельнями для настоятеля и другихъ почетныхъ членовъ монастырскаго обществія. Только въ самыхъ большихъ ламскихъ монастыряхъ въ такихъ боковыхъ флигеляхъ устраиваются настоящіе храмы «дянь'и», которые впрочемъ весьма значительно уступаютъ въ размѣрахъ храмамъ, расположеннымъ на дворахъ. Число такихъ дворовъ бываетъ весьма различно, завися отъ размѣровъ cadaго даннаго монастыря. Иногда дворы отдѣляются другъ отъ друга небольшими

стѣнками, которыя строятся мѣжду корпусами храмовъ и боковыми пристройками; въ этихъ стѣнкахъ продѣлываются въ такомъ случаѣ калитки. Бѣльшею-же частью сообщеніе между дворами совершенно свободно.

Весьма подробное описаніе буддійскихъ монастырей мы находимъ въ книгѣ проф. А. М. Позднѣева: «Очерки быта буддійскихъ монастырей» и пр. Я счелъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о первой монастырской «дьян'и» (палатѣ), а также и о расположеніи дворовъ и храмовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи буддійскіе монастыри, какъ ламскіе, такъ и хэшан'скіе въ Китаѣ отличаются нѣсколько отъ монгольскихъ. Что же касается до устройства самыхъ палатъ, «дьян'ей», то видѣнные мною на У-та'ѣ храмы мало въ чемъ разнятся отъ типа, описаннаго почтеннымъ профессоромъ, а потому я и отсылаю къ упомянутому ученому труду всѣхъ интересующихся подробностями по этому предмету; здѣсь же скажу лишь о нѣкоторыхъ, подмѣченныхъ мною въ китайскихъ кумирняхъ, особенностяхъ.

Во внѣшности китайскихъ храмовъ отличительною чертою является лишь то, что надъ папертью обыкновенно не устраивается навѣса, о которомъ упоминаетъ проф. Позднѣевъ (см. стр. 34). Паперти эти бывають обыкновенно очень обширны, достигая подчасъ нѣсколькихъ саженой ширины, и остаются по бѣльшей части совершенно пусты; только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчалъ я на нихъ молитвенныя колеса (хурдэ) ¹⁾.

Во внутреннемъ устройствѣ какъ лам'скихъ, такъ и хэшан'скихъ кумиренъ въ Китаѣ также замѣчаются нѣкоторыя отличія отъ типа, описаннаго проф. Позднѣевымъ. Наиболѣе характерною отличительною чертою китайскихъ храмовъ являются небольшія двери, продѣлываемыя въ сѣверной стѣнѣ; передъ ними, отступя аршина на два, строятся деревянные перегородки шириною въ нѣсколько аршинъ или даже саженой. Съ южной стороны къ такимъ перегородкамъ приставляются статуи глав-

1) Очерки быта буддійскихъ монастырей, стр. 35.

ныхъ божествъ храма; послѣднія, такимъ образомъ, всегда выступаютъ нѣсколько передъ другими идолами той же «дьян'и», которые располагаются по правую и лѣвую руку ихъ у самой сѣверной стѣны. Съ сѣверной-же стороны этой перегородки, лицомъ къ дверямъ, ставятъ обыкновенно изображеніе охранителя буддизма Вэй-то (санскр. Веда), или же Гуань-инь-пу-са (санскр. Авалокитесвара, монг. Хоншимъ-бодисатва).

Въ ламскихъ кумирняхъ сѣдалища для монаховъ устраиваются лишь въ одномъ изъ храмовъ и совершенно отсутствуютъ въ другихъ. Въ хэшан'скихъ монастыряхъ предъ сѣдалищами, являющимися въ данномъ случаѣ обыкновенными скамейками на высокихъ ножкахъ, а не низенькими табуретами, какъ у ламъ, ставятся столы, устройствомъ своимъ весьма похожіе на наши прилавки. Столы эти располагаются не перпендикулярно къ идоламъ, а, большею частью, параллельно имъ и очень часто устанавливаются подъ прямымъ угломъ другъ къ другу, окружая такимъ образомъ главное божество съ трехъ сторонъ. На столахъ складываются богослужебныя книги и музыкальные инструменты; сами же монахи служатъ обыкновенно стоя и садятся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Сѣдалище для святителя въ хэшан'скихъ монастыряхъ существенно отличается отъ такого же сѣдалища въ монастыряхъ ламскихъ. Кресло, это простое деревянное, оставляется обыкновенно безъ всякой обивки и ставится лицомъ ко входнымъ южнымъ дверямъ на особомъ помостѣ, именуемомъ «бао-цзо» (寶座), т. е. «драгоценное сѣдалище», возвышающемся надъ общимъ уровнемъ пола храма приблизительно на полъ-аршина. На томъ же помостѣ передъ креслами устанавливается столъ, на передней части котораго ставится иногда небольшая статуя Шигэмуни.

Вообще говоря, изображенія божествъ какъ въ ламскихъ, такъ и въ хэшан'скихъ монастыряхъ тождественны. Существуютъ, впрочемъ, между ними и такія, которыя свойственны лишь одному изъ этихъ двухъ разрядовъ кумиренъ. Такъ, исключительно въ ламскихъ монастыряхъ мы встрѣчаемъ изображенія

знаменитаго реформатора буддизма Цзонхавы, сюда-же слѣдуетъ причислить и статуи божествъ, принадлежащихъ къ разряду докшитовъ¹⁾, культъ которыхъ совершенно отсутствуетъ у китайскихъ буддистовъ. Въ хэшан'скихъ кумирняхъ мы за то находимъ изображенія разныхъ китайскихъ народныхъ героевъ съ богомъ войны Гуань-лао-ѣ во главѣ; здѣсь же мы встрѣчаемъ статуи божествъ, заимствованныхъ китайскими буддистами у даосистовъ; такими являются разные «Лунъ-ван'ы», повелители водъ, «Цай-шен'ы» (財神), боги богатствъ и т. п. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить и тѣ изображенія божествъ, которыя введены въ ламскихъ монастыряхъ въ Китаѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Въ здѣшнихъ ламскихъ кумирняхъ мы встрѣчаемъ особое изображеніе Ми-лэ-фо (彌勒佛) (монг. Майдари) въ образѣ блаженно улыбающагося пузатаго старца; сюда же слѣдуетъ причислить и статуи 18 Ло-хан'овъ (羅漢), (монг. Архатовъ), являющіяся необходимыми атрибутами каждаго У-тай'-скаго монастыря.

Среди музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при богослуженіи въ хэшан'скихъ кумирняхъ, замѣчается полное отсутствіе инструментовъ духовыхъ. Къ наиболѣе-же часто встрѣчаемымъ въ монастыряхъ этого послѣдняго разряда слѣдуетъ причислить слѣдующіе инструменты:

1) Барабанъ, «гу» (鼓) обыкновенно круглый, имѣетъ аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ и подвѣшивается къ особаго рода рамѣ; бьютъ въ него особой палкой, именуемой «гу-чуй» (槌).

2) Маленькіе колокольчики.

3) Мѣдныя тарелки — «бо» (鈸), каждая изъ коихъ имѣетъ головку по срединѣ.

4) «Цинъ» (磬), плоская металлическая тарелка, вырѣзанная въ формѣ цвѣтка, ставится она на цилиндрической ящикъ, который покоится въ свою очередь на низенькомъ столикѣ. Бьютъ въ «цинъ» палкою, конецъ которой обернуть въ холстъ или сукно.

1) Очерки быта будд. мон., стр. 51—54.

5) Большой колоколь «чжунъ» (鐘), также какъ и барабанъ, подвѣшиваемый къ деревянной рамѣ.

6) Наиболее оригинальнымъ инструментомъ является «му-юй» (木魚), т. е. «деревянная рыба», дѣйствительно похожій на рыбу, свернувшуюся кольцомъ. Бьютъ по этому инструменту маленькими палочками, причемъ хэшан'ы достигаютъ въ этомъ искусствѣ высокой степени совершенства, выдѣлывая на такой рыбѣ самую частую барабанную дробь.

Сказавъ нѣсколько словъ объ устройствѣ китайскихъ кумиренъ, не лишнимъ считаю упомянуть и объ ихъ обитателяхъ.

Въ прямую противоположность Монголіи, представители буддѣйскаго духовенства въ Китаѣ далеко не пользуются особеннымъ почетомъ и авторитетомъ, а потому и поступленія въ монахи бывають сравнительно рѣдки. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ бѣдность служитъ для родителей побудительной причиной для отдачи сына въ монастырь. Рѣже это дѣлается по обѣту, когда ребенка обѣщаютъ отдать въ монахи, если онъ поправится отъ какой-либо болѣзни. Взрослые люди по собственной инициативѣ почти никогда не поступаютъ въ монастырь; дѣтей же туда помѣщаютъ очень рано, 8—10 лѣтъ отъ роду. Ребенка поручаютъ попеченіямъ какого нибудь хэшан'а, который въ свою очередь долженъ испрашивать на принятіе такого ученика разрѣшеніе у своего начальства, т. е. у старшаго хэшан'а, причемъ этотъ послѣдній является въ такомъ случаѣ поручителемъ за то, что воспитаніе вновь принимаемаго ученика будетъ ведено правильно и сообразно съ постановленіями буддѣйской догматики. Весьма сомнительно, чтобы отданные въ монастыри мальчики, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего пребыванія тамъ, учились чему-либо серьезно; намъ доводилось подолгу жить въ китайскихъ кумирняхъ, причемъ пришлось придти къ убѣжденію, что мальчики эти употребляются, главнымъ образомъ, для мелкихъ услугъ и бѣольшую часть дня болтаются безъ всякаго дѣла. Съ 12—13-тилѣтняго возраста мальчиковъ засаживаютъ обыкновенно за ученіе, состоящее въ задалбливаніи наизусть различныхъ службъ, при-

чемъ заучиваются чисто механически масса молитвъ и пѣснопѣній, китайскій текстъ которыхъ переполненъ транскрипціями санскритскихъ словъ, которыхъ никто, конечно, не понимаетъ и понять не можетъ. Невѣжество среди хэшан'овъ (за рѣдкими лишь исключеніями) касательно предметовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ культу, царитъ полнѣйшее. Нерѣдко можно встрѣтить лицъ, не могущихъ назвать по имени главныхъ божествъ въ храмахъ своихъ собственныхъ монастырей. На положеніи послушника мальчики остаются до 17—20-лѣтняго возраста. За это время надъ ними производится церемонія постриженія, которая имѣетъ мѣсто обыкновенно черезъ 2—3 года послѣ поступленія ученика въ монастырь. Обрядъ этотъ можетъ быть приравненъ посвященію въ баньди, практикуемому у ламайскихъ буддистовъ, причемъ сходство заключается главнымъ образомъ въ томъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ посвящаемому стригутъ волосы, которые почитаются жертвою, угодною Буддѣ, а потому ими часто украшаютъ статуи божествъ или вѣшаютъ на пагоды. Церемонія эта существенно отличается отъ обряда посвященія въ баньди тѣмъ, что постригаемому не вручаютъ при этомъ никакихъ внѣшнихъ отличій его принадлежности къ духовному званію, и онъ продолжаетъ ходить въ своихъ прежнихъ свѣтскихъ одеждахъ.

Разъ въ 4—5 лѣтъ происходитъ посвященіе въ монахи всѣхъ подготовленныхъ въ это время молодыхъ послушниковъ извѣстнаго округа. Совершается это посвященіе въ одной изъ наиболее богатыхъ кумиренъ даннаго района, причемъ, если такихъ богатыхъ монастырей нѣсколько, то между ними соблюдается очередь. Настоятель кумирни за нѣсколько мѣсяцевъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе о своемъ намѣреніи устроить у себя церемонію посвященія — «чуань-цзѣ» (傳戒). Узнавъ объ этомъ, къ нему являються на поклонъ хэшан'ы сосѣднихъ монастырей и заявляютъ о числѣ учениковъ, которыхъ они желаютъ представить для посвященія. Заявленіе это носитъ особое названіе «гуа-хао» (掛號), т. е. «вѣшаніе прозвища», оттого, что по уставу хэ-

шан'ы должны подвѣшивать на указанномъ настоятелемъ мѣстѣ дощечки съ именами своихъ кандидатовъ. Въ назначенный день всѣ подготовленные къ посвященію послушники являются въ большую кумирню, гдѣ и подвергаются предварительно 53-хъ дневному искусу, во время котораго они должны доказать свое знакомство съ обрядами, соблюдаемыми при богослуженіи, а также выказать способность переносить постъ и другія физическія лишенія. За все время искуса послушники находятся подъ строгимъ надзоромъ старыхъ хэшан'овъ, главный среди которыхъ носитъ названіе Инъ-ли-ши (引禮師), т. е. «наставникъ, руководитель церемоній». Насколько мнѣ удалось узнать изъ разспросовъ, испытаніе это является не простою формальностью, а дѣйствительно серьезной пробой, которой многіе изъ кандидатовъ на посвященіе не въ состояніи даже выдержать и принуждены бѣгаютъ удаляться до окончанія срока. Тѣмъ изъ послушниковъ, которые выказали себя достаточно подготовленными къ принятію духовнаго званія, на 51-й день прикрѣпляютъ съ помощью жужубовой пасты къ головѣ надъ лбомъ три курительныя свѣчки, вершка въ два вышиною; свѣчи эти должны догорать на головахъ принимающихъ посвященіе; причемъ опаляются волосы и кожа, и знаки отъ этихъ обжоговъ остаются обыкновенно надолго.

По прошествіи 53 дней происходитъ, наконецъ, самая церемонія посвященія. Совершается она въ храмѣ, именуемомъ Фатанъ (法堂) или Цзѣ-танъ (戒壇), посреди котораго стоитъ описанное выше¹⁾ кресло для святителя. Въ него садится настоятель монастыря, Фанъ-чжанъ (方丈), а вокругъ на ступенькахъ помоста и около становятся старшіе члены монастырской братіи. Всѣ вновь посвящаемые располагаются рядами по обѣимъ сторонамъ помоста на колѣняхъ. Особо назначенные для сего хэшан'ы водятъ ихъ подъ руки по храму, заставляя совершать поклоненіе предъ изображеніями различныхъ божествъ, а также и предъ настоятелемъ. Послѣдній вручаетъ каждому узелъ съ мо-

1) См. стр. 74.

нашескими одеждами, круглую глиняную чашку, ложку и щеточку для чищенія чашки; вмѣстѣ съ тѣмъ выдается вновь посвящаемому монаху дипломъ на званіе хэшан'а. Документъ этотъ бываетъ за печатью особаго департамента министерства церемоній, Сэнъ-лу-сы (僧錄司), вѣдающаго дѣла буддійскаго духовенства, и скрѣпляется подписью настоятеля. Вновь посвященный молодой хэшанъ можетъ остаться на жительство въ монастырѣ своего наставника или же отправиться странствовать. Во время путешествія онъ долженъ строго соблюдать предписываемыя уставомъ формальности; такъ, напримѣръ, онъ обязанъ извѣстнымъ образомъ складывать свои одежды и дорожныя вещи и носить ихъ онъ долженъ не иначе, какъ по установленному образцу. За то странствующій монахъ, могущій предъявить свой дипломъ, имѣетъ право требовать, чтобы его пріютили во всякой буддійской хэшан'ской кумирнѣ и содержали безвозмездно неопредѣленное количество времени.

Различныя должности распредѣляются въ китайскихъ буддійскихъ монастыряхъ слѣдующимъ образомъ:

1) Настоятель «Фанъ-чжанъ» (方丈) избирается братіею и въ кумирняхъ, содержимыхъ на средства казны, или же владѣющихъ казенными земельными надѣлами, долженъ быть утверждаемъ въ должности департаментомъ Сэнъ-лу-сы. Являясь главою всего монастыря, «Фанъ-чжанъ» никакого активнаго участія въ дѣлахъ однако не принимаетъ и только санкціонируетъ распоряженія своихъ подчиненныхъ. Наиболѣе важная роль въ дѣлѣ завѣдыванія монастыремъ выпадаетъ на долю его непосредственнаго помощника —

2) «Данъ-цзя-дэ» (當家的), т. е. хозяина. Въ его вѣдѣніи находится монастырская казна, онъ же заготовляетъ продовольствіе для братіи, нанимаетъ прислугу и пр. Фактически завѣдуя всѣмъ хозяйствомъ монастыря, онъ находится однако въ зависимости отъ настоятеля, «Фанъ-чжан'а», и обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ обязанъ докладывать сему послѣднему.

3) Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ лицъ является также «Цзя-юань» (家援), на обязанности котораго лежитъ наблюденіе

за поведеніемъ братіи какъ во время богослуженія, такъ и въ обыденной жизни. Онъ же распредѣляетъ различныя обязанности между отдѣльными монахами. Помогаютъ ему при этомъ:

- а) «Чань-танъ» (禪堂), наблюдающій за поведеніемъ монаховъ во время богослуженія, и
- б) «Синъ-танъ» (行堂), на обязанности котораго лежитъ надзоръ за монахами во время трапезы.

Къ числу начальствующихъ лицъ монастырской іерархіи слѣдуетъ отнести еще —

4) «Вэй-но» (唯諾), регента монастырскаго хора и оркестра. Наконецъ при каждомъ храмѣ состоитъ —

5) «Чжи-дянь» (指點), обязанный слѣдить за порядкомъ и чистотою въ порученномъ надзору его помѣщеніи.

Очень важное мѣсто среди братіи занимаютъ

6) «Чжи-кэ-ши» (支客師), которыхъ обыкновенно бываетъ нѣсколько; одинъ «Чжэнь-чжи-кэ-ши» (正) и помощники его «Фу-чжи-кэ-ши» (副). Эти монахи должны принимать и всяческими средствами забавлять гостей, посѣщающихъ монастырь. На эти должности стараются поэтому выбирать наиболее расторопныхъ и разговорчивыхъ монаховъ, что называется мастеровъ на всѣ руки.

Кумирни у китайцевъ служатъ гораздо больше для прогулокъ и отдохновенія, чѣмъ для молитвъ; здѣсь выработалось, благодаря такому взгляду, даже особое выраженіе «гуань-мяо» (逛廟), что означаетъ «совершать прогулку по кумирнямъ». Предпочитается, очевидно, при такихъ прогулкахъ та кумирня, гдѣ умѣютъ получше угостить, да поостроумнѣе занять. «Чжи-кэ-ши» должны поэтому умѣть примѣняться ко вкусамъ каждаго отдѣльнаго посѣтителя, знать съ кѣмъ какую бесѣду вести, въ случаѣ надобности и въ шахматы сыграть, или же доставить и менѣе невинныя удовольствія и развлеченія.

По монастырскому уставу монахи обязаны ежедневно совершать изрядное количество службъ какъ дневныхъ, такъ и ночныхъ. Вставать они должны около часу ночи и, омывшись, идти въ

храмъ на молитву. При этомъ пищи не принимаютъ никакой, кромѣ небольшого куска хлѣба. По возвращеніи съ этой службы, около трехъ часовъ ночи, дозволяется выпить еще чашку чая. Отъ 5 до 7 утра, т. е. на восходѣ солнца, происходитъ новое моленіе, послѣ котораго монахи ѣдятъ немного жидкой каши, «чжоу» (粥). Въ 10 часовъ опять служба до полудня, когда бываетъ обѣдъ. По уставу монахи могутъ ѣсть лишь одинъ разъ въ сутки; всѣ они осуждены на строгій постъ, причемъ всякая животная пища имъ воспрещена. Послѣдняя служба происходитъ при закатѣ солнца отъ 6 до 8 часовъ вечера, послѣ чего братія отходитъ ко сну.

Видимъ изъ этого описанія, что день китайскаго монаха достаточно заполненъ разными религіозными обрядностями. Нужно при этомъ имѣть въ виду, однако, что если исполненіе всѣхъ перечисленныхъ выше службъ и требуется по буквѣ монастырскаго устава, то это не обозначаетъ еще, чтобы все это дѣйствительно строго исполнялось. Нѣкоторыя изъ требуемыхъ уставомъ моленій совершенно опускаются, другія-же служатся двумя или тремя монахами, между тѣмъ какъ остальная братія предается сладкому сну или отдыхаетъ. Что-же касается добросовѣстности при исполненіи самыхъ службъ, то таковая доведена здѣсь до минимума, и скучную обязанность эту монахи стараются сокращать до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Описывая здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ бытъ и жизнь китайскихъ хэшан'скихъ монастырей, я ничего до сихъ поръ не сказалъ о монастыряхъ ламскихъ. Желających подробно ознакомиться со строемъ общежитій этой послѣдней категоріи я опять-таки отсылаю къ не разъ цитированному здѣсь труду проф. Позднѣева; здѣсь же считаю долгомъ упомянуть лишь о кое-какихъ, подмѣченныхъ мною особенностяхъ въ У-тай'скихъ ламскихъ монастыряхъ. Какъ увидитъ читатель, особенности эти весьма немногочисленны, что объясняется, конечно, постояннымъ большимъ наплывомъ на священную гору богомольцевъ-монголовъ; да и самая монастырская братія состоитъ на добрую половину

изъ ламъ этой національности съ небольшою лишь примѣсью тибетцевъ и китайцевъ.

Не смотря на значительность нѣкоторыхъ изъ У-тайскихъ монастырей и главнаго изъ нихъ, Пу-са-динъ, въ особенности, на священной горѣ этой нѣтъ ни одного ламы, который-бы имѣлъ званіе Ханбо, приравниваемое проф. Позднѣевымъ къ намѣстникамъ нашихъ лавръ¹⁾. Старшимъ является настоятель монастыря Пу-са-динъ, Цзасакъ-лама, именуемый также Дэмчи-ламою, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ ламскія общины на У-та'ѣ, пользующіяся субсидіею отъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ, какъ мы видѣли выше, наблюденіе и за прочими самостоятельными ламскими кумирнями, и даже пользуется нѣкоторою административною властью по отношенію къ У-тайской территоріи. Мнѣ пришлось въ двухъ мѣстахъ видѣть изданныя имъ объявленія, касающіяся полицейскихъ мѣръ. Цзасакъ-лама избирается обыкновенно изъ ламъ, уроженцевъ Тибета, и утверждается въ своемъ званіи правительствомъ.

Въ составъ монастырской братіи входятъ еще такъ называемые Омбо-ламы, соотвѣтствующіе по своему званію «чжи-кэ-ши» въ хэшанскихъ кумирняхъ. Какъ и въ послѣднихъ, монахи эти выбираются изъ среды наиболѣе разговорчивыхъ и расторопныхъ, и на ихъ обязанности также лежитъ занимать посѣтителей и дѣлать имъ пребываніе въ монастырѣ пріятнымъ. Наибольшее скопленіе богомольцевъ на У-та'ѣ бываетъ зимою, съ 10-й китайской луны по третью. Лѣтомъ священная гора бываетъ сравнительно пуста, и многіе изъ ламъ отправляются въ Монголію за сборами. Вотъ тутъ-то услуги Омбо-ламъ являются незамѣнимыми: они поддерживаютъ связь со старыми знакомцами монастырскими и стараются въ то-же время расширить кругъ этихъ милостынедателей.

Во время наплыва богомольцевъ зимою, на У-тай привозится масса всякой снѣди, а потому по части продовольствія въ это

1) Очерки быта буддійскихъ монастырей и пр., стр. 154.

время бываетъ раздолье. Лѣтомъ же тамошнимъ отшельникамъ приходится поститься, и пища ихъ не отличается разнообразіемъ. Ближайшія окрестности священной горы далеко не плодородны, и особенно бѣдны онѣ овощами, являющимися, какъ извѣстно, одною изъ главныхъ составныхъ частей китайскаго стола. Съ другой стороны скотоводство, какъ мы видѣли выше, здѣсь во все не развито; вотъ почему пища монаховъ въ лѣтнее время бываетъ болѣе чѣмъ скудна и состоитъ почти исключительно изъ каши, приготовляемой изъ крупы «ю-май» (菽麥), похожей на гречиху. Кашу эту приправляютъ обыкновенно коровьимъ масломъ, получаемымъ изъ Монголіи.

На одежду болѣе состоятельныхъ У-тай'скихъ ламъ идетъ тибетское сукно, которое бываетъ двухъ сортовъ. Высшій сортъ называется «термэ», и ламское платье, сшитое изъ этого матеріала, обходится приблизительно въ 70 ланъ; второй сортъ, «намбу», извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ «пу-лу» и стоить въ половину дешевле. Наконецъ матеріаломъ для низшаго класса ламъ служитъ китайскій холстъ «бу» (布), доставляемый изъ Дай-чжоу. Окрашивается этотъ холстъ на самомъ У-та'ѣ. Между прочимъ, одна изъ здѣшнихъ красокъ цвѣта бордо извѣстна даже въ Пекинѣ своею необыкновенною прочностью и прекраснымъ отливомъ.

Всѣ наиболѣе замѣчательныя кумирни У-тай'скія сгруппированы, какъ было уже упомянуто выше, въ обширной котловинѣ, образуемой долиной рѣки Цинъ-шуй (清水), и притомъ большая часть ихъ сосредоточена въ западной части этой котловины на небольшомъ пригоркѣ, лежащемъ у подножья Чжунъ-та'я. Здѣсь находятся семь кумиренъ, изъ которыхъ двѣ — Линъ-цзю-сы и Сянь-тунъ-сы (顯通) самыя значительныя и богатыя на всемъ У-та'ѣ. Буду описывать монастыри, расположенные на этомъ пригоркѣ, въ топографическомъ порядкѣ. Южнѣе другихъ здѣсь стоитъ кумирня Да-бао-та-юань-сы (大寶塔院), т. е. «Большая кумирня двора драгоцѣнной пагоды»; названа она такъ по огромной бѣлой пагодѣ (по кит. «та» 塔, по монгольски субур-

гань), воздвигнутой на среднемъ дворѣ ея. Легенда говоритъ, что на этомъ мѣстѣ стояла во время оно одна изъ 84,000 пагодъ, разсѣянныхъ знаменитымъ царемъ Ашока по всему Чжамбудвицу¹⁾. Кумирня стоитъ на возвышенности, и чтобы попасть въ нее, мы должны были, пройдя подъ двумя портиками, подняться по широкой каменной лѣстницѣ въ 20 слишкомъ ступеней. На первомъ, довольно просторномъ дворѣ кумирни стоитъ самая южная изъ «дьян'ей» — палатъ; это небольшое зданіе, вышиною сажени въ четыре и занимающее пространство приблизительно въ 20 квадр. сажень. Надъ входными дверями красуется пожалованная императоромъ Канъ-си и писанная золотыми буквами по синему фону надпись «Цзинъ-бяо-цинъ-хань» (景標清漢); смыслъ ея тотъ, что эта кумирня служитъ предметомъ поклоненія для маньчжуровъ и китайцевъ. Въ китайскихъ храмахъ нѣтъ обыкновенно ни оконъ, ни вентиляціи, такъ что при входѣ посѣтителя поражаютъ непроглядная тьма и невыносимый затхлый запахъ. Когда глаза мои нѣсколько привыкли къ полумраку, я разсмотрѣлъ стоящую у сѣверной стѣны «дьян'и», лицомъ ко входу, большую, сажени въ 1½ ростомъ, деревянную позолоченную статую Ши-цзя-фо (釋伽佛) (монг. Шигэмуни), рядомъ съ нимъ по правую руку такую-же статую Вэнь-шу-пу-са (文殊菩薩) (монг. Маньчжушири), а по лѣвую Пу-сянь-пу-са (普賢) (санскр. Саманьдабахара). По бокамъ вдоль восточной и западной стѣнъ «дьян'и» стоятъ статуи 18 главенствующихъ архатовъ (лохань 羅漢), по девяти съ каждой стороны²⁾. Въ средней части храма, какъ разъ передъ сѣверными дверями стоитъ за деревянною перегородкою, спиною къ главному божеству, небольшая статуя Гуань-инь-пу-са (монг. Хоншимъ-бодисатва). Выйдя въ заднія, сѣверныя двери «дьян'и», попадаемъ на обширный второй дворъ кумирни. Здѣсь стоитъ огромная пагода, вышиною приблизительно сажень въ 25; формою своею она походитъ на обыкновенный

1) Табунъ уцзугурт'у агулану и пр., л. 15.

2) См. Приложение I.

субурганъ, подробно описанный у проф. Позднѣева¹⁾, и увѣнчана небольшимъ мѣднымъ навѣсомъ, поверхъ котораго красуется орнаментъ, символически изображающій солнце, луну и пламенѣющій огонь премудрости. Вокругъ фуста этой пагоды, на высотѣ около двухъ сажень надъ площадью двора, устроена галерея, и въ самую башню вдѣланы 360 вращающихся колесъ, съ вырѣзанными на нихъ тарнистическими изреченіями. Благочестивые богомольцы, обходя вокругъ галереи, считаютъ своею обязанностью повернуть каждое изъ этихъ колесъ; надъ ними въ корпусѣ башни построены ниши, въ которыхъ поставлено по нѣскольکو маленькихъ идоловъ. На южной сторонѣ пагоды въ томъ-же фустѣ устроена маленькая богато отдѣланная кумирня съ изображеніемъ Ши-цзя-фо. Къ сѣверу отъ этой большой башни на томъ-же дворѣ стоитъ вторая монастырская «дянь». Въ этомъ большомъ двухъ-этажномъ зданіи стоитъ гигантскихъ размѣровъ молитвенное колесо, имѣющее около трехъ сажень вышины и приблизительно сажень въ діаметрѣ; все оно сплошь уставлено массою маленькихъ идоловъ. Для приведенія въ дѣйствіе этой огромной молитвенной машины нужно не менѣе двухъ-трехъ человѣкъ, которые должны взбираться во второй этажъ храма, гдѣ хранятся старыя, отслужившія свой вѣкъ статуи божествъ и нѣсколько шкафовъ съ богослужебными книгами. Въ восточной части монастыря, на небольшомъ дворѣ, стоитъ еще пагода, вышиною не болѣе трехъ сажень, носящая названіе Вэнь-шу-фа-та (文殊髮塔), т. е. «пагода волосъ Вэнь-шу». Во время правленія дома Вэй'скаго То-ба (魏拓跋) (386 — 535 г.) одна бѣдная женщина, какъ говоритъ легенда, срѣзала свои волосы и положила ихъ подъ существовавшую уже тогда пагоду. Много вѣковъ спустя, при Мин'скомъ императорѣ Вань-ли (1573—1620) въ этой мѣстности была разрыта земля, причемъ найдено было много локонъ, цвѣтомъ похожихъ на золото, вслѣдствіе чего женщина, которой

---

1) Очерки быта будд. мон. и пр., стр. 59—60.

принадлежали эти волосы, признана была хубилганомъ Маньчжушири, и сами волосы эти стали почитать принадлежащими этому бодисатвѣ¹⁾. Въ настоящемъ своемъ видѣ монастырь Да-бао-та-юань-сы былъ отстроенъ при Мин'ской династїи въ два приѣма, при императорахъ Юнь-ло (永樂) (1403—1425 г.) и Вань-ли, причѣмъ оба раза работы производились на средства матерей царствовавшихъ императоровъ. Канъ-си во время своихъ посѣщеній У-та'я сдѣлалъ на эту кумирню щедрыя пожертвованія.

Нѣсколько къ востоку отъ Да-бао-та-юань-сы лежитъ маленькая кумирня Вань-фо-гэ (萬佛閣), т. е. «Высокое зданіе десяти тысячъ буддъ»; называется она такъ потому, что въ единственной «дян'и» ея находятся писанныя изображенія десяти тысячъ буддъ. Рядомъ съ Вань-фо-гэ стоитъ монастырь Ло-хоу-сы. У самага входа въ эту благоустроенную кумирню, передъ воротами южной «дян'и» стоитъ большая мѣдная курильница въ человѣческой ростъ. Подъ ней, какъ мнѣ объяснили монахи, погребены части мощей какого-то буддійскаго святаго. Первая палата этого монастыря раздѣлена на три части четырьмя колоннами, расположенными по двѣ въ рядъ, параллельно восточной и западной стѣнамъ и обшитыми узорчатыми коврами. Посреди храма стоитъ большая статуя Вэнь-шу-пу-са (Маньчжушири), изображеннаго сидящимъ бокомъ на львѣ, съ огненнымъ мечемъ, поражающимъ неразуміе, въ одной рукѣ, и съ книгою, покоящеюся на лиліи, въ другой. Во время моего посѣщенія на жертвенномъ столѣ стояло 15 большихъ жестяныхъ чашъ, наполненныхъ чистою прокипяченою водою. Отмѣчаю эту особенность потому, что, какъ извѣстно, предъ изображеніями божествъ ставится обыкновенно семь, восемь чашъ и не болѣе девяти; кромѣ того самыя жертвы состоятъ изъ разнообразныхъ предметовъ. Въ данномъ случаѣ жертвами являются самыя чаши, и число ихъ бываетъ разное, отъ 5 до 15; оставляются онѣ на жертвенномъ столѣ

1) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз., 21 л.

5 или 7 дней и затѣмъ поступаютъ въ собственность монастыря. Вдоль восточной и западной стѣнъ храма стоятъ изображенія 18 архатовъ и тамъ же въ маленькихъ кіотахъ статуи 1000 буддъ, по 500 съ каждой стороны. У сѣверной стороны, по правую руку отъ главнаго божества стоитъ небольшая статуя Цзонхавы. Во второй «дьян'и» этого монастыря стоитъ опять статуя Маньчжушири. Въ этомъ храмѣ устроены сѣдалища для ламъ, а также и покрытое желтою шелковою матеріей кресло, стоящее лицомъ къ южнымъ дверямъ и предназначенное для гэгэна, когда онъ присутствуетъ на богослуженіи. Наконецъ, въ послѣдней крайней сѣверной «дьян'и» стоитъ изображеніе четырехликаго А-ми-то-фо (阿彌陀佛) (монг. Амитаба), сидящаго на лотусѣ. Фигура эта вращается при помощи рычага, придѣланнаго къ подвижному основанію статуи подъ поломъ; въ связи съ этимъ рычагомъ находится особый механизмъ изъ зубчатыхъ колесъ, заставляющій лепестки лотуса открываться и закрываться. Въ этомъ храмѣ хранятся два экземпляра Ганьчжура на тибетскомъ языкѣ, одинъ изъ нихъ напечатанъ красными, а другой черными чернилами.

Изъ Ло-хоу-сы направились къ богатому монастырю Да-сянь-тунъ-сы (大顯通), лежащему нѣсколько къ сѣверу; оглябая только что посѣщенную нами кумирню, прошли по маленькимъ переулкамъ, сплошь занятымъ китайцами-торговцами, продающими все, что можетъ быть потребно многочисленнымъ, скопляющимся здѣсь богомольцамъ, преимущественно монголамъ, изъ которыхъ многіе являются на У-тай съ собственными юртами и живутъ здѣсь своимъ хозяйствомъ. Всѣ продающіеся здѣсь предметы привозные; изъ мѣстныхъ произведеній можно назвать только деревянные чашки, употребляемыя ламами при богослуженіи, и деревянные-же четки. Торговцы забрались даже въ мѣста, занятые собственно монастырскими строеніями, за портикъ, на которомъ золотыми буквами на синемъ фонѣ красуется надпись «Да-сянь-тунъ-сы». Весь этотъ рынокъ, если можно такъ выразиться, носитъ названіе Я-

линъ-цзѣ (牙靈街); здѣсь толпилась масса самаго разнороднаго люда, больше всего, конечно, ламъ и хэшан'овъ. Немало было впрочемъ и богомольцевъ, особенно монголокъ въ своеобразныхъ нарядахъ и затѣйливыхъ головныхъ уборахъ. Миновавъ это торжище, вошли въ ограду монастыря, пройдя подъ высокими воротами, въ верхней части которыхъ виситъ большой колоколъ. Ворота эти служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ «лоу», которые, какъ мы видѣли выше, обязательно воздвигаются при входѣ въ каждый монастырь. Кумирня Да-сянь-тунъ-сы древнѣйшая на У-та'ѣ; въ старину она носила названіе Да-фу-линъ-цзю-сы и была основана, какъ я уже имѣлъ случай говорить, при Хань'скомъ императорѣ Минъ-ди. Она очень много разъ подвергалась перестройкамъ и поправкамъ. Наконецъ, при Мин'скомъ императорѣ Чэнъ-цзу (成祖) (1403—1425) было повелѣно воздвигнуть одинъ общій большой монастырь на мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумирни Линъ-цзю-сы, Хуа-янь-сы (華嚴寺) и Бао-цзи-сы (寶積寺), причемъ вновь воздвигнутому монастырю было дано названіе Да-сянь-тунъ-сы. Кумирня эта была отремонтирована также при настоящей династіи по повелѣнію императора Канъ-си, пожертвовавшаго съ этою цѣлью значительныя суммы. Да-сянь-тунъ-сы размѣрами уступаетъ лишь огромному монастырю Пу-са-динъ и считается наиболѣе значительною изъ хэшан'скихъ кумиренъ, принадлежа къ числу тѣхъ немногихъ монастырей этого разряда, которые содержатся прилично. Въ виду его древности, каждый богомольецъ, посѣщающій У-тай, считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ совершить здѣсь поклоненіе и принести свою посильную лепту на содержаніе его. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, даже и здѣсь хэшан'ы не обошлись безъ помощи ламъ, которые поселились въ самой интересной и наиболѣе почитаемой части монастыря. На всемъ здѣсь лежитъ печать солидности и полного довольства; храмы всѣ отремонтированы заново, дворы прекрасно вымощены, и вообще незамѣтно той запущенности, которая является необходимымъ атрибутомъ почти всѣхъ китайскихъ кумиренъ и казенныхъ зданій. У ограды монастырской

стоитъ нѣсколько высокихъ зданій съ узенькими окошечками въ верхней части стѣнъ; это — кладовыя, въ которыхъ хранятся монастырскіе запасы. Въ первой южной «дьян'и» стоитъ большое изображеніе Маньчжушири, а вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены статуи 48 буддъ, по 24 съ каждой стороны. Спиною къ главному божеству за деревянной перегородкой, въ сѣверной части храма стоитъ вооруженный съ ногъ до головы охранитель буддизма Вэй-то. Вторая «дьянь» монастыря посвящена Ши-цзя-фо, большая статуя котораго стоитъ по срединѣ, у сѣверной стѣны храма; по лѣвую руку отъ него А-ми-то-фо, а по правую Йо-ши-фо (藥師佛) (монг. Таганъ ябукчи бурханъ), цѣлитель недуговъ; вдоль восточной и западной стѣнъ — 18 архатовъ; спиною къ главному божеству, за перегородкою, стоитъ Гуань-инь-пу-са.

Въ третьемъ храмѣ стоитъ высокое изображеніе Ми-лэ-фо (монг. Майдари); здѣсь же устроены двѣ вращающіяся бібліотеки, сажени въ $1\frac{1}{2}$ вышиною и около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Наконецъ въ четвертой «дьян'и», самой маленькой изъ всѣхъ, стоитъ изображеніе тысячерукаго Гуань-инь-пу-са. Отсюда по лѣстницѣ въ 32 ступени поднялись на возвышенную террасу, гдѣ находятся наиболѣе почитаемыя святыни монастыря; у входа на эту террасу, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ сажени другъ отъ друга стоятъ 5 мѣдныхъ субургановъ, приблизительно въ сажень вышиною. Средній субурганъ чрезвычайно оригинальной формы, онъ состоитъ изъ трехъ 24^x гранниковъ, поставленныхъ одинъ на другой и увѣнчанныхъ мѣднымъ навѣсомъ, совершенно подобнымъ тому, который устроенъ на большой пагодѣ въ Да-бао-та-юань-сы. Въ сѣверной части террасы, на небольшомъ возвышеніи стоитъ маленькая «дьянь», вся сдѣланная изъ мѣди. Завѣдуютъ этимъ небольшимъ храмикомъ ламы, которые въ числѣ 4—5 человекъ живутъ на этой террасѣ въ особо устроенномъ для нихъ помѣщеніи. Одинъ изъ нихъ, на обязанности котораго лежало показывать посѣтителямъ достопримѣчательности кумирни, оказался грубымъ фанатикомъ; онъ

заявилъ мнѣ, что не допуститъ до своей святыни заморскаго чорта, который поклоненій не совершаетъ, а только все ходитъ да записываетъ что-то. Никакіе доводы не дѣйствовали на ревностнаго ламу; онъ требовалъ, чтобы я совершилъ троекратное поклоненіе на ступенькахъ передъ «дьянь'ю», и только при этомъ условіи соглашался открыть ее. Пришлось отказаться отъ мысли осмотрѣть внутренность замѣчательной кумирни. Впрочемъ, все наиболее интересное видно было снаружи: это небольшое зданіе, вышиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ сажень, занимаетъ площадь въ 4 квадратныхъ сажени и выстроено сплошь изъ мѣди, покрытой позолотой, которая отъ времени частью сошла; нѣкоторыя мѣста, особенно двери и угловые столбы, украшены тонкой рѣзбой, рассмотреть которую подробно мнѣ не удалось, такъ какъ фанатикъ-лама не хотѣлъ даже близко подпустить меня къ кумирнѣ.

Рядомъ съ Да-сянь-тунъ-сы, нѣсколько къ востоку отъ нея, находится небольшой монастырь Да-юань-чжао-сы (大圓照). Преданіе гласитъ, что онъ построенъ былъ на мѣстѣ, гдѣ стояла прежде древняя кумирня Пу-нинъ-сы (普寧). При Мин'ской династіи, во время правленія Юнь-ло прибылъ въ Китай индійскій монахъ по имени Ши-ли-ша-чжэ (室利沙者) и былъ отправленъ на жительство въ Сянь-тунъ-сы (顯通). Въ началѣ правленія Сюань-дэ (宣德) (1426—1436) онъ умеръ, и останки его было повелѣно раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одну приказано было доставить въ столицу и воздвигнуть на мѣстѣ погребенія кумирню Чжэнь-цзіо (正覺); другая же похоронена у развалинъ Пу-нинъ-сы, и надъ мощами сооруженъ монастырь, которому дано названіе Юань-чжао-сы; при нынѣшней династіи, во время правленія императора Канъ-си онъ былъ подновленъ¹⁾. За какія заслуги вышеупомянутому индійскому монаху были оказаны такія почести, неизвѣстно. Въ этомъ монастырѣ имѣется лишь двѣ небольшія «дьян'и». Въ первой изъ нихъ стоитъ изображеніе Вэнь-шу, сзади него у самой перегородки и, такъ

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 11 л.

сказать, въ затылокъ главному божеству — Би-чжи-фо (辟支佛) (санск. Пратіэка-будда), по бокамъ А-ми-то-фо и Йо-ши-фо. Во второй «дьян'и» стоитъ большая статуя Ши-цзя-фо съ двумя его учениками А-нань-то (阿難陀) (санскр. Ананда) и Цзѣ-ѣ-мо-тэнь (揭業摩騰) (санскр. Кашіапа-Матанга); одинъ изъ перерожденцевъ послѣдняго былъ первымъ апостоломъ буддизма въ Китаѣ при императорѣ Минь-ди и перевелъ на китайскій языкъ сутру Фо-шо-сы-ши-эррѣ-чжань-цзинь (佛說四十二章經), т. е. «Сутру о 42 отдѣлахъ»¹⁾. Восточная и западная стѣны этой «дьян'и» украшены рельефными изображеніями горъ, моря и облаковъ съ разставленными повсюду маленькими статуэтками изъ глины; декорація эта должна напоминать вѣрующимъ буддистамъ о священномъ мѣстѣ поклоненія Тянь-тай (天臺), находящемся въ южномъ Китаѣ, въ провинціи Чжэ-цзянь (浙江).

Осмотрѣвъ кумирни, расположенныя въ южной части пригорка, мы направились къ главному У-тай'скому монастырю Пу-са-динъ, занимающему самую сѣверную и наиболѣе возвышенную часть этого уступа Чжунъ-та'я. Собственно названіе Пу-са-динъ, подъ которымъ извѣстенъ этотъ монастырь, есть наименованіе вершины холма, на которомъ онъ стоитъ. Настоящихъ официальныхъ названій у этого монастыря два: Да-вэнь-шу-сы (大文殊), что означаетъ «Большая кумирня Вэнь-шу», и Чжэнь-жунъ-юань (眞容院), т. е. «Дворъ вѣрнаго изображенія». По преданію, кумирня эта была сооружена при Тан'ской династіи хэшан'омъ Фа-юн'омъ (法永). Мастеръ, который долженъ былъ изготовить кумиры для монастыря, усердно постился въ теченіи семи дней, и ему во снѣ явился самъ Вэнь-шу, благодаря чему онъ получилъ возможность сдѣлать вѣрное изображеніе бодисатвы, отъ чего и дано было монастырю названіе «Чжэнь-жунъ-юань». Одному изъ императоровъ Тан'ской династіи во снѣ явился Вэнь-шу-пу-са, послѣ чего велѣно было заново отремонтировать эту

1) Hand-book of Chinese Buddhism, стр. 73.

кумирню: крыши на «дьян'яхъ» были сдѣланы изъ мѣди, самая же статуя Вэнь-шу была отлита вышиною въ $2\frac{1}{2}$ сажени и позолочена. При Сун'ской династїи, во 2-й годъ правленія Тай-пинъ-синъ-го (太平興國) (977 годъ) сюда было прислано вновь напечатанное золотыми буквами собраніе буддійскихъ священныхъ книгъ; разрѣшено было также ежегодно увеличивать комплектъ монаховъ на 50 человекъ, причемъ содержаніе имъ производилось на счетъ казны. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось добыть, на основанїи имѣвшихся у меня подъ руками источниковъ, болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, что за собраніе сочиненій было доставлено въ монастырь, а также до какого числа разрѣшено было увеличивать комплектъ монаховъ. Кумирня Чжэнь-жунъ-юань издревле слыла за одну изъ наиболѣе священныхъ на всемъ У-та'ѣ; приходившимъ сюда на поклоненіе богомольцамъ часто являлись различныя видѣнія, свидѣтельствовавшія о святости этого мѣста. При Сун'ской династїи одинъ изъ такихъ пилигримовъ, по имени Чжанъ-шанъ-инъ (張商英) прибылъ въ Чжэнь-жунъ-юань. Ночью онъ увидѣлъ, что къ югу отъ горы Цзинь-цзѣ (金界) показался свѣтъ, похожій на солнце, когда оно въ красномъ блескѣ встаетъ съ моря; свѣтъ этотъ достигъ кумирни и вдругъ исчезъ, превратившись въ большую темную птицу. Въ другой разъ тому же богомольцу явился во снѣ самъ Вэнь-шу. Въ первый годъ правленія Цзянь-чжунъ-цзинъ-го (建中靖國) (1101 г.) нѣсколько чиновниковъ, ѣхавшихъ по дѣламъ службы, остановились въ Чжэнь-жунъ-юан'и и тоже увидѣли блескъ, похожій на золотыя и серебряныя блюда. Наконецъ, при Юань'ской династїи, во второй годъ правленія Янь-ю (延祐), родственникъ императорскаго дома совершилъ поѣздку на У-тай и, остановившись въ томъ-же Чжэнь-жунъ-юан'и, увидѣлъ большое сіяніе, въ которомъ можно было различить очертанія семи-этажныхъ пагодъ. При Мин'ской династїи, въ началѣ правленія Юнь-ло, кумирня эта была перестроена и переименована въ Да-вэнь-шу-сы. Мин'скіе императоры вообще выказывали большую заботливость о благосостояніи этого монастыря. Къ 17-й годъ правленія Чэнь-хуа

(成化) (1482 г.) сооружена была, взаменъ обветшавшей старой, новая позолоченная статуя Вэнь-шу въ $2\frac{1}{2}$ сажени высоты. На У-тай былъ командированъ евнухъ Ли-чжэнь (李珍), съ приказаніемъ вырѣзать на камнѣ указъ, которымъ повелѣвалось воздвигнуть эту новую статую. Въ томъ-же году императрица-мать издала указъ, которымъ нарочито приказывалось заботиться о сохраненіи въ исправномъ видѣ Да-вэнь-шу-сы, а главному настоятелю этого монастыря было опредѣлено содержаніе отъ правительства. Видимъ изъ этого, что уже въ то время настоятель Да-вэнь-шу-сы былъ отличаемъ отъ прочихъ, и, вѣроятно, съ тѣхъ поръ начинается возвышеніе этого лица въ административномъ отношеніи. При императорахъ Хунь-чжи (弘治) и Вань-ли были неоднократно отправляемы приближенные ко двору лица для производства ремонтныхъ работъ и наблюденія за исполненіемъ всѣхъ указовъ, издававшихся касательно исправнаго содержанія У-тайскихъ кумиренъ. При первомъ императорѣ Маньчжурской династіи имѣло мѣсто, какъ я уже имѣлъ случай упоминать выше, поселеніе на У-та'ѣ монгольскихъ ламъ, — при Шунь-чжи (1644—1662) въ Да-вэнь-шу-сы было послано 90 ламъ. Въ это-же время официально устанавливается административное главенство настоятеля этого монастыря надъ всѣми прочими; поселеннымъ здѣсь ламамъ, а въ особенности старшему изъ нихъ, повелѣно было завѣдывать всѣми дѣлами на У-та'ѣ. Императоръ Канъ-си, которому, какъ извѣстно, особенно обязаны кумирни этой священной горы своимъ благолѣпіемъ и устройствомъ, въ первые годы своего правленія отправлялъ на У-тай неоднократно торжественныя посольства. Въ 12-й годъ своего правленія онъ командировалъ семь приближенныхъ придворныхъ сановниковъ, которые устраивали на У-та'ѣ вообще, и въ Да-вэнь-шу-сы въ особенности, торжественныя молебствія и доставляли туда пожалованныя императоромъ благовонныя куренія и шелковыя матеріи съ вышитыми на нихъ золотыми и серебряными драконами. Въ 1678 г. Канъ-си отправилъ въ Да-вэнь-шу-сы составленную имъ хвалебную надпись. Въ 1683 г. императоръ лично два раза по-

сѣтилъ У-тай, причемъ сдѣлалъ не мало денежныхъ пожертвованій на исправленіе всѣхъ вообще тамошнихъ кумиренъ. Особенную же заботливость выказалъ онъ о Да-вэнь-шу-сы. Сюда онъ сдѣлалъ весьма значительные, бѣльшіе чѣмъ въ другіе монастыри, вклады (нѣсколько тысячъ ланъ), на которые и были произведены капитальныя ремонтныя работы; при этомъ всѣ храмы были перекрыты желтыми черепицами. Послѣ путешествія императора, на У-тай продолжали посылаться торжественныя посольства, причемъ на нихъ возлагалась обязанность возносить молитвы о продленіи жизни престарѣлой бабки богдохана. Особенною роскошью и богатствомъ отличались приношенія, доставленныя этими посольствами въ Да-вэнь-шу-сы. На 37 году своего правленія Канъ-си совершилъ еще разъ путешествіе на священную гору (третье по счету), причемъ остановился въ излюбленномъ своемъ монастырѣ, которому и сдѣлалъ богатые пожертвованія. До самаго конца своего царствованія Канъ-си продолжалъ оказывать особенное вниманіе Да-вэнь-шу-сы, снабжалъ новыми изданіями книгъ бібліотеку этой кумирни и пожаловалъ ей еще двѣ хвалебныхъ надписи: 1) «Чжу-линь-хуа-юй» (珠林花雨), т. е. «жемчужный лѣсъ и цвѣточный дождь» и 2) «Линъ-фынь-шэнь-цзинъ» (靈峰聖境), т. е. «священные предѣлы чудесной горы». Преемники Канъ-си и особенно послѣдній изъ богдохановъ нынѣшней династіи, интересовавшійся У-та'емъ, Цянь-Лунъ, продолжали относиться съ величайшей заботливостью къ этому монастырю. Да-вэнь-шу-сы и донынѣ сохранилъ слѣды вниманія своихъ царственныхъ покровителей; среди прочихъ кумиренъ священной горы монастырь этотъ отличается солидностью и грандіозностью своихъ сооруженій.

Стоитъ онъ, какъ я уже сказалъ, на самой вершинѣ пригорка, возвышаясь такимъ образомъ надъ прочими сосѣдними кумирнями. Подъѣмъ къ нему начинается непосредственно за сѣверной стѣной Да-сянь-тунъ-сы; по склону холма сооружена въ этомъ мѣстѣ громадная монументальная лѣстница въ 108 ступеней. На верхней площадкѣ ея стоитъ портикъ, на фронтонѣ

котораго красуется надпись «Чжень-жунъ-юань». По обѣимъ сторонамъ отъ входа стоитъ по маленькой «дьян'и»; въ лѣвой «дьян'и» находится небольшое изображеніе Вэнь-шу, по преданію, явленное, а потому и весьма чтимое; весь храмикъ этотъ завѣшенъ шелковыми платками, съ вышитыми на нихъ хвалебными надписями и изображеніями божествъ; по бокамъ на полкахъ разложены книги тибетскаго Даньчжура. Направо отъ входа находится точно такая небольшая кумирня, въ ней стоитъ изображеніе Гунъ-бу-фо (貢布佛)¹⁾. Подъ прямымъ угломъ къ этимъ двумъ небольшимъ храмамъ, на томъ-же обширномъ и прекрасно вымощенномъ дворѣ стоитъ первая большая «дьянь». Украшена она двумя рядами колоннъ, обшитыхъ коврами и расписанныхъ довольно тонкою рѣзьбою, изображающею главнымъ образомъ драконовъ. Въ каждомъ изъ отдѣленій или придѣловъ, образуемыхъ этими колоннами, стоитъ по большой статуѣ, сажени въ двѣ вышины: по срединѣ деревянная вызолоченная статуя Шицзя-фо (Шигэмуни), слѣва отъ него такое же изображеніе А-мито-фо (Амитаба) и справа Яо-ши-фо (Таганъ-ябукчи-бурханъ). Пространство между ними занято маленькими статуями различныхъ божествъ, и вся «дьянь» буквально сплошь завѣшана кусками шелковыхъ матерій, въ изобиліи приносимыхъ сюда вѣрующими буддистами. Въ этомъ храмѣ устроены сѣдалища для ламъ, поставленныя въ шесть рядовъ; по срединѣ между ними, спиною къ главному божеству, стоитъ покрытое желтою шелковою матеріею кресло, предназначенное для гэгэна. Мнѣ удалось присутствовать въ этой «дьян'и» при совершеніи богослуженія, и я былъ пріятно пораженъ стройностью пѣнія и игры. Изъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ обычныхъ и часто встрѣчаемыхъ трубъ, раковинъ, флейтъ, барабановъ, колокольчиковъ и т. п., отмѣчу здѣсь, въ видѣ особенности, мѣдныя рамы съ подвѣшенными на нихъ маленькими круглыми мѣдными дощечками, по которымъ

---

1) Мнѣ не удалось отыскать ни санскритскаго, ни монгольскаго перевода имени этого божества.

ударяютъ особыми палочками. Инструментъ этотъ, издающій очень пріятный и мелодичный звонъ, носитъ названіе «дуударма» или «іисунъ толи», т. е. «девять зеркалъ», по числу подвѣшиваемыхъ къ рамамъ мѣдныхъ дощечекъ, похожихъ на зеркала. Во второмъ дворѣ монастыря во всю его длину возведены по бокамъ двухъ-этажныя строенія для ламъ. Здѣсь-же стоитъ и главный, наиболее интересный и почитаемый монастырскій храмъ, въ которомъ находится знаменитое вѣрное изображеніе Вэнь-шупу-са. Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось осмотрѣть эту «дьянь»: не смотря на всѣ мои старанія, меня въ нее не пустили. Вообще я не могу сказать, чтобы въ этомъ монастырѣ я встрѣтилъ радушный пріемъ; — неудачею-же окончилась и попытка моя повидаться съ Цзасакъ-ламою, который меня не принялъ. Въ Да-вэнь-шупу-сы имѣется лишь двѣ главныхъ «дьян'и». На третьемъ дворѣ, заслуживающемъ скорѣе названія улицы, никакихъ храмовъ нѣтъ. По обѣимъ сторонамъ его понастроены жилые дома, занятые многочисленнымъ ламскимъ населеніемъ монастыря. Дворъ этотъ тянется сажень на сто и оканчивается воротами, чрезъ которыя мы и вышли за ограду этой знаменитѣйшей на У-та'ѣ обители.

Сейчасъ-же за монастырской стѣной стоитъ не большая кумирня, въ которой проживаютъ ламы, посвятившіе себя изученію Цанита. Здѣсь имѣется только одна просторная «дьянь» съ восемью колоннами; мнѣ бросилась въ глаза замѣчательная простота убранства и отсутствіе всякихъ украшеній. Въ этой палатѣ стоитъ большая статуя Майдари, а по бокамъ Шигэмуни и Цзонхава. На полкахъ вдоль боковыхъ стѣнъ хранится по экземпляру Ганьчжура и Даньчжура. Какъ извѣстно, въ монашескія общины, занимающіяся изученіемъ Цанита, поступаютъ лишь избранные ламы, заявившіе о своемъ желаніи посвятить себя исключительно научной дѣятельности; въ виду этого число ламъ въ этихъ монастыряхъ обыкновенно незначительно, такъ и здѣсь, на всѣ У-тай'скія ламскія кумирни существуетъ только одинъ цанитскій монастырь, и въ немъ насчитывается не болѣе

26 ламъ. Настоятель этого монастыря оказался очень любезнымъ человѣкомъ; узнавъ о моемъ приходѣ, онъ зазвалъ меня къ себѣ и принялъ очень радушно. Это старикъ тибетецъ, уже болѣе 20 лѣтъ живущій на У-та'ѣ.

За данитскою кумирней въ сѣверо-восточномъ направленіи тянется длинный рядъ домовъ, предназначенныхъ для помѣщенія Пу-са-дин'скихъ ламъ, а также и многочисленныхъ, приѣзжающихъ сюда богомольцевъ.

Пригорокъ, на которомъ стоитъ значительнѣйшій изъ У-тай'скихъ монастырей, отдѣленъ отъ массива Чжунъ-та'я глубокимъ оврагомъ, по которому протекаетъ быстрый ручеекъ. На противоположной сторонѣ этого оврага устроено обширное кладбище для ламъ окрестныхъ монастырей. Здѣсь же хоронятся и нѣкоторые изъ наиболѣе тароватыхъ богомольцевъ; для вѣрующаго буддиста погребеніе на У-та'ѣ считается величайшимъ счастьемъ, и бывають случаи, что сюда привозятъ покойниковъ изъ далекихъ странъ. Это соединено, однако, съ большими формальностями, и для каждаго отдѣльнаго случая требуется особое разрѣшеніе богдыхана. Впрочемъ все это требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда перевозится въ гробу тѣло цѣльное, какъ есть, причемъ такое преданіе землѣ и почитается по закону единственно возможнымъ и приличнымъ погребеніемъ. Но перевозка на У-тай гробовъ практикуется рѣдко уже по одному тому, что такіе похороны обходятся не дешево. Гораздо чаще имѣеть здѣсь мѣсто погребеніе сожженныхъ труповъ, доставка коихъ стоить, конечно, несравненно дешевле. Всѣ У-тай'скія горы усѣяны кладбищами, замѣтными издали, такъ какъ памятниками на нихъ служатъ высокіе субурганы, изъ которыхъ многіе имѣють самыя причудливыя, оригинальныя формы. Такъ какъ хоронятся здѣсь, какъ я уже сказалъ, не гробы, а лишь уцѣлѣвшія отъ сожженія кости покойниковъ, то могилы занимають очень незначительное пространство, и надгробные памятники воздвигаются очень близко другъ къ другу. Эта скученность памятниковъ и является характерною чертою здѣшнихъ кладбищъ.

Перебравшись по каменному мостику черезъ ручей, мы стали подниматься по склону горы и вскорѣ достигли маленькой кумирни То-чэнъ-сы (拓城), стоящей на одномъ изъ уступовъ Чжунъ-та'я. Здѣсь имѣется только одинъ небольшой храмъ съ изображеніемъ Ши-цзя-фо по срединѣ и А-ми-то-фо и Яо-ши-фо по бокамъ. Отсюда прошли въ почти рядомъ стоящую кумирню Шоу-нинъ-сы (壽寧). Легенда говоритъ, что во времена Сѣверной Ци'ской династіи (Бэй-ци 北齊, 550—577 г.) третій сынъ императора отправился на «прохладную и чистую гору» и совершилъ тамъ поклоненіе Вэнь-шу, послѣ чего онъ сложилъ костеръ и совершилъ самосожженіе. Одинъ изъ спутниковъ князя похоронилъ прахъ его къ западу отъ горы Линъ-цзю-фынъ, а императоръ повелѣлъ воздвигнуть надъ могилою сына кумирню, которой дано было названіе Вань-цзя-сы (萬嘉). Впрочемъ самъ составитель Шань-си-тунъ-чжи, откуда почерпнута мною настоящая легенда, относится къ ней критически. По сдѣланнымъ имъ разслѣдованіямъ оказывается, что третій сынъ Ци'скаго Сюань-ди, по имени Шао-и (紹義), умеръ въ Сы-чуан'и, и въ исторіи вовсе не встрѣчается никакихъ упоминаній объ его самосожженіи; основаніемъ же для легенды послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что помянутый ванъ (王), т. е. князь Шао-и совершалъ не разъ походы и во время одного изъ нихъ прошелъ чрезъ У-тай, гдѣ оставилъ по себѣ добрую славу, вслѣдствіе чего жители и составили о немъ приведенную выше легенду. При Тан'ской династіи въ кумирнѣ Вань-цзя-сы проживалъ отшельникъ Би-цзю (必救 бикшу), отличавшійся необыкновенною ученостью, чрезъ что сдѣлался извѣстнымъ императору, который повелѣлъ заново исправить этотъ монастырь и даровалъ ему земельной надѣль въ 10.000 му (около 750 десятинъ) съ тѣмъ, чтобы при кумирнѣ было устроено пристанище для странствующихъ монаховъ. При Сун'ской династіи, въ началѣ правленія Цзинъ-дэ (景德) (1004—1008) названіе Вань-цзя-сы было перемѣнено въ Шоу-нинъ-сы, подъ которымъ кумирня эта извѣстна и донынѣ. При Юань'ской династіи она занимала на

У-та'ѣ первенствующее положеніе, и здѣсь останавливались даже прѣзжавшіе на священную гору императоры ¹⁾. Въ настоящее время это довольно маленькій и плохо содержимый монастырь. Здѣсь имѣется три «дьян'и», причемъ самая почитаемая изъ нихъ и въ то же время самая маленькая стоитъ ближе ко входу. Въ храмикѣ этомъ, имѣющемъ форму небольшого круглаго павильона, стоитъ изображеніе старика Маньчжушири (Вэнь-шу) съ длинными бороною и бровями, отчего и самый монастырь носитъ названіе Лао-вэнь-шу-сы (老文殊) (монг. Эбугэн'у Маньчжушири'йнъ сумэ), т. е. «храмъ престарѣлаго Маньчжушири» ²⁾. Стѣны этой «дьян'и» увѣшаны писанными изображеніями 10.000 буддъ. Во второмъ храмѣ стоитъ небольшая статуя Ши-цзя-фо съ А-ми-то-фо и Йо-ши-фо по бокамъ; вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены изображенія 18 архатовъ. Въ третьей «дьян'и» находится изображеніе Вэнь-шу, по бокамъ котораго стоятъ Ди-цзанъ-пу-са (地藏) (монгольск. Гацзар'унъ чжирукэнь бодисатва) и Пу-сянь-пу-са (普賢) (санскр. Саманьдабадара). У восточной и западной стѣнъ стоятъ въ деревянныхъ кіотикахъ, раздѣленныхъ на маленькія клѣточки, 1000 буддъ, по 500 съ каждой стороны. Изъ Шоу-нинъ-сы открывается прелестный видъ на всю У-тай'скую котловину; какъ разъ у подножья Чжунъ-та'я стоитъ группа только что описанныхъ нами наиболѣе значительныхъ монастырей, среди которыхъ выдѣляется огромная пагода Да-бао-та и монументальныя зданія монастыря Пу-са-динъ, крытыя желтыми и голубыми черепицами; нѣсколько къ юго-востоку лежитъ торговое мѣстечко Тай-хуй-цзѣ, а на противоположномъ, западномъ склонѣ горъ видно нѣсколько кумиренъ, густо обсаженныхъ деревьями.

Къ первой же группѣ монастырей, расположенныхъ у восточнаго склона Чжунъ-та'я, слѣдуетъ отнести еще двѣ кумирни —

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 15 л.

2) Какъ мы видѣли выше (см. стр. 55), преданіе говоритъ, что Маньчжушири являлся весьма часто въ образѣ старика богомольца, посѣщавшимъ У-тай.

Чанъ-тай-юань (常泰) и Шу-сянь-сы (殊像). Первая изъ нихъ лежитъ у сѣверной оконечности улицы, идущей отъ ограды монастыря Пу-са-динъ. Это небольшая, но прекрасно обставленная кумирня, и исключительною особенностью ея является то, что все здѣсь тибетское; тибетскія надписи на воротахъ и храмахъ, ламы тоже почти всѣ тибетцы или монголы. Въ первой большой «дьян'и», украшенной шестью колоннами, стоятъ по срединѣ статуя Ши-цзя-фо, а по бокамъ изображенія А-ми-то-фо и Гуань-инь-пу-са. Вторая «дьянь» во время моего посѣщенія ремонтировалась, а потому видѣть ее мнѣ не удалось. Дворы этой кумирни обширны и прекрасно вымощены. Все содержится въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ.

Мнѣ уже пришлось упоминать, что по прїѣздѣ на У-тай я остановился въ кумирнѣ Шу-сянь-сы; ее слѣдуетъ причислить къ тѣмъ немногимъ хэшан'скимъ кумирнямъ, которыя пользуются сравнительнымъ благосостояніемъ, чѣмъ она обязана достопримѣчательности своей святыни. Для поддержанія престижа среди богомольцевъ, почти исключительно монголовъ, и здѣсь хэшан'ы были вынуждены, однако, пригласить къ себѣ на жительство нѣсколько монгольскихъ ламъ, пользующихся среди своихъ соотечественниковъ несравненно бѣльшимъ довѣріемъ и почетомъ. Какъ по красотѣ отдѣлки, такъ и по чистотѣ и порядку хэшан'скія кумирни, вообще говоря, не могутъ быть сравниваемы съ ламскими. Шу-сянь-сы составляетъ, однако, въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе и, при бѣгломъ обзорѣ, монастырь этотъ производитъ благопріятное впечатлѣніе, благодаря прочности и даже нѣкоторой монументальности своихъ построекъ. Стоитъ Шу-сянь-сы у самага подножья Чжунъ-та'я, на высокомъ пригоркѣ, и обнесенъ высокой стѣной; всѣ монастырскія зданія содержатся въ исправности и не успѣли еще придти въ жалкое состояніе разрушенія, въ которомъ находится большая часть хэшан'скихъ кумиренъ на У-та'ѣ. Въ первой большой «дьян'и» находится колоссальная статуя Вэнь-шу, которая и представляетъ собою главную достопримѣчательность кумирни, по которой она

получила свое названіе Шу-сянь-сы (殊像), что означаетъ «кумирня изображенія Маньчжушири». Бодисатва изображенъ сидящимъ на особаго рода львѣ — «со-ни»; статуя ростомъ сажень въ 5, такъ что голова ея еле видна, теряясь во мракѣ не освѣщенной части храма; вся фигура окружена огромнымъ сіяніемъ. На переднемъ планѣ передъ статуею Вэнь-шу стоитъ небольшое изображеніе Ши-цзя-фо; у сѣверной стѣны слѣва стоитъ А-мито-фо, а справа Яо-ши-фо. Всѣ стѣны храма, кромѣ южной, заняты лѣпными изъ глины украшеніями, совершенно похожими на тѣ, которыя мы видѣли въ кумирнѣ Юань-чжао-сы, и должны ствующими изображать священное мѣсто поклоненія Тянь-тай въ провинціи Чжэ-цзянь. Въ Шу-сянь-сы есть еще двѣ «дьян'и», но онѣ сильно запущены и отведены подъ склады для провизіи. Хэшан'овъ въ монастырѣ не много, всего около 20 человѣкъ, не считая нѣсколькихъ послушниковъ, и всѣ они изъ мѣстныхъ жителей, уроженцы уѣзда У-тай-сянь. Я счелъ долгомъ сдѣлать визитъ настоятелю; это еще не старый человѣкъ, но къ сожалѣнію курить опиумъ, отъ чего преждевременно опустился, еле говорить и ничего не видитъ. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что большая статуя Маньчжушири, составляющая главную святыню монастыря, считается явленною.

Перехожу теперь къ описанію другой группы кумиренъ, расположенныхъ въ долинѣ ручья, стекающаго съ Дунъ-та'я, а также въ оврагѣ, составляющемъ развѣтвленіе этой долины и идущемъ въ восточномъ направленіи. Спустившись у кумирни Чанъ-тай-юань въ долину рѣки Цинъ-шуй, мы перешли на восточную половину центральной У-тай'ской котловины у того мѣста, гдѣ она суживается и раздѣляется на двѣ части; мы направились вверхъ по теченію ручья, стекающаго съ Дунъ-та'я или вѣрнѣе съ перевала Хуа-янь-линъ, служащаго соединеніемъ между Дунъ-та'емъ и Бэй-та'емъ. Первый монастырь, который попался намъ здѣсь, это — Ци-фо-сы (七佛), т. е. «кумирня семи буддъ». Это монашеское общежитіе находится въ административной зависимости отъ монастыря Пу-са-динъ, откуда при-

сылаются сюда нѣсколько ламъ для совершенія богослуженія. Единственная «дянь» этой кумирни повернута лицомъ на западъ, а не на югъ, какъ того требуютъ постановленія буддѣйской каноники. Здѣсь стоятъ изображенія семи буддъ, шести предшественниковъ Шигэмуни и сего послѣдняго. Шигэмуни стоитъ по срединѣ, а остальные по старшинству съ юга на сѣверъ. Вотъ ихъ имена:

- 1) Пи-по-ши (毗婆尸) (монг. Тэйнъ-уцзэкчи);
- 2) Ши-ци (尸棄) (монг. Успирту);
- 3) Пи-шэ-фоу (毗舍浮) (монг. Хамуг'и абуракчи);
- 4) Цзюй-лю-сунь (拘留孫) (монг. Орчиланг'и эбдэкчи);
- 5) Цзюй-на-шэ-моу-ни (拘那舍牟尼) (монг. Алтанъ чи-дакчи), и
- 6) Цзя-ѣ (迦葉) (монг. Гэрэль сахикчи).

Стѣны и отчасти даже потолокъ храма заняты лѣпными украшеніями въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли въ кумирнѣ Шусянь-сы. Тутъ также изображены горы, рѣки и доли съ спасающимися въ пустыняхъ бодисатвами и архатами. По бокамъ жертвеннаго стола передъ статуями семи буддъ стоятъ два хото-мандала ¹⁾. До сихъ поръ, какъ въ калмыцкихъ степяхъ, такъ и въ Пекинѣ, мнѣ приходилось видѣть такіе хото-мандалы рисованные, здѣсь же они были мѣдные, представляя собою такимъ образомъ какъ-бы миниатюрную модель жилища божества. Съ одной стороны жертвенника стоитъ хото-мандалъ Яо-ши-фо, а съ другой — Гуань-инь-пу-са.

Нѣсколько выше по долиинѣ, почти рядомъ съ Ци-фо-сы стоитъ кумирня Цзѣ-фу-сы (接福), болѣе извѣстная подъ названіемъ Хунь-цзюнь-сы (弘郡). Монастырь этотъ считается однимъ изъ богатѣйшихъ на У-та'ѣ, и не даромъ пользуется такой славой: все здѣсь свидѣтельствуешь о полномъ довольствѣ и обь особенной хозяйственности и заботливости монаховъ, среди кото-

1) Такъ называются символическія изображенія жилищъ буддѣйскихъ божествъ.

рыхъ немало монголовъ, преимущественно изъ восточныхъ и южныхъ аймаковъ. Здѣсь всего одна, но за то большая и просторная «дьянь»; у сѣверной стѣны ея по срединѣ высится большая статуя чудовищнаго Очирвани¹⁾, украшеннаго вѣнцомъ изъ 5 череповъ, за нимъ стоитъ большое изображеніе Маньчжушири, а впереди небольшая статуя Шигэмуни; вдоль боковыхъ стѣнъ 18 архатовъ, по девяти съ каждой стороны. У сѣверной стѣны по обѣимъ сторонамъ жертвеннаго стола стоятъ два небольшихъ, прекрасно исполненныхъ изъ мѣди субургана. Къ сѣверу отъ этой дьяньи находится большое, недавно только отстроенное зданіе, гдѣ, какъ мнѣ сказали, живетъ настоятель кумирни. Монастырь этотъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: все здѣсь поражаетъ красотой, чистотой отдѣлки и даже роскошью.

Выйдя изъ этой кумирни, вскорѣ свернули въ небольшую лощинку, являющуюся развѣтвленіемъ долины ручья, стекающаго съ Хуа-янь-лин'а. Отсюда открывается великолѣпный видъ на Дунъ-тай. У входа въ лощинку стоитъ большая полуразрушенная кумирня Би-шань-сы, основанная при Мин'ской династіи. Въ этой мѣстности поселился нѣкій хэшанъ, по имени Гу-юэ (古月). Во время правленія Тянь-шунъ (天順, 1458—1465) князь Дай-ванъ (伐王) сдѣлалъ этого монаха своимъ духовнымъ наставникомъ и соорудилъ въ той мѣстности, гдѣ онъ проживалъ, кумирню. Императоръ Канъ-си на 37 году своего царствованія (1698 г.) повелѣлъ исправить ее на казенный счетъ. Первоначально кумирнѣ этой дано была названіе Бэй-шань-сы (北山), впоследствии же, въ виду того, что она окружена со всѣхъ сторонъ зелеными горами, она стала называться «зелено-горною кумирнею» Би-шань-сы (碧山), каковое названіе сохранилось и до настоящаго времени²⁾. Какъ я уже сказалъ, теперь монастырь этотъ обратился въ груды жалкихъ развалинъ, и живетъ въ немъ не болѣе 5—6 одинокихъ хэшан'овъ.

1) Китайск. Шоу-чжи-цзинь-ганъ или Ми-цзи-цзинь-ганъ-пу-са (手執金剛; 密跡金剛).

2) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 14 л.

Первою въ лощинѣ, въ которую мы завернули, стоитъ кумирня Тай-пинъ-синъ-го-сы (太平興國), известная здѣсь подъ названіемъ У-ланъ-мяо (武郎廟) или У-ланъ-сы. При Сун'ской династіи здѣсь спасался нѣкій хэшанъ, по имени Жуй-цзянь (瑞建). Въ 5-й годъ правленія Тай-пинъ-синъ-го (980 г.) сюда былъ командированъ чиновникъ, которому повелѣно было воздвигнуть кумирню на средства области Хэ-дунъ-лу (河東路); въ 982 году кумирня была окончена постройкою. Названіе У-ланъ-мяо дано было въ просторѣчьи этому монастырю по маленькой кумирнѣ, находящейся въ его оградѣ и помѣщающейся въ одномъ изъ боковыхъ флигелей; здѣсь имѣется маленькая статуя нѣкоего Янь-у-лан'а (燕武郎), сына одного изъ Сун'скихъ императоровъ, который по преданію принялъ здѣсь монашество, отъ чего этотъ отдѣлъ большаго монастыря и получилъ названіе У-ланъ-мяо ¹⁾).

Въ единственной «дьян'и» монастыря Тай-пинъ-синъ-го-сы стоитъ одинокая статуя Ши-цзя-фо, а вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены 18 архатовъ. Кумирня эта страшно запущена и находится въ полуразрушенномъ состояніи; за храмами нѣтъ никакого присмотра, на стѣнахъ и кумирахъ не видно ни одного украшенія, все пусто и непривѣтливо. Я нигдѣ, впрочемъ, не нашель упоминаній о томъ, чтобы императоры нынѣшней династіи дѣлали сюда какія нибудь пожертвованія, и есть основаніе предполагать, что монастырь этотъ обойденъ ими. Здѣсь проживаютъ 6—7 ламъ, которые показались мнѣ такими же оборванными и несчастными, какъ и самая кумирня ихъ.

Немного сѣвернѣе лежитъ другой монастырь, по имени Бо-жо-сы (船若). Преданіе гласитъ, что при Тан'ской династіи, нѣкій хэшанъ по имени У-чжу-вэнь-си (無著文喜) отправился на У-тай. Подойдя къ мѣсту, около котораго стоитъ теперь кумирня Бо-жо-сы, странникъ увидѣлъ приближавшагося къ нему старца, ведшаго корову; старецъ этотъ пригласилъ мо-

1) Шань-си-тунъ-чжи, цз. 171, л. 16.

наха зайти къ нему въ домъ; когда же путникъ попросился переночевать, то обругалъ его и приказалъ своему сыну выпроводить его вонъ. Этотъ послѣдній, молодой мальчикъ, вывелъ странника изъ дому и указалъ рукою на близъ лежащее мѣсто, гдѣ стояла кумирня, говоря: «вотъ это — Бо-жо-сы». Лишь только слова эти были произнесены, какъ мальчикъ и указанная имъ кумирня исчезли, и монахъ увидѣлъ передъ собою Вэнь-шу, разѣзжавшаго назадъ и впередъ верхомъ на львѣ. На этомъ мѣстѣ была впоследствии воздвигнута кумирня, которой дано было, въ память этого чудеснаго событія, названіе Бо-жо-сы. При Мин'ской династіи, во время правленія Чэнь-хуа (1465—1488) одинъ изъ родственниковъ императорскаго дома отремонтировалъ заново этотъ монастырь и поселилъ здѣсь нѣсколькихъ хэшан'овъ. Императоръ Канъ-си пожаловалъ сюда доску съ хвалебною надписью Янь-танъ (雁堂), т. е. «гусиная палата», что должно аллегорически обозначать «высокій дворецъ»¹⁾. Въ настоящее время кумирня эта находится въ столь же печальномъ видѣ, какъ и У-ланъ-мяо. Боковыя ворота кумирни разрушены, а потому мы прошли черезъ главный, обыкновенно запертый входъ. Здѣсь, какъ во всѣхъ буддійскихъ монастыряхъ, стоятъ четыре большія статуи, изображающія небесныхъ князей. Единственная имѣющаяся въ Бо-жо-сы «дянь» крошечныхъ размѣровъ и лишена всякихъ украшеній; здѣсь стоитъ одна лишь статуя Ши-цзя-фо.

Еще сѣвернѣе, въ самомъ концѣ лоцины стоитъ кумирня Пу-ло-юанъ (普樂院). Сооружена она была по повелѣнію императора Цянь-лун'а въ 51-й годъ его правленія (1786 г.) нарочно для Чжанцзя-хутухты. Престарѣлый монархъ впоследствии лично посѣтилъ въ этомъ монастырѣ своего любимаго святителя²⁾. Пу-ло-юанъ стоитъ на небольшомъ возвышеніи въ живописной мѣстности посреди сосновой роши. Поднялись по довольно высокой и

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 16 л.

2) Біографія Чжанцзя-хутухты, т. II, л. 150.

со вкусомъ построенной лѣстницѣ и, пройдя подѣ двумя арками, вышли на просторный, хорошо вымощенный дворъ. Въ прекрасно обставленной «дьян'и» стоитъ большое изображеніе Ши-цзя-фо съ А-ми-то-фо и Яо-ши-фо по бокамъ; здѣсь же хранится довольно значительная библіотека. Показывавшій мнѣ храмъ лама сказалъ мнѣ, что у нихъ имѣется, между прочимъ, монгольскій экземпляръ Ганьчжура; когда же я сталъ просить показать мнѣ хоть одинъ изъ томовъ, то чичероне мой даже удивился моей невѣроятной дерзости и тотчасъ же сталъ просить меня объ выходѣ. Просьбы мои, сопровождавшіяся болѣе убѣдительными аргументами въ формѣ нѣсколькихъ кусочковъ серебра, ни къ чему не привели. Деньги были должнымъ образомъ засунуты за пазуху, а меня все-таки выпроводили вонъ.

Окончивъ осмотръ второй группы кумиренъ, лежащихъ въ долинѣ ручья, стекающаго съ Дунъ-та'я, мы направились домой. На этотъ разъ мы обогнули монастырь Пу-са-динъ съ восточной стороны, перерѣзавъ всю центральную У-тай'скую котловину по діагонали въ юго-западномъ направленіи. Прошли по торговому мѣстечку Инъ-фанъ-цзѣ (引方街), лежащему нѣсколько къ востоку отъ группы монастырей, ютящихся у подножья Чжунъ-та'я; торговая улица эта совершенно похожа на Тай-хуй-цзѣ (臺會), но меньше ея по размѣрамъ. Восточная часть У-тай'ской котловины и западные склоны Дунъ-та'я также довольно богаты кумирнями. Перехожу теперь къ описанію этой третьей группы монастырей.

Выйдя изъ Шу-сянъ-сы, мы переправились на лѣвый берегъ рѣчки Цинъ-шуй и стали, направляясь на западъ, подниматься по склону Дунъ-та'я. На высотѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень здѣсь стоитъ кумирня Шанъ-цай-дунъ (山財洞), т. е. «пещера горныхъ богатствъ», болѣе извѣстная подъ именемъ «Мани-Патаръ». Построена она на узкой террасѣ, и нѣкоторыя изъ построекъ выведены какъ бы въ небольшихъ углубленіяхъ, отчего монастырю, вѣроятно, и дано названіе «дунъ», т. е. пещера. Благодаря недостатку мѣста, здѣсь замѣчаются нѣкоторыя наруше-

нія въ порядкѣ расположенія храмовъ. Входъ въ монастырь съ запада, отчего и «дьян'и» расположены по порядку съ востока на западъ, но обращены онѣ лицомъ на югъ, такъ, что построены онѣ не параллельно другъ другу, а въ рядъ. Зданія здѣсь возведены въ очень скромныхъ размѣрахъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ ютятся подъ нависшимъ выступомъ горы. Осмотръ я началъ съ восточной «дьян'и», самой дальней отъ входа; здѣсь стоятъ три статуи Цзонхавы, а вдоль боковыхъ стѣнъ 16 бодисатвъ, извѣстныхъ у китайцевъ подъ именемъ Мяо-гуань (妙觀). Вотъ ихъ китайскія имена (монгольскихъ я, къ сожалѣнію, не могъ узнать): 1) Жи-гуань (日), 2) Шуй-гуань (水), 3) Ди-гуань (地), 4) Шу-гуань (樹), 5) Чи-гуань (池), 6) Цзунъ-гуань (總), 7) Хуа-цзо (華座), 8) Сянъ-гуань (像觀), 9) Фо-шэнь (佛身), 10) Гуань-инь (觀音), 11) Ши-чжи (勢至), 12) Пу-гуань (普觀), 13) Цза-гуань (雜觀), 14) Шанъ-пинь-сань (上品三), 15) Чжунъ-пинь-сань (中品三), 16) Ся-пинь-сань (下品三). Особенностью здѣсь является то, что всѣ статуи божествъ, не исключая даже и самыхъ большихъ, покрыты стеклянными колпаками, чего я ранѣе не замѣчалъ ни въ одной кумирнѣ. Описанная «дьянь» считается, вѣроятно, наиболѣе почитаемою во всемъ монастырѣ, такъ какъ она сплошь завѣшана расшитыми изображеніями божествъ. Въ слѣдующемъ на западъ храмъ стоятъ изображенія пяти великихъ бодисатвъ У-да-пу-са (五大), среди которыхъ выдѣляется страшный Ямандала съ 32 руками и бычачьей головой¹⁾. Изъ біографіи Чжанъ-цзя-хутухты мы узнаемъ, что онъ жилъ въ этомъ монастырѣ, въ ожиданіи окончанія постройки Пу-ло-юань. Мани-Патаръ и до сего времени пользуется, должно быть, довольно большою популярностью среди У-тайскихъ богомольцевъ. Судить объ этомъ можно какъ по теперешнему цвѣтущему виду монастыря, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что у подножья горы устроенъ большой дворъ, принадлежащій этой кумирнѣ и предназначенный специально для

1) Именъ ихъ мнѣ не удалось узнать.

загона скота приѣзжихъ богомольцевъ; на этомъ дворѣ имѣется маленькая кумирня съ небольшою статуей лошадинаго бога Маван'а (馬王).

Изъ Мани-Патара послѣ утомительнаго получасоваго подъема по крутому склону горы добрались мы до Да-лу-дин'а (大路頂). Такъ называется одинъ изъ уступовъ Дунъ-та'я съ широкой террасой, на которой воздвигнуть монастырь того же имени. Сооруженъ онъ во время царствованія императора Цянь-Лун'а, по случаю выздоровленія императрицы-матери отъ тяжелой болѣзни. Построенный сравнительно недавно, онъ сохранился до настоящаго времени въ довольно исправномъ видѣ. Войдя въ ворота, мы едва не были закусаны цѣлою сворой сторожевыхъ собакъ. Во всѣхъ У-тай'скихъ монастыряхъ держатъ огромныхъ монгольскихъ псовъ, которые до того злы, что днемъ ихъ обыкновенно запираютъ въ клѣткахъ, а выпускаютъ только ночью. Первая «дянь» этой кумирни имѣетъ видъ павильона круглой формы; здѣсь стоитъ одна статуя Ши-цзя-фо. Главная и самая замѣчательная «дянь» — вторая. Здѣсь имѣются статуи всѣхъ пяти Вэнь-шу, каждый изъ которыхъ считается покровителемъ одного изъ пяти У-тай'скихъ пиковъ. По срединѣ въ одной группѣ стоятъ три статуи, изображающія бодисатвъ средняго, сѣвернаго и южнаго пиковъ: Маньчжушири (Вэнь-шу) средняго «та'я» (пика) изображенъ съ огненнымъ мечемъ, поражающимъ неразуміе, въ правой рукѣ, и съ лиліею и покоющеюся на ней книгою — въ лѣвой. Справа отъ него стоитъ Маньчжушири сѣвернаго «та'я» со сложенными на груди руками ¹⁾ и съ двумя лотусами по бокамъ; слѣва — бодисатва южнаго «та'я» съ руками, сложенными на колѣняхъ крестообразно съ повернутыми кверху ладонями и двумя лотусами по бокамъ. Отдѣльно отъ этой средней группы, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоятъ еще двѣ статуи; справа (если считать отъ входа) изображеніе Маньчжушири восточнаго «та'я», а слѣва — западнаго.

1) Къ сожалѣнію, я не записалъ, какъ именно сложены у этого кумира руки.

Первый держитъ въ правой рукѣ огненный мечъ, а въ лѣвой — книгу; второй же въ правой рукѣ — такой же мечъ, лѣвая же сложена у него какъ-бы для благословенія; кромѣ этихъ пяти статуй во второй «дян'и» Да-лу-дин'а нѣтъ никакихъ другихъ, и вообще обстановка этого храма отличается простотой. Въ третьемъ храмѣ, крайнемъ восточномъ (въ виду особаго положенія террасы Да-лу-дин'а, кумирни, вопреки обычаю, расположены лицомъ на западъ, а не на югъ), стоитъ изображеніе Гуань-инь-пу-са о четырехъ головахъ. Съ Да-лу-дин'ской террасы открывается великолѣпный видъ на всю У-тай'скую котловину: на сѣверо-востокѣ, вверхъ по долинѣ ручья, стекающаго съ Дунъ-та'я, видны монастыри Ци-фо-сы, Хунъ-цзюнь-сы и Бо-жо-сы. Какъ разъ у ногъ очарованнаго зрителя, на восточномъ склонѣ Чжунъ-та'я видна, какъ на ладони, вся центральная группа главныхъ У-тай'скихъ кумиренъ съ высящимися надъ ними желтыми крышами Пу-са-дин'а. Нѣсколько выше, по склону того же Чжунъ-та'я стоятъ кумирни То-чэнъ-сы и Шоу-нинъ-сы, надъ которыми виднѣются крыши маленькаго монастыря Юй-хуа-сы (玉花), построеннаго надъ колодцемъ того же имени. Здѣсь по преданію во времена Суй'ской династіи появился однажды чудный бѣлый цвѣтокъ лотуса, издававшій необыкновенный блескъ. Тогдашній Дай-Чжоу'скій окружной начальникъ соорудилъ въ виду этого здѣсь кумирню, которой и далъ названіе Юй-хуа-сы, т. е. «кумирня яшмоваго цвѣтка». Императоры Канъ-си и Цянь-лунъ во время своихъ поѣздокъ на У-тай обращали вниманіе на этотъ монастырь и не оставляли его своими милостями ¹⁾.

Спустившись съ Да-лу-дин'а по другой тропинкѣ, болѣе удобной и менѣе крутой, мы прошли мимо помянутаго выше двора, принадлежащаго монастырю Мани-Патаръ, и направились вдоль по подножью Дунъ-та'я на сѣверъ. Зашли въ кумирню Вэнь-шу-сы, лежащую у сѣверныхъ воротъ торговаго мѣстечка Тай-хуй-цзѣ, какъ разъ напротивъ Шу-сянъ-сы. Это небольшой, чистенькій,

---

1) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз., 22 л.

только недавно отстроенный монастырь. Въ единственной имѣющейся здѣсь «дян'и» стоитъ большая статуя Вэнь-шу, а стѣны увѣшаны писанными изображеніями 10.000 буддъ; вдоль храма стоятъ въ два ряда скамеечки для ламъ и большое кресло для святителя. У того же западнаго склона Дунъ-та'я, у юго-восточнаго угла Тай-хуй-цзѣ стоитъ кумирня Ху-го-сы (護國), сооруженная при Юань'ской династіи; почти рядомъ съ нею ютится маленькая дао'ская кумирня Юй-хуа-мяо (玉花廟), и наконецъ, у того мѣста, гдѣ отъ долины рѣки Цинъ-шуй отдѣляется небольшая лощинка, врѣзывающаяся въ массивъ Дунъ-та'я въ восточномъ направленіи, стоитъ монастырь Ци-сянь-сы (棲賢). Въ Шань-си-тунъ-чжи находится указаніе, что кумирня эта была отремонтирована при Канъ-си и что въ ней находится пещера, высѣченная въ красномъ камнѣ, каковой я, однако, тамъ не нашелъ¹⁾. Въ настоящее время Ци-сянь-сы — жалкая развалина: издали видны столбы когда-то грандіознаго, а нынѣ развалившагося Пай-лоу (牌樓); черезъ высокія, тоже на половину разрушенныя ворота прошли мы на обширный дворъ кумирни. Здѣсь всего двѣ «дян'и», обѣ свидѣтельствующія о быломъ величіи въ настоящее время заброшеннаго монастыря. Въ первомъ храмѣ стоитъ большая статуя Вэнь-шу, изображеннаго въ сидячемъ положеніи; справа отъ него А-ми-то-фо, сидящій въ телѣгѣ, везомой быками, а слѣва Нянъ-хуа-фо (拈花佛), т. е. «Будда, крутящій цвѣтокъ», верхомъ на огромномъ павлинѣ, (кунъ-ціо 孔雀). Эта послѣдняя статуя должна изображать тотъ моментъ изъ жизни Будды, когда онъ передъ смертью вручилъ своему ученику Кашьяпѣ лотусъ о пяти лепесткахъ. Цвѣтокъ этотъ служилъ прообразомъ пяти дѣлений созерцательной школы, главой которой былъ Кашьяпа. Вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены статуи 16 бодисатвъ (Мяо-гуань, см. выше, стр. 107), надъ которыми вьются лѣпныя украшенія, долженствующія изображать нѣчто въ родѣ облаковъ. Спиною къ главному божеству за де-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 16 л.

ревянною перегородкою стоитъ изображеніе Гуань-инь-пу-са, верхомъ на баснословномъ животномъ «хоу» (狻猊). Каждая лапа этого «хоу» стоитъ на лотусѣ и на такой же цвѣтокъ опирается одна изъ ногъ ѣдущаго бодисатвы. Во второй «дьян'и» по срединѣ стоитъ большое изображеніе Ши-цзя-фо, справа отъ него А-митто-фо, а слѣва Яо-ши-фо; вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены статуи 18 архатовъ. Въ Ци-сянь-сы живетъ въ настоящее время не болѣе 10 хэшан'овъ; бѣднымъ отшельникамъ, очевидно, не на что было существовать, и они разбрелись куда глаза глядятъ.

Изъ Ци-сянь-сы прошли въ монастырь Да-вань-шенъ-ю-го-сы (大萬聖佑國), расположенный на вершинѣ небольшого холмика Нань-шань (南山), т. е. «южной горы», названной такъ по положенію, занимаемому ею относительно главнаго монастыря Пу-са-динъ. Холмъ этотъ представляетъ собою послѣдній юго-западный отрогъ Дунъ-та'я, и сооруженная на вершинѣ его кумирня называется въ просторѣчїи Нань-шань-сы, т. е. «кумирня южной горы». Сооружена она была при Юань'ской династїи, во второй годъ правленія Юань-чжэн'я (元眞); въ томъ же году императоръ прислалъ сюда хвалебную надпись, и повелѣно было монаху Чжунъ-хуа (仲華) завѣдывать этимъ монастыремъ. Въ 1-й годъ правленія Да-дэ (大德) монахъ этотъ умеръ и для увѣковѣченія его памяти сооружена была въ этой кумирнѣ пагода. Императоръ Жэнь-цзунъ (仁宗) той-же Юань'ской династїи пожаловалъ въ 1312 году настоятелю этого монастыря одежду темно-краснаго цвѣта и далъ ему титулъ Хунъ-цзяо-да-ши (紅教大師), т. е. «Великій учитель красной вѣры». Во второй годъ правленія Чжи-чжи (至治) (1322г.) императоръ самъ совершилъ поѣздку на У-тай, причемъ осыпалъ милостями настоятеля монастыря Нань-шань-сы¹⁾. Къ монастырю ведетъ изъ долины довольно порядочная дорожка, только недавно обсаженная молодыми деревьями. Во время моего посѣщенія кумирня перестраивалась заново: посреди двора под-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 17 л.

новляли высокій субурганъ, стоящій, вѣроятно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, около 600 лѣтъ тому назадъ, былъ похороненъ монахъ Чжунъ-хуа. Изъ храмовъ мнѣ удалось осмотрѣть только одинъ главный, всѣ остальные были заперты, да и въ томъ, куда меня пустили, царилъ страшный беспорядокъ; онъ временно былъ обращенъ въ монастырскую кладовую, и весь полъ его оказался заваленнымъ мѣшками съ разной снѣдью. По срединѣ храма стоитъ большая фигура Ши-цзя-фо, а вдоль боковыхъ стѣнъ 18 архатовъ, по девяти съ каждой стороны. Съ холма Наньшань открывается прекрасный видъ: на востокѣ видна узкая лощина, врѣзывающаяся въ массивъ Дунъ-та'я, у входа въ которую стоитъ только что осмотрѣнная мною кумирня Ци-сянь-сы; невдалекѣ отсюда виднѣется маленькій, но весьма чистый монастырь Гуань-инь-дунъ (觀音洞) т. е. «пещера Гуань-инь», гдѣ въ послѣдніе годы постоянно останавливается проѣзжающій сюда на лѣто Цаганъ-гэгэнъ. На западѣ видно какъ на ладони широкое ущелье, по которому проложилъ себѣ дорогу ручей, стекающій съ Си-та'я. Въ верхней части этого ущелья стоитъ монастырь Чжу-линь-сы (竹林), объ основаніи котораго существуетъ слѣдующее преданіе. — При Тан'ской династіи въ пятый годъ правленія Да-ли (大曆) (871 г.) нѣкій хэшанъ Фа-чжао (法照) поселился въ кумирнѣ Фо-гуанъ-сы (佛光), лежавшей невдалекѣ отъ теперешняго монастыря Чжу-линь-сы. Пребывая тамъ, онъ однажды замѣтилъ яркій свѣтъ, исходящій изъ сѣверной части долины. Хэшанъ пошелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и, пройдя одну ли слишкомъ, набрелъ на горный родникъ, надъ которымъ была выведена каменная арка; изъ подъ нея вышелъ мальчикъ и спросилъ хэшан'а: «почему ты пришелъ такъ поздно?», затѣмъ повернулся и велѣлъ ему слѣдовать за собою. Перейдя черезъ мостъ, перекинутый невдалекѣ черезъ ручей, мальчикъ этотъ внезапно исчезъ. На память объ этомъ чудесномъ явленіи здѣсь сооружена была кумирня, въ которой построена пагода «та» и поставлена маленькая, но чрезвычайно искусной работы, статуя Ши-цзя-фо. Много лѣтъ спустя, при

Мин'ской династїи, во время правленія Чэнъ-хуа (1465—1488 г.) крестьяне, распахивавшіе землю въ этой мѣстности, нашли здѣсь каменный гробъ; въ гробу хранилась серебряная шкатулка, въ которой находился стеклянный сосудъ съ частицами мощей. Находка эта обратила снова всеобщее вниманіе на кумирню Чжун-линъ-сы; во время правленія Хунъ-чжи (弘治) (1488—1506 г.) здѣсь былъ сооруженъ субурганъ, а при Цзя-цзин'ѣ (嘉靖) (1522—1567 г.) монахъ Гу-дэнъ (古燈) заново отремонтировалъ весь монастырь ¹⁾.

Побывавъ въ Вань-шэнъ-ю-го-сы, я покончилъ съ осмотромъ кумиренъ, находящихся какъ въ центральной котловинѣ У-тай'ской, такъ и вблизи ея, на окрестныхъ возвышенностяхъ. Скажу теперь нѣсколько словъ о посѣщенныхъ мною монастыряхъ, лежащихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Пу-са-дин'а, о которыхъ я не успѣлъ упомянуть, приводя дневникъ своего путешествія на священную гору.

Безспорно самую замѣчательною изъ этихъ кумиренъ является Чжэнъ-хай-сы (鎮海), лежащая на правомъ берегу рѣки Цинъ-шуй, на лѣсистомъ склонѣ горы. Стоитъ она на довольно высокомъ мѣстѣ, въ густой, искусственно разведенной сосновой рощѣ; къ монастырю вьется по крутому склону горы широкая, прекрасно вымощеная дорога. Переѣхавъ по каменному мосту черезъ горный ручей, протекающій у самой кумирни, мы попали на искусственно устроенную террасу, окруженную балюстрадой. Все въ этомъ монастырѣ свидѣтельствуетъ о заведенномъ, образцовомъ порядкѣ.

Посреди первой «дян'и» стоитъ большая статуя Ши-цзя-фо, направо отъ него А-ми-то-фо, а налѣво Яо-ши-фо. Во второй «дян'и» три статуи Вэнъ-шу съ разрисованными синей краской бровями, усами и бородою. Эти три кумира почти совершенно схожи между собою и разнятся лишь въ положеніи рукъ: у средняго Вэнъ-шу они сложены крестообразно на колѣнахъ, стоящій на-

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 17 л.

право отъ него благословляетъ правой, а налѣво, — лѣвой рукой; передъ этими тремя статуями стоитъ небольшое изображеніе Гуань-инь-пу-са. Монастырь Чжэнь-хай-сы, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, служитъ резиденціею Чжанцзя-хутухты, часто пріѣзжающаго сюда на лѣто изъ Пекина. Содержаніе ламамъ, а также и на ремонтъ кумирни идетъ отъ этого чтимаго въ сѣверномъ Китаѣ святителя. Въ южной части монастыря, на особомъ дворѣ, стоитъ субурганъ сажени въ три вышиною, увѣнчанный вмѣсто навѣса массивнымъ бронзовымъ колпакомъ, похожимъ на колоколь съ вычурными рѣзными украшеніями. Стоитъ этотъ субурганъ на высокомъ пьедесталѣ и окруженъ каменной балюстрадой; здѣсь хранятся бранные останки одного изъ перерожденцевъ Чжанцзя-хутухты, Ролби-Дорчжи, жившаго при императорѣ Цянь-лун'ѣ. Въ западномъ углу того-же двора устроена небольшая «дянь», въ которой стоитъ еще одинъ субурганъ съ останками другаго перерожденца того-же святителя, Лубсанъ-Нима; памятникъ этотъ, вышиною въ сажень слишкомъ, сооруженъ изъ литой бронзы и украшенъ затѣйливыми рѣзными орнаментами и даже драгоценными камнями. Нѣсколько выше по склону горы, за оградой кумирни, устроена небольшая, выложенная камнемъ терраса, куда мы поднялись по широкой, пологой лѣстницѣ. Здѣсь воздвигнутъ третій субурганъ, бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ остальные два, но за то и гораздо болѣе простой работы; причудливыя рѣзныя украшенія здѣсь совершенно отсутствуютъ; въ этомъ субурганѣ покоятся останки Дамба-Чжалцан'а, также перерожденца Чжанцзя-хутухты. Налюбовавшись вдоволь на эту замѣчательную по царящимъ въ ней порядку и чистотѣ кумирню, мы спустились въ долину, провожаемые любезными и въ высшей степени предупредительными монахами. Направляемся на югъ, слѣдуя теченію Цинъ-шуй; отѣхавъ версты три отъ Чжэнь-хай-сы, переправились на лѣвый берегъ рѣки и стали подниматься по крутому склону горы; вышли въ узкую горную лоштинку, въ концѣ которой въ весьма живописной мѣстности расположенъ монастырь Гуань-хай-сы (觀海). Основана эта кумирня

при Вэй'ской династіи (221 — 265 г.), послѣ чего о ней не встрѣчается никакихъ упоминаній до Мин'ской династіи, когда она была отстроена заново нѣкимъ хэ-шан'омъ Юэ-чжоу (月舟)¹⁾. Въ настоящее время живущіе здѣсь монахи сильно запустили свой монастырь. Въ первой «дьян'и» стоитъ громадная чудовищная статуя 18-ти-рукаго Ди-цзанъ-пу-са (地藏菩薩) (монг. Гацзар'унъ чжирукэнь); направо отъ него — Пу-сянь-пу-са, верхомъ на бѣломъ слонѣ, налѣво — Вэнь шу-пу-са (Маньчжушири-бодисатва), верхомъ на львѣ. Вдоль боковыхъ стѣнъ выстроены статуи 18 архатовъ, по девяти съ каждой стороны. Во второй, меньшей «дьян'и» стоитъ большая статуя Вэнь-шу, изображеннаго сидящимъ верхомъ на львѣ; тутъ-же находятся двѣ вертящіяся бібліотеки, наполненныя книгами; спиною къ главному божеству, за деревянной перегородкой стоитъ изображеніе Вэй-то. Достопримѣчательностью этой кумирни является колодезь Минъ-юэ-чи (明月池), т. е. «колодезь, въ которомъ ясно видна луна». Вѣрующіе думаютъ, что если закрыть глаза кисеею или кускомъ шелковой матеріи, то, посмотрѣвъ въ этотъ колодезь, можно увидѣть лунное сіяніе²⁾. Онъ покрытъ четырехъ-угольной мѣдной доской, въ которой продѣлана маленькая дырочка, не болѣе двухъ вершковъ въ діаметрѣ. По желанію посѣтителей хэшан'ы погружаютъ въ колодезь небольшую вазочку, предлагая вѣрующимъ омыться его священной водою.

Изъ топографическаго описанія, которымъ я пользовался, а также изъ разспросовъ я узналъ, что на Ута'ѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ центральныхъ кумиренъ есть еще много монастырей, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ горахъ. Особеннаго интереса осмотръ ихъ представлять не могъ, а между тѣмъ для посѣщенія каждой такой кумирни потребовалось-бы затратить по цѣлому дню. Не имѣя въ своемъ распоряженіи много времени, я отказался отъ этихъ далекихъ экскурсій и имѣю смѣлость думать, что и

1) Шань-си-тунъ-чжи, 171 цз., 18 л.

2) Шань-си-тунъ-чжи, 26 цз., 24 л.

представленное выше описаніе можетъ дать достаточно ясное представленіе объ этомъ древнемъ центрѣ буддизма въ сѣверномъ Китаѣ.

Глава IV.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ВЪ ПЕКИНЬ.

15 Мая. Какъ ни хотѣлось мнѣ прожить еще нѣсколько дней на У-та'ѣ съ тѣмъ, чтобы поближе ознакомиться съ жизнью этого громаднаго монастырскаго муравейника, но срокъ отпуска моего изъ Пекина истекалъ, и я долженъ былъ пуститься въ обратный путь. Какъ всегда въ дорогѣ, поднялись мы еще до разсвѣта, въ 3 $\frac{1}{2}$ часа утра. Провожать рѣдкаго гостя высыпалъ весь монастырь, какъ хозяева-хэшан'ы, такъ и многочисленные проживавшіе здѣсь богомольцы-монголы; явилось и изъ сосѣднихъ кумиренъ немало праздныхъ ротозѣевъ, прослышавшихъ о моемъ отъѣздѣ. Вся эта толпа загрохотала нашъ крошечный дворикъ, причемъ многіе изъ менѣе церемонныхъ обращались ко мнѣ съ вопросами, не продамъ-ли я ту или другую понравившуюся имъ вещь. Одинъ монгольскій лама просто разжалобилъ меня, такъ умильно просилъ продать ему жестянку съ консервированнымъ молокомъ; видно сыну степей давно не приходилось пробовать любимаго напитка. Для того, чтобы хоть сколько нибудь удовлетворить навязчивыхъ «покупателей», пришлось раздать нѣсколько пригоршней сахару и двѣ-три жестянки съ консервами. Толпа повалила за счастливыми обладателями заморскихъ рѣдкостей, а мы могли на свободѣ окончить упаковку вещей. Началась безконечная канитель съ расчетомъ за постой. Въ китайскихъ монастыряхъ, какъ и у насъ, за прожитье никакой определенной платы не полагается, а всякій даетъ, уѣзжая, сколько хочетъ. Еще дня за два до моего отъѣзда, монастырскій эконокъ заходилъ къ моему слугѣ, прося его предупредить меня, что за постой нужно

заплатить что-нибудь; почтенный хэшань подумалъ, вѣроятно, что заморскій человекъ способенъ, чего добраго, уѣхать, не давъ ни гроша. Когда-же настало время расплаты, то китайцы, вѣрные установившемуся обычаю, начали изо всѣхъ силъ отказываться отъ денегъ. «Зачѣмъ», повторяли они стереотипную фразу, «вы хотите платить намъ, развѣ есть такой обычай, чтобы люди одной семьи брали другъ съ друга деньги?» Братство людей, какъ видите, понимается въ этой фразѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Убѣдивши, наконецъ, нашихъ безкорыстныхъ хозяевъ принять, какъ-бы въ особое намъ одолженіе, наше презрѣнное серебро, мы распростились съ ними, приглашая побывать у насъ въ Пекинѣ. Заплатилъ я за постой всего около трехъ ланъ (т. е. шести рублей), считая приблизительно по 1 рублю въ сутки за отведенныя намъ двѣ комнатки. Тронуться въ путь намъ удалось не ранѣе шести часовъ.

Обогнувъ главную группу монастырей съ восточной стороны, мы выѣхали въ долину ручья, стекающаго съ Дунъ-та'я, и стали подниматься вверхъ по его теченію. Проѣхавъ кумирню Би-шань-сы, вскорѣ начали взбираться по южному склону горы, круто спускающемуся въ долину. Здѣсь сбѣгаетъ съ горъ много ручейковъ, по русламъ которыхъ, мѣстами, лежитъ еще не успѣвшій стаять снѣгъ. Послѣ утомительнаго $2\frac{1}{2}$ -часоваго подъема достигли перевала Хуа-янь-линъ, лежащаго, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, между сѣверною и восточною вершинами; съ него открывается великолѣпный видъ на всю У-тай'скую долину съ ея многочисленными монастырями, среди которыхъ выдѣляется огромный Пу-са-динъ; въ отдаленіи виднѣется Нань-тай, а за нимъ тянется безконечная цѣпь горъ. Прямо на востокъ, не далѣе какъ въ 5—6 верстахъ, высится Дунъ-тай, а на западѣ — Бэй-тай. Съ перевала начали спускаться въ сѣверо-западномъ направленіи, слѣдуя теченію стекающаго съ Хуа-янь-лин'а ручья. Спускъ съ этой стороны менѣе крутъ, чѣмъ подъемъ съ юга. Пройдя верстъ пять, повернули на сѣверъ. Долина вся сплошь усѣяна огромными валунами, такъ что даже привычные къ гор-

нымъ дорогамъ мулы съ трудомъ подвигаются впередъ. Около полудня, послѣ шести-часоваго утомительнаго перехода, остановились въ деревушкѣ Ши-цзы-тинъ (十字亭), сиротливо ютящейся въ горномъ ущельи. Мѣстность, лежащая къ сѣверу отъ перевала Хуа-янь-линъ, благодаря своей дикости и недоступности, совершенно пустынна, и населенія здѣсь нѣтъ никакого; встрѣчались намъ лишь рѣдкіе путники-богомольцы, направлявшіеся на священную гору. Несмотря на близость послѣдней съ ея многолюдными кумирнями, деревушка Ши-цзы-тинъ оказалась очень бѣдною; объясняется это тѣмъ, что жители ея, вслѣдствіе трудности сообщенія, рѣдко переходятъ на У-тай'скую сторону перевала и не извлекаютъ потому никакой матеріальной пользы отъ близкаго сосѣдства богатыхъ монастырей. Не безъ труда отыскали мы постоялый дворъ, гдѣ нашелся кормъ для нашихъ утомленныхъ муловъ. Здѣсь мнѣ отвели въ буквальномъ смыслѣ слова хлѣвъ, такъ какъ лучшаго помѣщенія не нашлось. Усталость взяла, однако, верхъ надъ брезгливостью, и я, примостившись въ одномъ изъ угловъ отведенной мнѣ грязной конуры, заснулъ сномъ праведника. Часа черезъ полтора разбудили меня крики съ присовокупленіемъ крѣпкихъ словецъ, раздававшіеся на дворѣ. Какъ оказалось, это спорили мой погонщикъ съ хозяиномъ постоялаго двора изъ-за расчета. Хозяинъ не принималъ чѣхъ, предлагаемыхъ погонщикомъ, послѣдній же отказывался обмѣнять ихъ на другія. Во время путешествія я не разъ испытывалъ большія неудобства съ деньгами, главнымъ образомъ потому, что въ разныхъ мѣстахъ приняты различныя системы счета монетъ. Въ Пекинѣ, на примѣръ, ходятъ большія мѣдныя монеты, каждая изъ которыхъ, по сдѣланной на ней надписи, должна считаться равной 10 чѣхамъ; на самомъ-же дѣлѣ онѣ считаются за 20, и такимъ образомъ для образованія 1000 монетныхъ единицъ, изъ которыхъ составляется обыкновенно связка, «дяо» (吊), достаточно 50 такихъ монетъ. Эти пятидесяти-монетныя «дяо», равняющіяся приблизительно нашимъ 10 копѣйкамъ металлическимъ, имѣютъ, однако, обращеніе лишь въ самомъ городѣ; не далѣе какъ въ 5

верстахъ отъ городскихъ стѣнъ, подѣ «дяо» разумѣется связка болѣе мелкихъ монетъ, которыхъ уже должно быть 1000, и, въ такомъ случаѣ, «дяо» это равняется приблизительно золотому рублю. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ къ югу отъ столицы за «дяо» принимается связка изъ 660 мелкихъ монетъ совершенно такого-же размѣра и достоинства. Немудрено, что при такой неурядицѣ и неопредѣленности монетной единицы очень часто происходятъ споры при расчетахъ, тѣмъ болѣе, что даже не всегда бываетъ возможность порядкомъ сосчитать такую массу мѣдныхъ монетъ и разсмотрѣть всѣ-ли онѣ правильнаго, установленнаго закономъ размѣра. Между тѣмъ, споръ между погонщикомъ и хозяиномъ постоялаго двора началъ принимать угрожающіе размѣры, такъ что недалеко было и до драки, но тутъ явились неизбежные здѣсь въ этихъ случаяхъ посредники, которые энергично приступили къ усовѣщиванію спорщиковъ. Являются такіе миротворцы обыкновенно не безъ задней мысли, надѣясь стянуть съ той и другой стороны за свои «добрыя услуги» что-либо на угощеніе. Такимъ образомъ, къ общему, а наипаче къ моему удовольствію, споръ былъ оконченъ, и мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Продолжаемъ ѣхать все въ томъ-же сѣверномъ направленіи, вдоль по теченію ручья. Вся земля, гдѣ только представляется къ тому малѣйшая возможность, воздѣлана заботливой рукой неутомимаго китайца; даромъ не пропадаетъ рѣшительно ни одного клочка. Тамъ, гдѣ вслѣдствіе крутизны невозможно производить распашку на животныхъ, пахутъ на людяхъ; употребляется для этого обыкновенная соха, но только нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Тамъ и сямъ по склонамъ горъ видѣлъ нѣсколько стадъ козъ и барановъ, но вообще нужно сказать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ, казалось-бы, должно процвѣтать скотоводство, оно развито чрезвычайно слабо. Руслоручья и вся долина, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, освобожденныхъ отъ камней подѣ пашни трудолюбивыми земледѣльцами, сплошь покрыты огромными валунами; на востокъ горы начинаютъ понемногу понижаться, на западѣ-же продолжаютъ

выситься скалистые уступы Бэй-та'я. Послѣ 15-верстнаго перехода отъ Ши-цзы-тин'а мы вышли въ широкую долину р. Ху-ту-хэ, текущей здѣсь въ западномъ направленіи. Ху-ту-хэ беретъ начало въ уѣздѣ Фань-чи-сянь, въ предѣлахъ котораго мы находимся въ настоящее время, не далѣе какъ въ 30—40 верстахъ къ востоку отъ устья впадающаго въ нее ручья, стекающаго съ Хуа-янь-лин'а. Образуется эта рѣка изъ двухъ ручьевъ: Сань-цюань (三泉) и Цинь-лунь-цюань (靑龍), соединяющихся у городка Да-инь-чэн'а (大營); течетъ Ху-ту-хэ первоначально на западъ, мимо города Дай-чжоу, скоро, однако, измѣняетъ направленіе своего теченія въ южное и юго-восточное, входитъ въ предѣлы провинціи Чжи-ли, которую пересѣкаетъ на всемъ протяженіи съ запада на востокъ и впадаетъ въ Бэй-хэ (北) недалеко отъ Тянь-цзин'я. Со спускомъ въ долину пейзажъ сразу мѣняется, какъ-бы по волшебству: вмѣсто суровыхъ скалъ и каменистыхъ утесовъ, всюду зеленѣютъ нивы и фруктовые сады. Къ закату солнца, около шести часовъ вечера, пришли на ночлегъ въ деревню Дунь-шань-ди (東山地), т. е. «Подножіе восточной горы», называемую такъ потому, что расположена она у подножія маленькаго холмика, лежащаго отдѣльно отъ общей цѣпи горъ.

16 Мая. Выѣхали съ мѣста стоянки около пяти часовъ утра. Путь нашъ лежитъ на востокъ, вверхъ по теченію Ху-ту-хэ. Мы вступили теперь на караванную дорогу, ведущую изъ города Дай-чжоу въ Чжи-ли'скую провинцію. Въ отличіе отъ большаго почтоваго пути, направляющагося изъ Пекина въ провинцію Шань-си черезъ городъ Бао-динь-фу и Лунь-цюань-гуань, эта дорога, далеко уступающая въ значеніи первой, называется сѣверною Бэй-лу (北路). Горы, ограничивающія долину Ху-ту-хэ съ сѣвера, значительно ниже тѣхъ, которыя тянутся на югъ. Придерживаемся южной части долины и ѣдемъ у самаго подножья лѣссовыхъ холмовъ, окаймляющихъ горы. Мѣстами лѣссовыя образованія принимаютъ здѣсь весьма причудливыя формы, представляя нѣчто въ родѣ естественныхъ стѣнъ и укрѣпленій, за кото-

рыми ютятся селенія. Лежащій не далѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ Дунъ-шанъ-ди посѣлокъ Шанъ-хуй (善會) окруженъ со всѣхъ сторонъ такими естественными стѣнами и производитъ издали впечатлѣніе укрѣпленнаго мѣста. Такія-же лёссовыя стѣны преимущественно съ западной стороны, существуютъ въ селеніяхъ Цзя-ши-тинъ (夾石亭) и Си-санъ-цюань (西三泉).

Отъѣхавъ версть десять отъ стоянки, начали пересѣкать долину по діагонали, приближаясь къ Ху-ту-хэ, протекающей въ сѣверной ея части. Въ полуверстѣ отъ селенія Си-санъ-цюань, у котораго сливаются два истока этой рѣки, мы переправились черезъ нее. Ху-ту-хэ имѣетъ здѣсь до 20 сажень ширины, но настолько мелка, что въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ вода не доходитъ муламъ по колѣна. На правомъ берегу рѣки стоитъ маленькій укрѣпленный городокъ Да-инъ-чэнъ, въ западномъ предмѣстьи котораго мы и остановились для завтрака. Мѣста, по которымъ мнѣ приходилось теперь проѣзжать, сравнительно рѣдко посѣщались иностранцами; судить объ этомъ можно по тому любопытству, которое возбуждаетъ здѣсь во всѣхъ видѣ заморскаго человѣка. Лишь только мы въѣхали въ ворота гостиницы, какъ тотчасъ-же громадная толпа запрудила весь дворъ, причемъ многіе изъ наиболее смѣлыхъ безцеремонно ломились ко мнѣ въ дверь. При этомъ частенько происходили довольно комическія сцены: одинъ древненькій и дряхлый старичекъ выказывалъ особое рвеніе, желая во что бы то ни стало взглянуть на меня; на увѣщанія моего слуги онъ пренаивно отвѣчалъ: «помилуй, голубчикъ, какъ же ты не хочешь меня пустить, я 80 лѣтъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, и до сихъ поръ мнѣ ни разу не привелось видѣть заморскаго человѣка!» Изъ Да-инъ-чэнъа продолжаемъ направляться на востокъ, вверхъ по теченію рѣки Санъ-цюань. Дорога идетъ по деревнямъ, обсаженнымъ тополевыми рощами. Погонщикъ мой, какъ оказывается, довольно плохо знаетъ эти мѣста и минутно справляется о дорогѣ у прохожихъ. Долго безъ толку кружили по долинѣ, причемъ потеряно было, конечно, немало времени. Выбрались наконецъ на холмы, окаймляющіе долину Ху-

ту-хэ съ сѣверо-востока. Возвышенности эти чисто лёссоваго образованія, и мы часто ѣдемъ то въ глубокихъ корридорахъ между двумя отвѣсными стѣнами, круто возвышающимися съ обѣихъ сторонъ, то надъ страшными пропастями, въ которыя нельзя заглянуть безъ головокруженія. Верстахъ въ 15 отъ Данинь-чэн'а проѣхали черезъ укрѣпленный городокъ Пинъ-синъ-гуань (平 型 關), расположенный у прохода того-же имени. Этотъ городокъ занимаетъ пространство въ половину квадратной версты и окруженъ такими-же лёссовыми стѣнами, какія мы видѣли вокругъ пройденныхъ нами сегодня утромъ селеній; естественныя укрѣпленія эти обложены здѣсь камнемъ, повсюду впрочемъ обвалившимся. Въѣхали мы въ этотъ городокъ въ южныя ворота, превратившіяся въ груды жалкихъ развалинъ. Сѣверныя ворота сохранились въ нѣсколько лучшемъ видѣ; въ уцѣлѣвшемъ бастіонѣ ихъ стоитъ небольшой храмикъ бога войны; около него лежитъ нѣсколько старыхъ запыленныхъ пушекъ. Изъ городка по тому-же лёссовому холму дорога идетъ къ укрѣпленію Пинъ-синъ-гуань, построенному въ самомъ проходѣ. Не доѣзжая до него, мы замѣтили нѣсколько домовъ-пещеръ, вырытыхъ въ лёссѣ; такія жилища встрѣчаются во множествѣ въ области Тай-юань-фу, той-же Шань-си'ской провинціи, въ предѣлахъ которой мы теперь находимся. Укрѣпленіе Пинъ-синъ-гуань, лежащее отъ города въ полчаса ходьбы, напоминаетъ устройствомъ своимъ Лунъ-цюань-гуань, но еще болѣе запущено, чѣмъ послѣднее. Здѣсь не живетъ ни души, и все покинуто на произволь судьбы. Спускъ съ перевала съ сѣверо-восточной стороны несравненно круче подъема съ южной; дорога зигзагами вьется по кругому склону въ дикомъ горномъ ущельи. Пройдя черезъ Пинъ-синъ-гуань, мы вышли въ предѣлы уѣзда города Линъ-цю-сянь (靈 邱 縣), куда должны придти на другой день. Верстахъ въ трехъ отъ перевала въ узкой лощинѣ лежитъ деревушка Гуань-гоу (關 溝), въ которой мы и пріютились на ночь. Немногочисленные жители этого крохотнаго посѣлка сбѣжались-было посмотреть на заморское чудище, но, вѣроятно, утомленные дневной

работой, скоро разошлись. Гуань-гоу лежитъ отъ Да-инъ-чэн'а верстахъ въ двадцати-пяти.

17 Мая. Не смотря на тѣсноту и грязь въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи, отдохнулъ прекрасно, и слуга съ трудомъ растолкалъ меня утромъ въ четвертомъ часу, когда нужно было собираться въ дорогу. Ёдемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по глубокой рытвинѣ, идущей отъ самаго перевала Пинъ-синъ-гуань. Вскорѣ дорога нѣсколько уклоняется на сѣверъ и вьется среди пашенъ, разбитыхъ на вершинахъ лёссовыхъ холмовъ, заполняющихъ пространство между грядами горъ каменной породы. Какъ и въ долинѣ Ху-ту-хэ, ёдемъ то въ длинныхъ, глубокихъ корридорахъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ высятся крутыя лёссовыя стѣны, то надъ пропастями въ 70—80 сажень глубины.

Вскорѣ выѣхали въ болѣе открытую мѣстность, въ долину рѣчки или скорѣе ручья, впадающаго въ рѣку Танъ-хэ, протекающую невдалекѣ отсюда. Это та самая Танъ-хэ, болѣе извѣстная здѣсь подъ именемъ Сяо-танъ-хэ, т. е. малой рѣки Танъ, черезъ которую намъ приходилось уже разъ переправляться у села Да-янъ (大楊)¹⁾. Проѣхали маленькую деревушку Сяо-чжай, гдѣ должны были ночевать вчера, но за темнотою принуждены были остановиться ранѣе въ Гуань-гоу. Верстахъ въ трехъ отсюда у впаденія въ Танъ-хэ ручья, по долинѣ котораго мы ёдемъ, стоитъ другая деревушка Цай-цунъ-юй (蔡村浴). Здѣсь мы повернули на востокъ, направляясь внизъ по теченію Танъ-хэ. Дорога чрезвычайно оживлена, поминутно попадаются торговцы, предлагающіе проѣзжающимъ различныя закуски и прохладительныя напитки. Встрѣчаемъ не мало каравановъ, какъ легковыхъ, такъ сказать пассажирскихъ, такъ и товарныхъ, состоящихъ изъ длиннаго ряда тяжело нагруженныхъ ословъ и муловъ, совершенно исчезающихъ подъ громадами навьюченныхъ на нихъ грузовъ. Караваны этой послѣдней категоріи состоятъ, обыкновенно, изъ 20—30 вьючныхъ животныхъ, слѣдующихъ при

---

1) См. стр. 32.

10—15 погонщикахъ. Верстахъ въ семи отъ Цай-цунь-ю'я проѣхали большое село Дунь-хэ-нань (東河南). Это одно изъ тѣхъ крупныхъ поселеній, о которыхъ мнѣ уже случалось неоднократно упоминать раньше; тянется оно приблизительно на версту. Изъ топографическаго описанія провинціи Шань-си видимъ, что въ прежнее время на окрестныхъ горахъ стояло очень много сторожевыхъ башенъ, изъ коихъ нѣкоторыя сравнительно въ исправномъ видѣ сохранились и до сихъ поръ; здѣшніе жители на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь селеніе, построили для самозащиты укрѣпленіе¹⁾. Обо всемъ этомъ говорится, впрочемъ, въ Шань-ситунь-чжи довольно глухо, безъ упоминанія о томъ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ возникло селеніе. Верстахъ въ пяти отъ этого большаго села мы перебрались на лѣвый берегъ Тань-хэ у деревни Тань-цзѣ-ва (譚街窪), гдѣ и остановились для завтрака. Отдохнувъ часа два, тронулись далѣе, сопровождаемые, по обыкновенію, до околицы деревни толпою въ 30—40 любопытныхъ зѣвакъ. Ѣдемъ по лѣвому берегу Тань-хэ, русло которой въ настоящее время года почти совершенно сухо, — вся вода разбирается при помощи искусной канализаціи для орошенія попутныхъ полей. Въ виду этого здѣсь часто случается, что рѣка пересыхаетъ на нѣкоторое время совершенно. Почва въ этой части долины песчаная и неудобная для обработки; мѣстность считается вообще бѣдною. Сильный восточный вѣтеръ, дувшій съ отдаленныхъ холмовъ, поднялъ страшную пыль, несшуюся намъ прямо въ глаза и замедлявшую наше движеніе впередъ. Послѣ двухъ-часоваго хода пришли мы въ городъ Линь-цю-сянь, административный центръ уѣзда того-же имени. Основанъ онъ былъ при Тан'ской династіи, во время правленія императора Кайюань (開元) (713—742 г.); тогда онъ имѣлъ въ окружности не болѣе 3½ ли. При Мин'ской династіи во второй годъ правленія Тяньшун'я (天順) (1457—1465 г.) городъ этотъ былъ расширенъ съ южной стороны, причемъ окружность его достигала пяти ли. Въ

1) Шань-си-тунь-чжи, 11 цз., 17 л.

24-й годъ правленія императора Вань-ли прежній земляной валъ былъ замѣненъ кирпичными стѣнами. Впослѣдствіи, какъ при Мин'цахъ, такъ и при нынѣшней Маньчжурской династіи городскія укрѣпленія не разъ страдали отъ землетрясеній и дождей, но каждый разъ были возобновляемы въ прежнемъ видѣ¹⁾. Мы объѣхали стѣны съ южной стороны, не заѣзжая въ самый городъ, гдѣ впрочемъ, почти ничего нѣтъ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ; вся торговая жизнь сосредоточена въ южномъ и западномъ предмѣстьяхъ, которыя растянулись версты на двѣ. Изъ общей сѣренькой массы зданій выдѣляется помѣщенія закладныхъ лавокъ, защищенныхъ отъ воровъ толстыми каменными стѣнами, надъ которыми торчатъ прочныя деревянныя рѣшетки; все это придаетъ этимъ внушительнымъ сооруженіямъ видъ маленькихъ крѣпостей. Проѣхали мимо театра, въ которомъ представленіе давалось на открытой сценѣ; при нашемъ появленіи сами актеры превратились въ зрителей и смѣшались съ толпою, которая хлынула вслѣдъ за нами.

Изъ Линь-цю-сян'я продолжаемъ путь въ восточномъ направленіи съ легкимъ уклономъ на сѣверъ, постепенно приближаясь къ горамъ, окаймляющимъ съ этой стороны долину р. Тань-хэ, которая уходитъ здѣсь на югъ въ виднѣющееся невдалекѣ узкое горное ущелье Дао-ма-гуань (倒馬關); у самаго этого поворота Тань-хэ принимаетъ въ настоящее время совсѣмъ пересохшій притокъ Лао-шуй (滌水), текущій съ сѣвера. На лѣвомъ берегу его стоитъ небольшая деревушка Гучэнъ (古城), вѣроятно, древнее укрѣпленіе, окруженное въ настоящее время однѣми естественными лёссовыми стѣнами. Понемногу начинаемъ подниматься на маленькіе холмики, ютящіеся у подножья горъ, черезъ которыя намъ придется переваливать на другой день. Какъ вездѣ въ мѣстностяхъ лёссоваго образованія ѣдемъ то надъ глубокими пропастями, то въ узкихъ корридорахъ съ крутыми высокими стѣнами. На многихъ мѣстахъ

---

1) Шань-си-тунъ-чжи, 8 цз., 29 л.

видѣлъ громадныя обвалившіяся глыбы лёсса, вѣроятно подмытаго недавнимъ дождемъ. Съ возвышенностей открывается великолѣпный видъ на долину Танъ-хэ, прелестно освѣщенную лучами заходящаго солнца. Эта живописная зеленѣющая долина составляетъ рѣзкій контрастъ съ суровымъ видомъ горъ, высящихся на сѣверо-востокѣ. Остановились въ деревушкѣ Гушань (孤山), лежащей у самаго подножья этихъ горъ; какъ и всѣ китайскіе посёлки, она окружена цѣлой рощей деревьевъ. Двѣ вѣковыя ивы склонили свои громадныя вѣтви надъ въѣздными воротами, живописно декорируя ихъ.

18 Мая. На ночлегъ пришлось помѣститься въ отвратительной грязной конурѣ, но усталость взяла свое и, забывъ всѣ путевыя невзгоды, я проспалъ до четырехъ часовъ слѣдующаго утра, когда растолкалъ меня слуга. Предоставивъ своему лепорелло укладывать и навьючивать мой багажъ, я вышелъ на дворъ, гдѣ успѣла уже собраться густая толпа любопытныхъ, прослышавшихъ еще съ вечера о проѣздѣ заморскаго звѣря. Съ трудомъ понимаю ихъ своеобразный гортанный говоръ, къ которому не успѣлъ привыкнуть за двухъ-недѣльное пребываніе въ Шань-си. Одинъ парень, посмѣлѣе, сталъ писать мнѣ вопросы на клочкѣ бумаги подареннымъ ему мною карандашемъ, и вся толпа пришла въ настоящій восторгъ, когда я также написалъ нѣсколько іероглифовъ. «Заморскій человекъ умѣетъ писать», зашептали они между собою, и я сразу выросъ въ ихъ мнѣніи. Ъдемъ прямо на востокъ, сперва по глубокой рывинѣ, прорѣзывающей маленькій холмикъ, у подножья котораго стоитъ деревня Гу-шань, а затѣмъ стали всходить на лёссовое плато, легкимъ уклономъ поднимающееся къ горамъ. Направляясь вверхъ по теченію небольшого ручейка, впадающаго въ Лао-шуй-хэ, вскорѣ вѣхали въ горы. Подъемъ становится замѣтно круче; дорога, — скажу кстати, — довольно порядочно содержащая, вьется зигзагами до перевала Цанъ-эррѣ-линь (蒼耳嶺); это узкій проходъ между двумя склонами, высящимися съ обѣихъ сторонъ. Спускъ съ сѣверо-востока несравненно круче подъема съ юго-

западной стороны. Съ вершины перевала открывается прелестная горная панорама, причемъ особенно высокіе пики виднѣются на югѣ. Мы находимся здѣсь на значительной абсолютной высотѣ; видѣлъ нѣсколько кустовъ еще не распустившейся сирени, тогда какъ внизу въ равнинѣ она успѣла уже давно отцвѣсти.

Верстахъ въ трехъ отъ перевала проѣхали деревню Йо-шань (堯山), у которой стоитъ довольно большая кумирня Да-фо-сы (大佛); китайцы, какъ извѣстно, любятъ воздвигать храмы на дорогахъ и особенно въ трудно проходимыхъ мѣстностяхъ. Отъ поселка Йо-шань дорога снова начинаетъ подниматься въ гору и вскорѣ достигаетъ перевала И-ма-линъ (驛馬嶺), по которому проходитъ граница между провинціями Шань-си и Чжи-ли, а въ частности между уѣздами Линь-цю и Гуань-чанъ (廣昌); въ предѣлы послѣдняго мы теперь вступаемъ. Съ И-ма-линъ открывается также великолѣпный видъ на окрестныя горы; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ самыя причудливыя формы, поднимаясь остроконечными пиками. Горы эти изобилуютъ мѣломъ, жилки котораго выступаютъ наружу, издали походя на снѣгъ. Спустились съ перевала по теченію ручья Ай-хэ (艾), истоки котораго находятся въ сосѣднихъ горахъ. Около полудня пришли на стоянку въ деревушку Хуань-цюань (黃泉), лежащую въ дикой горной мѣстности. На всемъ здѣсь лежитъ печать страшной нищеты: дома полуразрушены, жители оборваны; несмотря на все свое трудолюбіе, китайцы не въ состояніи побѣдить мачиху-природу, ставящую здѣсь неодолимая препятствія для земледѣлія. Только что собрались мы послѣ непродолжительнаго отдыха пуститься въ дальнѣйшій путь, какъ полилъ дождь. Правда, это былъ первый дождь со времени моего выѣзда изъ Пекина, такъ что роптать на погоду было-бы неумѣстно, но все-таки я безъ особаго удовольствія увидѣлъ себя вынужденнымъ возвратиться въ грязную комнатку, отведенную мнѣ на не менѣе грязномъ постояломъ дворѣ, гдѣ не было даже возможности достать стола, чтобы толкомъ записать что-либо. Пришлось проваляться на «кан'ѣ». Въ четвертомъ часу дождь немного стихъ и

не смотря на то, что погода все-таки не представляла ничего утѣшительнаго, я рѣшился продолжать путь, облекшись въ китайскій дождевикъ, которымъ предусмотрительно запасся при выѣздѣ изъ Пекина. Китайскій ватерпруфъ шьется изъ здѣшной клеѣнки¹⁾ и имѣетъ форму накидки съ капюшономъ. Продолжаемъ ѣхать на востокъ по долинѣ Ай-хэ. Дорога отвратительная, устѣяна мелкими гольшами, ставшими скользкими отъ дождя, такъ что даже наши привычные мулы съ трудомъ подвигаются впередъ. Верстахъ въ трехъ отъ Хуань-цюан'я переправились на лѣвый берегъ рѣки у деревни, названной по имени рѣки Ай-хэ, недалеко отсюда впадающей въ Цзюй-ма-хэ, которая беретъ начало въ окрестныхъ горахъ. Отсюда дорога вьется въ разстояніи полуверсты отъ берега, среди невысокихъ холмовъ лёссовой формациі. Проѣхали вскорѣ большое село Нань-шао-цунь (南韵村). Какъ ни досадно было на лившій мелкій, настоящій грибной дождь, я утѣшалъ себя, глядя на крестьянъ, сидѣвшихъ у пороговъ своихъ домовъ съ выраженіемъ счастья на лицахъ, радуясь дождю, въ которомъ такъ долго отказывало имъ небо. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, промокшіе и усталые, пришли на мѣсто ночѣвки въ городокъ Гуань-чанъ-сянь (廣昌縣), административный центръ уѣзда того-же имени. Остановились въ южномъ предмѣстьи; долго не могли найти мѣста въ переполненныхъ гостинницахъ. Наконецъ хозяинъ одной изъ нихъ сжалился надъ нами и отвелъ въ наше распоряженіе довольно просторную комнату, выпроводивъ расположившихся въ ней шестерыхъ путешественниковъ, мелкихъ купцовъ.

Не существуетъ, повидимому, никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о времени основанія Гуань-чанъ-сян'я; изъ описанія Чжили'ской провинціи мы узнаемъ лишь, что кирпичными стѣнами онъ былъ обведенъ при Мин'ской династіи, въ 13 годъ правленія Хунъ-у; при императорѣ Канъ-си укрѣпленія его были отремонтированы²⁾. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Цзюй-

1) Т. е. промасленнаго шелка или холста.

2) Цзи-фу-тунъ-чжи, 25 цз., 41 л.

ма-хэ, въ которую, какъ я уже сказалъ, впадаетъ нѣсколько выше Ай-хэ, текущая съ И-ма-лин'а. У юго-восточнаго угла города стоитъ кумирня Дунь-ю-синь-сы, воздвигнутая въ честь «восточнаго пика» (Дунь-ю 東嶽), находящагося въ провинціи Шань-дунъ; около кумирни стоитъ невысокая пагода въ пять этажей. Такая особая честь «Восточному пику» воздается потому, что, по народному повѣрью, по смерти человѣка душа его отправляется сперва на Дунь-ю, гдѣ пребываетъ божество Тянь-ци-фо, которое и подвергаетъ ее предварительному допросу. Предмѣстья города тянутся на значительное разстояніе, а къ нимъ непосредственно примыкаетъ нѣсколько деревушекъ. Въ ближайшей изъ нихъ я замѣтилъ большую водяную мельницу, вода для которой отведена изъ Цзюй-ма-хэ. Верстахъ въ пяти отъ Гуань-чан'а рѣчка протекаетъ между двумя скалами, стѣсняющими ея русло. Съ этого мѣста открывается великолѣпный видъ на долину Цзюй-ма-хэ, особенно въ восточномъ направленіи, гдѣ вдали виднѣются горы, на которыхъ тамъ и сямъ воздвигнуты бастіоны проходящей по нимъ великой стѣны. Послѣ вчерашняго дня все повеселѣло, воздухъ сталъ чище и прохладнѣе, рощи и пашни позеленѣли. Ёдемъ по оживленной большой дорогѣ, ведущей въ И-чжоу (易州) и другіе города сѣверной части Чжили'ской равнины. Попадается много встрѣчныхъ каравановъ, направляющихся преимущественно изъ Тянь-цзин'я въ Дай-чжоу и другіе болѣе крупные центры сѣверной части провинціи Шань-си. Между товарами замѣтилъ немало хлопчато-бумажныхъ англійскихъ издѣлій. Верстахъ въ восьми отъ Гуань-чанъ-сян'я впадаетъ въ Цзюй-ма-хэ съ лѣвой стороны рѣчка Гуань-чэнъ-чуань, въ настоящее время совершенно пересохшая. Невдалекѣ отсюда долина суживается, превращаясь постепенно въ горное ущелье, по которому вьется дорога, безпрестанно перебѣгая съ одного берега на другой. Послѣ дождя Цзюй-ма-хэ нѣсколько вздулась, но все-таки глубина ея не превышаетъ одного аршина, такъ что мы свободно переправляемся верхомъ на мулахъ. На склонахъ горъ и въ самомъ ущельи постоянно попадаются намъ остатки стѣнъ и ба-

стіоновъ, защищавшихъ когда-то проходъ. Чѣмъ дальше дви-гаемся мы впередъ по ущелью, тѣмъ чаще встрѣчаются такія укрѣпленія; наконецъ у мѣстечка Фу-ту-юй (浮屠浴) ихъ собрана цѣлая масса, и расположены они здѣсь по всѣмъ направ-леніямъ, на обоихъ берегахъ рѣки; цѣлый рядъ ихъ виденъ на западѣ, другія тянутся на югъ, третьи, наконецъ, на востокъ. На правомъ берегу рѣки, у того самаго мѣста, гдѣ мы перепра-вились черезъ нее для того, чтобы попасть въ Фу-ту-юй, стоитъ одно изъ такихъ укрѣпленій: оно имѣетъ видъ усѣченной пира-миды и приблизительно сажени въ четыре вышиною. Построено укрѣпленіе на прочномъ фундаментѣ съ цоколемъ, имѣющимъ около $1\frac{1}{2}$ сажени вышины и выведенномъ изъ массивныхъ гра-нитныхъ плитъ; сложенъ этотъ цоколь сводомъ, а внизу устроена арка, похожая на длинный темный корридоръ, вышиною прибли-зительно въ сажень. Особенностью такихъ укрѣпленій является полное отсутствіе въ нихъ лѣстницъ; ихъ не существуетъ даже между этажами, которыхъ обыкновенно бываетъ два, а иногда и три. Изъ описаній битвъ, происходившихъ около такихъ укрѣп-леній, мы узнаемъ, что войны взбирались туда при помощи при-ставныхъ лѣстницъ. Осмотрѣнное мною укрѣпленіе стояло, къ счастью, у самаго склона горы, и скалы служили потому есте-ственной лѣстницею, по которой мнѣ удалось забраться въ верх-нія его части. Во второмъ этажѣ находится большое сводчатое помѣщеніе, служившее, вѣроятно, жилищемъ для гарнизона. У одной изъ стѣнъ стоитъ каменная плита съ надписью, на которой значится, что укрѣпленіе сооружено въ четвертый годъ правленія Вань-ли (1576 г.). Со всѣхъ сторонъ въ стѣнахъ понадѣланы маленькія узенькія окошки, служившія, вѣроятно, бойницами для стрѣльбы. Третій этажъ укрѣпленія представляетъ собою откры-тую площадку, обведенную зубчатой стѣной въ аршинъ прибли-зительно вышиною. Осмотрѣнный мною бастіонъ принадлежитъ къ числу наиболѣе значительныхъ по размѣрамъ, бóльшая же часть ихъ имѣетъ всего два этажа, и въ такомъ случаѣ цоколь укрѣпленія дѣлается гораздо ниже и устраивается одно сводчатое помѣщеніе.

Невдалекъ отсюда лежитъ селеніе Фу-ту-юй, считавшееся при Мин'ской династіи весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Здѣсь возведена большая крѣпость, въ настоящее время впрочемъ совершенно покинутая. Окружена она цѣлыми тремя рядами толстыхъ стѣнъ съ многочисленными бастіонами. Въ день нашего проѣзда въ Фу-ту-ю'ѣ былъ базаръ, и улица деревушки была запружена народомъ, весело толпившимся въ праздничныхъ яркихъ нарядахъ, составлявшихъ живой контрастъ съ высящимися со всѣхъ сторонъ суровыми укрѣпленіями. Цзюй-ма-хэ дѣлаетъ здѣсь большой крюкъ, огибая скалистую возвышенность, на которой построено Фу-ту-юй; мы же направились напрямки черезъ невысокій переваль Тѣ-линъ (鐵嶺) по узенькой, высѣченной въ скалахъ тропинкѣ, по которой едва-едва можетъ пройти мулъ съ вьюкомъ; не доѣзжая до вершины перевала, мы не безъ труда разѣхались съ большимъ встрѣчнымъ караваномъ. На вершинѣ Тѣ-лин'а стоитъ каменная доска съ надписью, которая гласитъ, что ведущая черезъ переваль дорога была исправлена въ послѣдній разъ во время правленія императора Дао-гуан'а (道光); не мудрено поэтому, что за истекшія 50 лѣтъ она успѣла придти въ то плачевное состояніе, въ которомъ находится теперь. Съ Тѣ-лин'а спустились снова въ долину Цзюй-ма-хэ, по которой и ѣдемъ, выбирая по возможности наиболее удобную дорогу и переѣзжая для этого безпрестанно съ одного берега на другой. Послѣ утомительнаго шести-часоваго перехода пришли на стоянку въ деревню Вань-ань-чжэнь (萬安鎮), лежащую на правомъ берегу рѣки, приблизительно въ 25 верстахъ отъ Гуань-чан'а. Здѣсь рѣка дѣлаетъ снова значительный изгибъ на сѣверъ, а потому мы, покинувъ долину ея, направились съ мѣста стоянки прямо на востокъ, перерѣзывая нѣсколько довольно высокихъ лёссовыхъ холмовъ. Проѣхали здѣсь мимо большой каменной плиты съ высѣченною на ней огромными буквами надписью, гласящей, что здѣсь проходитъ граница области Да-тунъ-фу провинціи Шань-си. Въ настоящее время граница эта проложена гораздо западнѣе и уже съ

перевала И-ма-линъ мы ѣдемъ въ предѣлахъ провинціи Чжи-ли. Вскорѣ снова попадаемъ въ долину рѣки, по которой и ѣдемъ до богатаго села Та-яй-юй (塔崖浴), лежащаго приблизительно въ десяти верстахъ отъ мѣста нашей стоянки; отличительною особенностью его является множество кумиренъ, которыми оно украшено: три изъ нихъ находятся въ самомъ селѣ и двѣ на выѣздѣ. Здѣсь опять оставляемъ теченіе Цзюй-ма-хэ и ѣдемъ напрямки по холмамъ, которые огибаетъ рѣка. Миновавъ невысокій переваль Гао-линъ (高嶺), прошли въ верстахъ въ двухъ отъ него деревушку Юй-шань-пу (榆山), ютящуюся въ дикой горной мѣстности. Отсюда дорога вьется снова по долинѣ Цзюй-ма-хэ, берега которой, также какъ и русло, усыяны огромными валунами, гладко отшлифованными движеніемъ воды. Въ одномъ мѣстѣ долина расширяется, образуя довольно большой заливной лугъ, на которомъ пріютился пастушій хуторокъ; здѣсь-же видѣлъ нѣсколько стадъ овецъ. Вскорѣ пришли на ночлегъ въ маленькую деревушку Да-пань-ши (大盤石), расположенную у самой рѣки, на лѣвомъ берегу ея. Здѣсь нашелся всего одинъ лишь постоянный дворъ, да и тотъ безъ комнатъ для пріѣзжающихъ, а съ одними только стойлами для муловъ. Съ большимъ трудомъ удалось намъ найти здѣсь крошечную конуру, на столько привлекательную, что даже я, при всей своей небрезгливости, долго раздумывалъ, прежде чѣмъ рѣшиться расположится въ ней.

20 Мая. Невдалекѣ отъ мѣста ночевки оставили долину Цзюй-ма-хэ и направились черезъ невысокій, но длинный переваль, по которому пробита въ камняхъ тропинка на столько узкая, что едва достаетъ мѣста для прохода одного вьючнаго мула, отъ чего происходятъ постоянно безконечныя затрудненія при встрѣчахъ. Пользуясь утренней прохладой, я пошелъ вѣшкомъ и, опередивъ своихъ муловъ, нагналъ другой караванъ, направлявшійся, также какъ и мы, въ И-чжоу (易州). Разговорился съ погонщиками между прочимъ о цѣнахъ за наемъ вьючныхъ животныхъ: поденная плата за мула около 75 коп. кред. (500 чѣховъ), а за осла около 45 коп. (300 чѣховъ).

Тамъ и сямъ на окрестныхъ горахъ видны остатки, такъ сказать кусочки, стѣнъ и укрѣпленій и полуразрушенныхъ бастіоновъ. Вскорѣ снова въѣхали въ долину, съ которою и не разставались вплоть до самаго укрѣпленія Цзы-цзинъ-гуань, отстоящаго отъ мѣста ночевки въ 10 верстахъ. Укрѣпленіе это воздвигнуто было съ самыхъ древнихъ временъ у перевала того-же имени, являющагося однимъ изъ главныхъ проходовъ въ Чжили'скую равнину. Окружено оно высокой стѣной, сохранившейся еще до сихъ поръ въ довольно порядочномъ видѣ. Мы выѣхали въ сѣверныя ворота, надъ которыми красуется надпись: Хэ-шанъ-ди-ли (河上砥礪) т. е. «твердыня надъ рѣкою», названіе, какъ нельзя болѣе подходящее въ данномъ случаѣ, такъ какъ стѣны Цзы-цзинъ-гуан'я возведены дѣйствительно надъ самой Цзюй-ма-хэ, которая дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ на сѣверъ, огибая горную массу, черезъ которую намъ придется переваливать. Самое укрѣпленіе занимаетъ пространство приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ квадратныхъ версты и тянется съ юга на сѣверъ на $\frac{3}{4}$ версты. Все пространство, окруженное стѣнами, почти совершенно пусто, и имѣется лишь одна только улица, которая перерѣзываетъ все укрѣпленіе съ сѣвера на югъ. Уобоихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ воротъ находятся ямын'и (присутственныя мѣста), въ которыхъ засѣдаютъ таможенные чиновники, собирающіе пошлины съ провозимыхъ товаровъ; насъ пропустили безпрепятственно. На воротахъ, построенныхъ въ самомъ проходѣ, лежащемъ отъ укрѣпленія въ 200 саженьяхъ, сдѣлана надпись, гласящая, что «это—первый трудный проходъ къ югу отъ столицы» (畿南第一險關). По выѣздѣ изъ этихъ воротъ открывается великолѣпный видъ на лежащую далеко внизу долину рѣки Сюй-хэ (徐), текущей въ юго-восточномъ направленіи. При крутомъ спускѣ на югъ пришлось все время идти пѣшкомъ, такъ какъ не было рѣшительно никакой возможности держаться на вьюкѣ. Верстахъ въ трехъ отъ перевала на маленькой террасѣ, густо обсаженной деревьями, устроенъ ресторанъ, изъ котораго открывается прелестный видъ

на долину. Отдохнувъ здѣсь и напившись превкуснаго чаю, продолжали спускаться въ южномъ направленіи до деревни Цзинъ-по (荊坡), у которой мы круто повернули на востокъ и, переѣхавъ черезъ невысокій переваль Мэнъ-цзинь-линь (孟津嶺), пришли на стоянку въ большое многолюдное село Да-жунъ-хуа (打榕花), отстоящее отъ Цзы-цзинь-гуан'я верстахъ въ двадцати. Въ половинѣ втораго тронулись въ дальнѣйшій путь, не успѣвъ еще хорошенько отдохнуть послѣ утомительнаго тридцати-верстнаго перехода. Сегодня намъ предстояло пройти еще такое же разстояніе до города И-чжоу, гдѣ предполагалось ночевать. Переходъ этотъ, правда, можно было значительно сократить, проѣхавъ прямо по лежащему на дорогѣ западному императорскому кладбищу — Си-линъ (西陵), но погонщикъ нашъ рѣшительно заявилъ, что сдѣлать этого будетъ нельзя, а придется объѣзжать кругомъ по крайней мѣрѣ версть 8—10. Несмотря на увѣренія погонщика, мнѣ не хотѣлось однако упустить столь благопріятный случай познакомиться, хотя бы поверхностно, съ одной ¹⁾ изъ двухъ усыпальницъ императоровъ настоящей династїи. Убѣдившись изъ разспросовъ, что проѣздъ по кладбищу воспрещенъ только караванамъ съ товарами, путешественникамъ же не возбраняется проѣзжать по немъ, я приказалъ погонщику ѣхать туда. Съ западной стороны, откуда я подѣзжалъ къ кладбищу, нѣтъ никакихъ загражденій; судить о томъ, что приближаешься къ священному мѣсту, можно только потому, что земля оставлена необработанною (невиданное здѣсь явленіе). Вся мѣстность производитъ впечатлѣніе обширнаго запущеннаго парка, глухо заросшаго травой. Вскорѣ стали попадаться первыя постройки, которыя можно назвать кладбищенскими службами: это — обширныя огражденные мѣста, похожія на маленькіе городки, въ которыхъ построено около полусотни домовъ; здѣсь помѣщаются лица, служащія при кладбищѣ, и солдаты, охраняющіе усыпальницу императоровъ. Невдалекѣ отсюда стали показы-

1) Есть еще восточное кладбище.

ваться и самыя кладбищенскія постройки. Прежде всего увидѣли мы пяти-арочный мостъ, къ сѣверу отъ котораго высятся три также пяти-арочныхъ «пай-лоу» (牌樓) изъ бѣлаго известняка; четырехугольникъ, три стороны котораго образуются этими арками, замыкается на сѣверѣ большими воротами, носящими названіе «дворцовыхъ воротъ», Гунь-мынь (宮門), и окрашенными въ яркій красный цвѣтъ. Предъ этими воротами стоятъ двѣ каменные плиты съ надписями и двѣ каменныя-же статуи, долженствующія изображать львовъ. За воротами по обѣимъ сторонамъ воздвигнуты небольшіе, обнесенные красными стѣнами и крытые желтыми черепицами павильоны, носящіе названіе Бэй-тинъ (碑亭) и предназначенные спеціально для защиты отъ непогоды поставленныхъ подъ ними большихъ каменныхъ плитъ съ надписями. Далѣе къ сѣверу выстроены въ два ряда четыре колонны, сажени въ три вышиною со львами на верхушкахъ. Двое изъ этихъ львовъ обращены лицомъ къ выходу и называются Ванъ-чу-чжу (望出柱), т. е. «колонны ожидающія выхода», двое-же смотрятъ внутрь и называются Ванъ-жу-чжу (望入柱), т. е. «колонны ожидающія входа». Такія-же точно украшенія ставятся и въ дворцахъ императорскихъ, причемъ имѣютъ символическое значеніе: тѣ изъ львовъ, которые обращены лицомъ внутрь, символически выражаютъ желаніе, чтобы императоръ почаще выходилъ изъ дворца для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается въ государствѣ; львы-же, обращенные лицомъ къ выходу, выражаютъ надежду, что, оставивъ дворецъ, императоръ не забудетъ своего домашняго очага и возвратится къ семьѣ. За этими колоннами далѣе на сѣверѣ видны еще ворота, также окрашенные въ красный цвѣтъ, а за ними мостъ на семи аркахъ, носящій названіе Цзинь-шуй-цяо (金水橋), т. е. «мостъ золотой воды», такъ какъ предполагается, что ручей, надъ которымъ онъ перекинутъ, течетъ изъ усыпальницы императорской. За этимъ мостомъ стоятъ еще двѣ колонны со львами въ родѣ предъидущихъ, за которыми тянется еще длинный рядъ каменныхъ статуй животныхъ и людей. Это и все, что

мнѣ удалось разглядѣть извнѣ, такъ какъ внутрь кладбищенскихъ построекъ проникнуть не было никакой возможности. Между тѣмъ видѣнное мною есть только начало длиннаго ряда кладбищенскихъ сооруженій. За статуями животныхъ и людей стоитъ большой павильонъ съ громадною надписью Да-бэй-тинъ (大碑亭), за нимъ еще ворота, къ сѣверу отъ которыхъ находится палата, называемая Сянъ-дянь (饗殿); въ ней хранятся дощечки съ именами погребенныхъ на кладбищѣ императоровъ. Только за этой палатой устроена наконецъ сама усыпальница, со всѣхъ сторонъ окруженная стѣною. Вся мѣстность, занятая кладбищемъ, необработана и густо засажена деревьями, представляя, такимъ образомъ, тѣнистый паркъ. Съ восточной стороны кладбище огорожено высокою длинною стѣною, черезъ ворота которой мы и выѣхали за ограду императорской усыпальницы. Непосредственно за этой стѣной устроено еще два огражденных мѣста съ помѣщеніями для солдатъ и служащихъ при кладбищѣ, совершенно похожихъ на тѣ, которыя мы уже видѣли раньше. Домики въ этихъ маленькихъ городахъ расположены въ большомъ порядкѣ, содержатся вполне исправно, и при каждомъ изъ нихъ разбито даже по маленькому садику. Далѣе на востокъ тянется, такъ сказать, торговое предмѣстье обширнаго кладбища, гдѣ служащіе при императорской усыпальницѣ закупаютъ необходимые припасы и домашніе принадлежности. Называется этотъ торговый поселокъ Бай-бэй-дянь (拜北店). Здѣсь стоитъ большая хэшан'ская кумирня, а на выѣздѣ изъ села другая, извѣстная подъ названіемъ Лу-бань-мяо (魯班廟). Посвящена она нѣкому Бан'ю, Лу'скому уроженцу, по прозвищу Гунъ-шу-цзы, жившему при Чжоу'ской династіи. Онъ отличался замѣчательнымъ искусствомъ въ ремеслахъ, и потому его почитаютъ за своего покровителя плотники и каменщики. Отсюда продолжаемъ ѣхать въ восточномъ направленіи по лёссовымъ холмамъ, то взбираясь на пригорки, то проѣзжая длинными глубокими корридорами. Послѣ 23-хъ-верстнаго перехода отъ мѣста стоянки пришли въ городъ И-чжоу,

расположенный на маленькой рѣчкѣ И-шуй (易水), впадающей недалеко къ юго-востоку отъ города въ Цзюй-ма-хэ. Преданіе говоритъ, что И-чжоу впервые былъ основанъ въ періодъ Чжань-го (戰國) (до Р. Х.) нѣкимъ Сунь-цао (孫操). При Мин'ской династіи во время правленія Лунь-цин'а (1567—1573) прежній земляной валъ былъ замѣненъ кирпичною стѣною, которая впоследствии была не разъ исправляема какъ при императорѣ Вань-ли, такъ и при нынѣшней династіи во время правленія Шунь-чжи. Миновавъ восточное предмѣстье города, среди котораго высится трехъ-этажная пагода, въѣхали въ западныя ворота. Въ городѣ не замѣтно большаго оживленія и даже на главной улицѣ, тянущейся приблизительно версты на полторы попадаются часто незастроенныя пустыри. Между тѣмъ И-чжоу является немаловажнымъ торговымъ пунктомъ. Находясь на большомъ сѣверномъ пути, ведущемъ изъ Пекина въ Тай-юань-фу (太原), онъ служитъ мѣстомъ склада для товаровъ, перевозимыхъ сюда на телѣгахъ и верблюдахъ и перегружаемыхъ здѣсь на муловъ и ословъ для слѣдованія далѣе въ горную страну.

Еще до отъѣзда моего изъ гостиницы, часовъ около пяти утра, туда стали собираться чиновники, представители мѣстной администраціи. Наѣхали они сюда для встрѣчи командированнаго изъ Пекина въ И-чжоу чиновника съ манифестомъ о бракосочетаніи императора. Выйдя изъ города, направляемся на востокъ, огибая послѣдніе отроги горъ, вдающіеся въ долину; объѣхали мы такимъ образомъ Лао-ху-шань (老虎) и Лунь-мѣй-шань (龍眉), изъ которыхъ первая дѣйствительно заслуживаетъ свое названіе «тигровой горы», походя на лежащаго и готовящагося къ прыжку тигра. Проѣхавъ двѣ рядомъ стоящія деревушки, Чэ-пу (車) и Шань-нань (山南), мы измѣнили свое направленіе на болѣе сѣверное. Миновали еще послѣдній пригорокъ Цзинь-ню-шань (金牛), на вершинѣ котораго стоитъ большая кумирня; ведетъ къ ней по склону холма широкая каменная лѣстница. Въ десятомъ часу пришли на стоянку въ Лай-шуй-сянь, административный

центрѣ уѣзда того-же имени. Издали замѣтна высокая тринадцати-этажная пагода, стоящая у сѣвернаго угла города. Въ прежнее время городъ этотъ стоялъ нѣсколько западнѣе, но былъ размытъ водою во время сильнаго наводненія и перенесенъ на настоящее мѣсто при императорѣ Юнъ-ло. Каменные стѣны, замѣнившія собою прежній земляной валъ, были возведены впервые при послѣднемъ Мин'скомъ императорѣ Чунь-чжэн'ѣ (崇禎)¹⁾. При настоящей династїи онѣ были неоднократно исправляемы. Послѣ сравнительной прохлады въ горахъ, сильно страдаемъ отъ страшной жары въ равнинѣ. Хотѣли было переждать полуденный жаръ на стоянкѣ, но, боясь запоздать на ночлегъ, пустились въ путь въ третьемъ часу дня, когда солнце стояло еще высоко. Вскорѣ по выѣздѣ изъ города переѣхали одинъ изъ многочисленныхъ рукавовъ Цзюй-ма-хэ; воды въ рѣкѣ было очень мало: вся она была разобрана выше по теченію для орошенія попутныхъ полей. Потянулась безбрежная равнина, усѣянная земледѣльческими деревушками, похожими другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Ворота домовъ украшены вѣтвями и затѣйливо вырѣзанными клочками красной бумаги; это напомнило мнѣ, что сегодня первое число пятой луны и насталь, слѣдовательно, китайскій праздникъ, продолжающійся съ перваго и по пятое число этого мѣсяца. Это по преимуществу праздникъ земледѣльцевъ, справляемый ими по случаю окончанія сбора озимыхъ хлѣбовъ. По установившемуся обычаю, хозяева приглашаютъ и угощаютъ при этомъ своихъ работниковъ. Верстахъ въ пяти отъ Лай-шуй-сян'я въѣхали въ песчаную полосу, тянущуюся приблизительно верстъ на десять. Китайцы прилагаютъ неимоверныя усилія для удобренія этой неблагодарной почвы и разводятъ на ней обширные плодовые сады, громадными плантаціями которыхъ окружены деревни Сяо-чи (小池) и Бянь-гэ-чжуанъ (卞各庄). Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы подѣхали къ Чжо-чжоу, переправившись по маленькому дер-

1) Цзи-фу-тунъ-чжи. 25 цз., 41 л.

новому мостику черезъ Цзюй-ма-хэ, огибающую здѣсь городъ съ западной стороны. Слѣдуя теченію рѣки, мы также обогнули западную стѣну города и остановились на ночь въ сѣверномъ предмѣстьи, въ той-же самой гостинницѣ, гдѣ по пути изъ Пекина мѣняли сѣдла.

Изъ Чжо-чжоу добрались домой въ $1\frac{1}{2}$ дня по той-же дорогѣ, по которой ѣхали туда изъ Пекина.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Имена и изображенія 18 лохан'овъ (архатовъ).

Статуи 18 лохан'овъ располагаются вдоль восточной и западной стѣнъ храма, по девяти съ каждой стороны. Старшій изъ нихъ поставляется по лѣвую руку отъ главнаго божества у восточной стѣны, слѣдующій—по правую руку у западной стѣны и т. д. Данныя мною здѣсь подробности объ изображеніи лохан'овъ почерпнуты изъ текста, приложеннаго къ одному китайскому альбому, въ которомъ каждый святой окруженъ цѣлой обстановкой и даже нѣсколькими посторонними лицами. Въ храмахъ ставятся лишь статуи самыхъ лохан'овъ, обстановка же, въ которой они должны находиться, какъ бы подразумевается.

1) Бинь-по-ло-по-ло-до-ань (寶婆羅頗羅墮闍) сидитъ прямо, поджавши ноги, предъ нимъ стоятъ Мань'скій (蠻) (ино-родческій) рабъ и колѣнопреклоненный чертенокъ; слуга лохан'а читаетъ письмо (вѣроятно принесенное рабомъ).

2) Цзя-но-цзя-ба-цзюэ (迦諾迦跋蹉) сидитъ въ молитвенной позѣ, сложа руки и поджавши ноги; Мань'скій рабъ преподноситъ обѣими руками ящикъ, его открываетъ старикъ и внутри ящика виднѣется стеклянный сосудъ съ 10 слишкомъ частичками мощей.

3) Цзя-но-цзя-ба-ли-до-ань (迦諾迦跋釐墮闍) сидитъ прямо, опираясь на палку изъ чернаго дерева; передъ нимъ бѣлая обезьяна, принесшая въ даръ плоды; слуга лохан'а принимаетъ ихъ на поднось.

4) Су-бинь-то (蘇頻陀) сидитъ бокомъ, прижавъ къ ладони три пальца правой руки, энергично отвѣчаетъ на вопросъ инородца Ху-жэн'я (胡人); передъ нимъ стоитъ на одномъ

колѣнѣ Мань'скій рабъ и преподноситъ ящикъ; въ сторонѣ мальчикъ играетъ съ черепахою.

5) Но-цзюй-ло (諾矩羅) сидитъ, обнявъ колѣна, на берегу глубокой рѣки; изъ пучины выходитъ чудесная дѣвица и преподноситъ книгу, которую принимаетъ отъ нея Мань'скій рабъ.

6) Ба-то-ло (跋陀羅) сидитъ, подперши правой рукой щеку, лѣвую же руку положилъ на молодаго льва и смотритъ, какъ мальчики прислужники рѣжутъ на столѣ арбузъ.

7) Цзя-ли-цзя (迦哩迦) сидитъ бокомъ на берегу озера, изъ котораго показывается драконъ и изрыгаетъ ему въ руки жемчужину; Ху-жэнь (инородецъ) стоитъ рядомъ съ короткою палкою въ рукахъ, Мань'скій рабъ преподноситъ обѣими руками чашку.

8) Дай-ань-ло-фо-до-ло (伐闍羅佛多羅) сидитъ, поджавши ноги и положивъ руки на колѣна; слуга идетъ съ ведромъ за водою, а передъ лохан'омъ изъ подъ земли выходитъ духъ и подаетъ ему подносъ съ драгоценными камнями.

9) Шу-бо-цзя (戍博迦), окончивъ ѣду, сидитъ, положивъ одну руку на чашу, а въ другой держитъ четки и молится; одинъ мальчикъ раздуваетъ огонь въ печкѣ и завариваетъ чай, другой же выливаетъ воду въ прудъ съ лотусовыми цвѣтами.

10) Бань-то-цзя (半托迦) сидитъ прямо съ книгою въ рукахъ, а духъ (волшебникъ) вмѣстѣ со служанкою возжигаетъ предъ нимъ куреніе.

11) Гу-ло (怙羅) сидитъ, поджавши ноги; передъ нимъ горитъ ѳиміамъ; слуга стоитъ на колѣнахъ въ молитвенной позѣ; Ху-жэнь (инородецъ) преподноситъ ящикъ.

12) На-цзя-си-на (那迦犀那) сидитъ, погруженный въ дянью, на пнѣ высохшаго дерева; духъ его витаетъ надъ головою; большой драконъ выходитъ изъ подъ него.

13) Инь-цзѣ-то (因揭陁) сидитъ, опершись на палку и положивъ ногу на ногу; слуга стоитъ рядомъ, преподнося ящикъ; передъ ними проходитъ тигръ; стоящій въ сторонѣ мальчикъ боится его и хочетъ спрятаться, но въ то же время бокомъ посматриваетъ на звѣря.

14) У-на-бо-сы (戊那波斯) сидитъ прямо, держа въ рукахъ колокольчикъ и «чу» (杵) (пестикъ, Монг. вачиръ); слуга стоитъ справа, поправляя свои одежды; Ху'скій инородецъ сидитъ на колѣнахъ слѣва, около него стоитъ однорогій молодой драконъ въ такомъ положеніи, какъ будто хочетъ говорить.

15) А-чжи-до (阿只多); это старикъ съ бѣлыми бровями и бородою; сидитъ, сложивъ руки и поджавъ ноги; передъ нимъ совершаетъ поклоненіе Ху'скій инородецъ, слуга молится, а Мань'скій рабъ стоитъ, держа въ рукахъ палку.

16) Чжу-ча-бань-то-цзя (注茶半托迦) сидитъ, поджавши ноги, и держитъ въ рукѣ въ горизонтальномъ положеніи «жу-и» (如義); около него мальчики приготавливаютъ для возжиганія өиміамъ; слуга-же поливаетъ горшокъ съ цвѣтами.

17) Ду-нань-ши-ми-до-ло (都難提密多羅) сидитъ бокомъ около воды и смотритъ на летящихъ цаплей; одна изъ нихъ опустилась внизъ, и слуга оперся на нее рукою; мальчикъ бросаетъ изъ корзинки въ воду плоды.

18) Бинь-тоу-лу (賓頭廬) сидитъ, уставивъ глаза; въ одной рукѣ держитъ метелку для отгона мухъ, другой же подпираетъ себѣ бокъ; передъ нимъ два мальчика разрѣзываютъ для поднесенія ему гранату.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Имена 48 буддъ.

Китайскія:

Монгольскія:

1. Цзинь-ганъ-бу-хуай (金剛不壞).	Вачиръ чжирукэн'иеръ сайдуръ эбдэкчи.
2. Бао-гуанъ (寶光).	Эрдэни гэрэль сахикчи.
3. Лунъ-цзунъ-ванъ-фо (龍尊王佛).	Лаос'унъ эргэту хаганъ.
4. Цзинъ-цзинъ-цзюнь (精進軍).	Багадуть аймакъ.
5. Цзинъ-цзинъ-си (精進喜).	Баясхуланъ цокту.
6. Бао-хо (寶火).	Галь-эрдэни.
7. Бао-юэ-гуанъ (寶月光).	Эрдэни саранъ гэрэлту.
8. Сянь-у-юй (現無愚).	Уцзэксэгэръ тусату.
9. Бао-юэ (寶月).	Эрдэни саранъ.
10. У-гоу (無妬).	Хир'угэй.
11. Юнь-ши-фо (勇施佛).	Монгольское названіе мнѣ неизвѣстно.
12. Цинъ-цзинъ (請淨).	Аригунъ.
13. Цинъ-цзинъ-ши (請淨施).	Аригунъ укгукчи.
14. Шуй-тянь (水天).	Усунъ тэнгри.
15. Шуй-тянь-чжунъ-тянь (水天中天).	Усунъ тэнгри'инъ тэнгри.
16. Сянь-дэ-фо (賢德佛).	Сайнь цокту.
17. Чжанъ-танъ-гунъ-дэ (梅壇功德).	Монгольское названіе мнѣ неизвѣстно.

Китайскія:

Монгольскія:

18. У-лянъ-цзюй-гуанъ (無量拘光). 19. Гуанъ-дэ-фо (光德佛). 20. У-ю-дэ (無憂德). 21. На-ло-янъ (那羅延). 22. Гунъ-дэ-хуа (功德華). 23. Цинъ-цзинъ-гуанъ-ю-си-шэнь-тунъ-фо (清淨光遊戲神通佛). 24. Лянъ-хуа-гуанъ-ю-си-шэнь-тунъ (蓮華光遊戲神通). 25. Цай-гунъ-дэ (財功德). 26. Дэ-нянь (德念). 27. Шань-минъ-чэнь-гунъ-дэ (善名稱功德). 28. Хунъ-янъ-ди-чунъ-ванъ (紅燄帝幢王). 29. Шань-ю-бу-гунъ-дэ (善遊步功德). 30. Доу-чжанъ-шэнь (鬪戰勝). 31. Шань-ю-бу (善遊步). 32. Чжоу-чжа-чжуанъ-янъ-гунъ-дэ (周闡莊嚴功德). 33. Бао-хуа-ю-бу (寶華遊步). 34. Бао-лянъ-хуа-шанъ-чжу-суй-ми-шанъ-ванъ (寶蓮華善住須彌山王). 35. Цзинъ-ганъ-бу-дунъ (金剛不動).	Монгольское названіе мнѣ неизвѣстно. Цокъ гэрэлту. Гаслан'угэй цокту. Горичил'угэй хубэгунъ. Сэциг'унъ цокту. Аригунъ гэрэл'иерь тейнь бугэть цэнгэль илэ мэдэкчи. Лянхуа'инъ гэрэл'иерь тэйнъ бугэть цэнгэль илэ мэдэкчи. Эд'унъ цокту. Дуратху'инъ цокту. Нэрэ'инъ цокъ маши ухагата алдаршиксанъ. Монгольское названіе мнѣ неизвѣстно. Маши тэйнъ бугэть дарукчи цокту. Байлтуганъ эцэ маши тэйнъ бугэть илагуксанъ. Тэйнъ бугэть дарукчи цокту. Хамтанга хэйгул'унъ цзахикчи цокту. Эрдэни линхуа беръ тэйнъ бугэть дарукчи. Агулан'у эргэту хаганъ. Монгольское названіе мнѣ неизвѣстно.

Китайскія:

36. Цзи-гуань-цзи-сянь-вань (積光
吉祥王).
37. Пу-хуй-фо (普慧佛).
38. Бао-динь-фо (寶頂佛).
39. Суй-инь (隨應).
40. Сянь-шэнь-вань (顯聖王).
41. Шань-мь-чжэнь-ао-фо (善滅諍
誡佛).
42. Китайское названіе мнѣ неиз-
вѣстно.
43. Шань-мь-мо-чжань (善滅
魔障).
44. Бу-хуй-цзи-сянь-лунь (不迴
吉祥輪).
45. Бао-сань-шэнь-фо (寶傘勝佛).
46. Суй-инь-пу-са (隨引普薩).
47. У-вэй-мь-минь (無畏滅冥).
48. Чу-цы-цзюэ-и (初慈決疑).

Монгольскія:

- Хамукъ улэмчи цокъ табхурлак-
сань гэрэлту хагань.
- Илагуксань хуталал'и уцзэкчи.
- Эрдэни уснирту.
- Тагань ябукчи.
- Илэтэ гэтулгэй хагань.
- Усь гигэть омог'и тэйнъ дарукчи.
- Эрдэни бэйф'инь цзохіяль гэгэнь
гэрэлту.
- Шимнусь гигэть хоярь сетхиль
бухун'и дарунъ машида да-
рукчи.
- Монгольское названіе мнѣ не-
извѣстно.
- Монгольское названіе мнѣ не-
извѣстно.
- Номохатхакчи багатурь боди-
сату.
- Айусь угэй харянгуй эцэ анхи-
чжираксань хагань.
- Анха сэтхиль эгусхэнь сашія'ги
тасул'унь цзохикчи.

УКАЗАТЕЛЬ.

- А-ванъ-ла, монахъ, 3.
 Ай-хэ, рѣка 127, 128, 129.
 А-ми-то-фо, буддѣйское божество, 87, 89, 91, 95, 98—101, 106, 110, 111, 113.
 А-нанъ-то, ученикъ Будды, 91.
 Анъ-су, городъ, 26.
 Анъ-хуй, провинція, 27.
 Анъ-цзы-линъ, переваль, 40.
 Асока, царь, 84.
- Бай-бэй-дянь, село, 136.
 Бай-та-пу, деревня, 25.
 Бай-юнь-сы, кумирня, 46.
 Бань, легендарный плотникъ, 136.
 Бао-динъ-фу, городъ, 6, 7, 11, 26—29, 48, 64, 120.
 Бао-цзи-сы, кумирня, 88.
 Ба-цзунъ, военный чинъ, 42.
 Би-лю-бо-ча, буд. божество, 72.
 Би-лю-лэ-ча, буд. божество, 72.
 Би-ша-мынь, буд. божество, 72.
 Би-шанъ-сы, кумирня, 103, 117.
 Бо, музыкальный инструментъ, 75.
 Бо-би-тянь-хуанъ, японскій князь, 61.
 Бо-гоу, мѣстность, 21.
 Бодидарма, патриархъ, 59.
 Бо-жо-сы, кумирня, 104, 105, 109.
 Бо-хуа-шанъ, гора, 18.
 Бэй-вэй, династія, 59.
 Бэй-пу, село, 29, 30.
 Бэй-тай, горная вершина, 44, 47—50, 101, 117, 120.
 Бэй-хэ, село, 25, 26.
 Бэй-хэ, рѣка, 120.
- Бэй-ци, династія, 60, 98.
 Бянь-гэ-чжуанъ, деревня, 138.
- Вай-чэнь, часть Пекина, 7, 8.
 Ванъ-куай, село, 37, 38.
 Ванъ-анъ-чжэнь, село, 131.
 Ванъ-ли, императоръ, 3, 66, 85, 89, 93, 125, 129, 130, 137.
 Ванъ-нянь-хэ, рѣка, 40, 41, 43.
 Ванъ-сянь, городъ, 30, 33.
 Ванъ-фо-гэ, кумирня, 86.
 Ванъ-цзя-сы, кумирня, 98.
 Ванъ-шэнь-ю-го-сы, кумирня, 113.
 Вэй, династія, 59.
 Вэй-но, монашеское званіе, 80.
 Вэй-то, буддизмъ, 72, 74, 115.
 Вэй-тоу-шанъ, гора, 50.
 Вэнь-цзунъ, императоръ, 65.
 Вэнь-шу, см. Маньчжушири.
 Вэнь-шу-сы, кумирня, 109.
- Ганъ-су, провинція, 3.
 Ганьчжуръ, собраніе буддѣйскихъ сочиненій, 96, 106.
 Гао-линъ, переваль, 132.
 Гао-пу-дянь, село, 24.
 Гуанъ-чанъ-сянь, городъ, 20, 127—129, 132.
 Гуанъ-пинъ, область, 64.
 Гуанъ-гоу, деревня, 122, 123.
 Гуанъ-инь-дунъ, кумирня, 112.
 Гуанъ-инь-пу-са, буддизмъ, 37, 38, 74, 84, 89, 100, 102, 107, 109, 111, 114.
 Гуанъ-лао-ѣ, божество, 75.

Гуань-хай-сы, кумирня, 114.
 Гуань-хай-тай, см. Дунь-тай.
 Гуань-чэнь-чуань, рѣка, 129.
 Гу-дэнь, монахъ, 113.
 Гунь-бу-фо, божество, 95.
 Гунь-цзи-чэнь, городокъ, 10.
 Гунь-шу-цзы, см. Бань.
 Гу-шань, гора, 31.
 Гу-шань, деревня, 126.
 Гу-юэ, монахъ, 103.
 Гэдэригутъ, гора, 52.

Да-ань-шань, гора, 11.
Да-бао-та-юань-сы, кумирня, 83, 86, 89.
Да-вань-шэнь-ю-го-сы, кумирня, 111.
Да-вэнь-шу-сы, кумирня, см. Пу-са-динь.
Да-ду, область, 64.
Дай-вань, князь, 103.
Да-дэ, императоръ, 111.
Да-инь-чэнь, городокъ, 120—123.
Дай-чжоу, округъ, 47, 51, 83, 120, 129.
Да-ли, императоръ, 112.
Да-лу-динь, горный уступъ и кумирни, 55, 108, 109.
Дамба - чжалцань, перерожденецъ Чжанцзя-хутухты, 114.
Да-минь, область, 64.
Дань-цзя-дэ, монашеское званіе, 79.
Даньчжуръ, собраніе буддѣйскихъ сочиненій, 95, 96.
Дао-гуань, императоръ, 131.
Дао-ма-гуань, проходъ, 33, 125.
Да-пань-ши, деревушка, 132.
Да-сы-тянь-вань, буд. божества, 71.
Да-сянь-тунь-сы, см. Сянь-тунь-сы.
Да-тань-си-ю-цзи, китайское сочиненіе, 61.
Да-тунь-фу, область и городъ, 2, 64, 131.
Да-фо-сы, кумирня, 127.
Да-фу-линъ-цзю-сы, см. Линъ-цзю-сы.
Да-хуань-цзянь-шань, гора, 50.
Да-чжунь-сы, кумирня, 14.
Да-юань-чжао-сы, кумирня, 90, 101.
Да-янъ, деревня, 32, 33, 123.
Ди-гуань, бодисатва, 107.

Динь-синь-сянь, городъ, 24.
Динь-чжоу, городъ, 33.
Ди-цзань, бодисатва, 99, 115.
Доу-дянь-чжэнь, село, 16, 17.
Дунь-линъ, императорская усыпальница, 12.
Дунь-тай, горная вершина, 49, 101, 103, 106, 108—112, 117.
Дунь-ю, горная вершина, 129.
Дунь-ю-синь-сы, кумирня, 129.
Дунь-хэ-нань, село, 123.
Дунь-шань-ди, деревня, 120, 121.
Дуударма, музыкальный инструментъ, 96.
Дэмчи-лама, см. Цзасакъ-лама.
Дяо-жань, монахъ, 63.

Жи-гуань, бодисатва, 107.
Жуй-цзянь, монахъ, 104.
Жэнь-цзунъ, императоръ, 111.
Жэ-хэ, городъ, 12.

И-ма-линъ, переваль, 127, 129, 131.
Инь-цзунъ, императоръ, 65.
Инь-ли-ши, монашеское званіе, 78.
Инь-фань-цзѣ, торговое мѣстечко, 106.
И-чжоу, городъ, 129, 132, 134, 136, 137.
И-шоу-сы, кумирня, 43.
И-шуй, рѣка, 25, 136.

Исунь-толи, музыкальный инструментъ, 96.

Кай-хуань, императоръ, 60.
Кай-чэнь, императоръ, 62.
Кай-юань, императоръ, 124.
Кань-си, императоръ, 3, 31, 44, 45, 67—69, 84, 86, 88, 90, 93, 94, 103, 105, 109, 110, 128.
Куй-синь, божество, 22.
Кумарачжива, переводчикъ свящ. буд. книгъ, 59, 61.

Лай-шуй, рѣка, 25.
Лай-шуй-сянь, городъ, 137, 138.
Лань-дянь, растеніе, 36.
Лань-чжоу, городъ, 28.

- Лао-ху-шань, гора, 137.
 Лао-цзы, основатель Даосизма, 52.
 Лао-шуй, рѣка, 125, 126.
 Ли-и, см. Би-лю-лэ-ча.
 Линь-сянь, монахъ, 61.
 Линь-цзю, гора, 57, 98.
 Линь-цзю-сы, кумирня, 57, 59, 83, 88.
 Линь-цю-сянь, уѣздъ, 33, 122, 125, 127.
 Линь-шань-чжэнь, село, 34.
 Ли-цзинь, см. Ти-до-ло-то.
 Ли-цзинь-шэнь, полководецъ, 26.
 Ли-чань, см. Би-ша-мынь.
 Ли-чжэнь, евнухъ, 93.
 Ли-шэнь, см. Би-лю-бо-ча.
 Ло-хоу-сы, кумирня, 70, 86, 87.
 Ло-янь, городъ, 56, 57, 60.
 Лу-бань-мяо, кумирня, 136.
 Лубсань-нима, перерожденецъ Чжан-цзя-хутухты, 114.
 Лу-гоу-цяо, мостъ, 10, 11, 18, 21.
 Лунь-вань, божество, 37, 75.
 Лунь-мѣй-шань, гора, 137.
 Лунь-цинъ, императоръ, 14, 24, 26, 32, 137.
 Лунь-цюань-гуань, крѣпость и горный проходъ, 7, 35, 42, 43, 120, 122.
 Лунь-цюань-сы, кумирня, 44.
 Лунь-цюань-юй, мѣстность, 18.
 Лю-ли-хэ, рѣка, 18, 19.
 Лянь, династія, 60.
 Лянь-сянь, городъ, 14.
- Ма**, чиновникъ, 44.
 Ма-вань, божество, 108.
 Майдари, см. Ми-лэ-фо.
 Мань-тоу-шань, холмы, 51.
 Мани-патаръ, кумирня, 106—109.
 Маньчжушири, бодисатва, 1, 4, 49, 51—55, 57, 60, 84—87, 89—93, 95, 98—102, 105, 108, 110, 113, 115.
 Ми-лэ-фо, буд. божество, 72, 75, 89, 96.
 Минь-ди, императоръ, 55—59, 88, 91.
 Минь-юэ-чи, колодезь, 115.
- Ми-цзи-цзинь-гань, бодисатва, см. Очирвани.
 Мо-тэнь, архать (буд. святой), 56.
 Му-юй, музыкальный INSTR., 75.
 Мэнь-цзинь-линъ, переваль, 134.
 Мэнь-шань, генер. губернаторъ, 26.
- Намбу**, названіе тибетскаго сукна, 83.
 Нань-тай, горная вершина, 48, 50, 117.
 Нань-ци, династія, 60.
 Нань-шань, холмъ, 111, 112.
 Нань-шапъ-сы, кумирня, 111.
 Нань-шао-цунь, село, 128.
 Нью-цунь-хуй, названіе общества, 41.
 Нянь-хуа-фо, буд. божество, 110.
- Орчилангъ тэтхукчи**, см. Ти-до-ло-то.
 Очирвани, буд. божество, 103.
- Падма-самбава**, буд. вѣроучитель, 53,
 Пекинъ, 1, 2, 6—8, 10—12, 14, 17, 20, 22, 27—31, 34, 35, 62, 68, 83, 102, 114, 116, 117, 120, 127, 128, 137, 139.
 Пинь-синь-гуань, укрѣпленный городъ, 122, 123.
 Пинь-янь, область, 64.
 Пи-по-ши, буд. божество, 102.
 Пи-шэ-фоу, буд. божество, 102.
 Позднѣевъ, А. М., профессоръ, 5, 73, 82, 85.
 Потанинъ, Г. Н., ученый путешественникъ, 3.
 Пу-ло-юань, кумирня, 105, 107.
 Пу-гуань, бодисатва, 107.
 Пу-лу, см. Намбу.
 Пу-нинь-сы, кумирня, 90.
 Пу-са-динъ, монастырь, 40, 70, 82, 88, 91—94, 96, 99—101, 106, 109, 111, 113, 117.
 Пу-сянь, бодисатва, 84, 99, 115.
- Ролби-дорчжи**, перерожденецъ Чжан-цзя-хутухты, 114.
- Сайнь-бусу-нидугу**, см. Би-лю-бо-ча.
 Сань-цюань, ручей, 120, 121.

- Си-ань-фу, городъ, 28.
 Си-линъ, императ. усыпальница, 8.
 12, 134.
 Си-лу-тунъ-чжи, должностное лицо, 10.
 Синъ-танъ, монашеское званіе, 80.
 Синъ-хэ, монахъ, 61.
 Си-тай, горная вершина, 48, 50, 112.
 Си-сань-цюань, село, 121.
 Суй, династія, 60.
 Су-и-сянь, святой, 52.
 Сунъ, династія, 60, 63, 98.
 Сунъ-линъ-дянь, село, 23.
 Сюань-ди, императоръ, 98.
 Сюань-дэ, императоръ, 66, 90.
 Сюань-цзанъ, паломникъ, 61.
 Сюй-хэ, рѣка, 133.
 Сы-минъ-лоу, каланча, 22.
 Сы-чуань, провинція, 31, 98.
 Сэнь-лу-сы, казенное управленіе, 79.
 Сянь-гуань, бодисатва, 107.
 Сянь-тунъ-сы, кумирня, 83, 87—89,
 95.
 Сянь-цзунъ, императоръ, 62.
 Сяо-вэнь-ди, императоръ, 59.
 Сяо-тоу, страна, 56.
 Сяо-цинъ-хэ, рѣчка, 33, 34.
 Сяо-чжай, деревня, 123.
 Сяо-чи, деревня, 138.
 Ся-пинъ-сань, бодисатва, 107.
 Табунъ уцзугурту агулан'у орошилъ
 сусуктэн'у чигинь чимэнь ороши-
 ба, монг. сочиненіе, 5, 54, 58, 84.
 Таганъ-ябукчи-бурханъ, см. Йо-ши-
 фо.
 Тай-ли-сы, кумирня, 44, 45, 70.
 Тай-пинъ-синъ-го, императоръ, 92,
 104.
 Тай-пинъ-синъ-го-сы, кумирня, 104.
 Тай-ханъ-линъ, горный хребетъ, 47.
 Тай-хуй-цзѣ, мѣстечко, 46, 48, 99.
 106, 109, 110.
 Тай-юань-фу, городъ, 2, 28, 64, 122,
 137.
 Танъ, династія, 60—62, 98.
 Танъ-сянь, городъ, 32, 33.
 Танъ-хэ, рѣка, 32, 33, 35, 123, 124,
 126.
 Танъ-тай, чиновникъ, 9.
 Танъ-цзѣ-ва, деревня, 124.
 Та-йй-юй, село, 132.
 Термэ, тибетское сукно, 83.
 Ти-гао-юй, мѣстность, 20.
 Ти-до-ло-то, буд. божество, 72.
 Тоба, царств. домъ, 84.
 То-ло-шо, деревня, 40.
 То-чэнь-сы, кумирня, 98, 109.
 Тѣ-линъ, переваль, 131.
 Тѣ-пу-хэ, рѣка, 44.
 Тянь-бао, императоръ, 61.
 Тянь-тай, мѣсто поклоненія, 91, 101.
 Тянь-цзинъ, колодезь, 49.
 Тянь-цзинъ, городъ, 10, 11, 19, 31,
 120, 129.
 Тянь-ци-фо, буд. божество, 129.
 Тянь-шунъ, императоръ, 66, 103, 124.
 У-дай, историческій періодъ, 62.
 У-ланъ-мяо, кумирня, 104, 105.
 У-тай, горная группа, 1—7, 20,
 23, 31, 32, 39, 41, 42, 44, 45,
 47, 51—61, 63—70, 73, 82, 83,
 86—88, 92—94, 96—100, 102,
 104, 109, 111, 115.
 У-тай-сянь, уѣздъ, 101.
 У-цзунъ, императоръ тан'ской дина-
 стіи, 62.
 У-цзунъ, императоръ юань'ской ди-
 настіи, 64.
 У-ча, государство, 62.
 У-чжу-вэнь-си, монахъ, 104.
 Фа-ланъ, буд. святой, 56.
 Фанъ-чжанъ, монастырскій настоя-
 тель, 78, 79.
 Фанъ-шанъ, горы, 11.
 Фанъ-шанъ-сянь, городъ, 18, 20.
 Фанъ-чи-сянь, уѣздъ, 35, 51, 120,
 Фа-сянь, паломникъ, 59.
 Фа-танъ, храмъ, 78.
 Фа-чжао, монахъ, 112.
 Фа-юнь, монахъ, 91.
 Фо-гуанъ-сы, кумирня, 112.
 Фо-шо-сы-ши-эрръ-чжанъ-цзинъ, свя-
 щен. книга будд. 91.
 Фо-шэнь, бодисатва, 107.

- Фу-и, мудрецъ, 55.
 Фу-и, министръ, 60.
 Фу-пинъ-сянь, уѣздъ, 37, 38.
 Фу-ту-юй, мѣстечко, 130, 131.
 Фэй-чэнь, городокъ, 10.
- Хань, династія, 55.
 Хань-вэнь-гунь, министръ, 62.
 Хоншимъ—бодисатва, см. Гуань-инь-пу-са.
 Хото-мандалъ, изображеніе жилища божествъ, 102.
 Хоу-вэй, династія, 59.
 Хоу-тань, династія, 63.
 Хоу-хань, династія, 52.
 Хуань-цюань, деревня, 127, 128.
 Хуа-цзо, бодисатва, 107.
 Хуа-янь-линъ, переваль, 49, 101, 103, 117, 118, 120.
 Хуа-янь-сы, кумирня, 88.
 Хуа-янь-цзинъ, свящ. книга, 62.
 Хубилай, императоръ, 63, 64.
 Ху-го-сы, кумирня, 110.
 Хуй-чань, императоръ, 62.
 Хунь-у, императоръ, 128.
 Хунь-цзюнь-сы, кумирня, 102, 109.
 Хунь-чжи, императоръ, 93, 113.
 Хунь-хэ, рѣка, 10, 11, 21.
 Ху-ту-хэ, рѣка, 10, 47, 48, 51, 120, 121, 123.
 Ху-янь-хэ, рѣка, 44, 45.
 Хэ-дунь-лу, область, 104.
 Хэй-лунь-чи, колодезь, 49.
 Хэ-цзянь, область, 64.
- Цаганъ-гэгэнь, духовное лицо, 31, 112.
 Цай-цунь-юй, деревня, 123, 124.
 Цай-шэнь, божество, 75.
 Цанить, отдѣлъ буд. богословскихъ наукъ, 96.
 Цань-эррь-линъ, переваль, 126.
 Цзасакъ-лама, духовное лицо, 70, 82, 96.
 Цзинъ-дэ, императоръ, 63, 98.
 Цзинъ-по, деревня, 134.
 Цзинъ-сю-фынь, гора, 50.
 Цзинъ, династія, 58, 59.
- Цзинь-бао, пекинская газета, 41.
 Цзинь-ванъ, князь, 26.
 Цзинь-ню-шань, гора, 137.
 Цзи-фу-тунъ-чжи, китайское сочиненіе, 6, 14, 20 — 22, 24, 26, 31, 32, 38, 128, 138.
 Цзонхава, буд. реформаторъ, 75, 87, 96, 107.
 Цзунъ-гуань, бодисатва, 107.
 Цзы-фу-шань, см. У-тай.
 Цзы-хэ, рѣка, 33, 35.
 Цзы-цзинъ-гуань, крѣпость и проходъ, 20, 133, 134.
 Цзѣ-гуань, бодисатва, 107.
 Цзѣ-тань, см. Фа-тань.
 Цзѣ-фу-сы, кумирня, 102.
 Цзѣ-ѣ-мо-тэнь, ученикъ Будды, 91, 110.
 Цзюй-лю-сунь, буд. божество, 102.
 Цзюй-ма-хэ, рѣка, 18, 20, 21, 25, 128, 129, 131, 133, 137, 138.
 Цзюй-ва-шэ-моу-ни, буд. божество, 102.
 Цзю-лоу-сы, кумирня, 44.
 Цзю-цзянь-фу, область, 34.
 Цзянь-си, провинція, 34.
 Цзянь-су, провинція, 27.
 Цзянь-вэнь, императоръ, 26.
 Цзянь-чжунъ-цзинъ-го, императоръ, 92.
 Цзя-цзинъ, императоръ, 44, 66, 113.
 Цзя-ши-тинъ, селеніе, 120.
 Цзя-ѣ, буд. божество, 102.
 Цзя-юань, монашеское званье, 79.
 Цинъ, музыкальный инструментъ, 98.
 Цинъ-ду-сянь, уѣздъ, 33.
 Цинъ-лунь-цюань, ручей, 120.
 Цинъ-лянь-шань-джи, китайское сочиненіе, 3—5, 52, 58.
 Цинъ-мяо-хуй, названіе общества, 40.
 Цинъ-шуй, рѣка, 44 — 46, 48, 51, 83, 101, 106, 110, 113, 114.
 Ци-сянь-сы, кумирня, 110—112.
 Ци-фо-сы, кумирня, 101, 102, 109.
 Ци-чжоу, городъ, 33, 35.
 Ци-юй, село, 35.
 Цюй-янь-сянь, городъ, 33.

Цянь-лунь, императоръ, 3, 8, 68, 69, 94, 105, 108, 109, 114.

Цянь-мынь, ворота въ Пекинѣ, 7, 8.

Чань-чэнъ-линъ, переваль, 42 — 44.

Чань-синь-дянь, село, 11, 14, 16.

Чань-тай-юань, кумирня, 70, 100, 101.

Чань-танъ, монашеское званье, 80.

Чжамбо, дерево, 52.

Чжамбудвира, земля, 52.

Чжанцзя-хутухта, буд. святитель, 68, 105, 107, 114.

Чжанъ-жоу, полководецъ, 26.

Чжанъ-п-мынь, ворота въ Пекинѣ, 7—9.

Чжанъ-шанъ-инъ, паломникъ, 92.

Чжанъ-го, историческій періодъ, 137.

Чжао, удѣль, 43.

Чжи-ду-сы, кумирня, 20.

Чжи-дянь, монашеское званіе, 80.

Чжи-кэ-ши, монашеское званіе, 80.

Чжи-ли, провинція, 6, 11, 19, 26, 33, 42, 43, 47, 120, 127, 132.

Чжи-чжи, императоръ, 111.

Чжо-чжоу, городъ, 19 — 23, 138, 139.

Чжу-линъ-сы, кумирня, 112, 113.

Чжу-лунъ-хэ, рѣка, 32.

Чжунъ-пинъ-сань, бодисатва, 107.

Чжунъ-тай, горная вершина, 47 — 50, 53, 83, 91, 97—99.

Чжунъ-хуа, монахъ, 111, 112.

Чжэнъ-динъ, область, 64.

Чжэнъ-тунъ, императоръ, 66.

Чжэнъ-цзю, кумирня, 90.

Чжэнъ-хай-сы, кумирня, 46, 113, 114.

Чжэнъ-чэнъ, монахъ, 3.

Чжэ-цзянь, провинція, 91, 101.

Чи-гуань, бодисатва, 107.

Чжэнъ-чжэнъ, императоръ, 14, 80, 138.

Чэнъ-хуа, императоръ, 37, 93, 105, 113.

Чэнъ-хуанъ-мяо, кумирня, 27.

Чэнъ, династія, 60.

Чэнъ-цзунъ, императоръ, 64.

Чэ-пу, деревушка, 137.

Шанхай, портъ, 31.

Шанъ-пинъ-сань, бодисатва, 107.

Шанъ-дунъ, провинція, 129.

Шанъ-нань, деревушка, 137.

Шанъ-си, провинція, 6, 7, 33, 35, 37, 42, 43, 47, 120, 121, 126, 127, 129.

Шанъ-си-тунъ-чжи, китайское сочиненіе, 4—6, 45, 51, 52, 61—63, 65, 66, 86, 90, 98, 99, 103 — 105, 110, 111, 113.

Шанъ-хуй, поселокъ, 121.

Шанъ-цай-дунъ, кумирня, 106.

Шанъ-чжу-юань, монастырь, 59.

Шао-и, царскій сынъ, 98.

Шао-шуй, горный ручей, 38.

Ша-хэ, рѣка, 33, 35, 37, 38.

Ша-шуй, рѣка, 25.

Шигэмуни, основатель Буддизма, 52, 56, 74, 85, 89, 91, 95, 96, 98 — 106, 108, 111—113.

Ши-ли-ша-чжэ, монахъ, 90.

Ши-цзы-тинъ, деревня, 118, 120.

Ши-цзуй-пу, село, 44, 45.

Шь-ци, буд. божество, 102.

Ши-чжи, бодисатва, 107.

Шоу-нинъ-сы, кумирня, 98, 99, 109.

Шу-гуань, бодисатва, 107.

Шуй-гуань, бодисатва, 107.

Шунъ-дэ, область, 64.

Шунъ-чжи, императоръ, 3, 24, 26, 67, 93, 137.

Шунъ-чжи-мынь, ворота въ Пекинѣ, 7.

Шу-сянь-сы, кумирня, 46, 48, 51, 100—102, 106, 109.

Шэ-ху-чуань, мѣстность, 44.

Юань, династія, 63, 98.

Юань-чжао-сы, см. Да-юань-чжао-сы.

Юань-чжэнъ, императоръ, 111.

Юань-юй, чиновникъ, 63.

Юй-ванъ, князь, 19.

Юй-хуа-мяо, кумирня, 110.

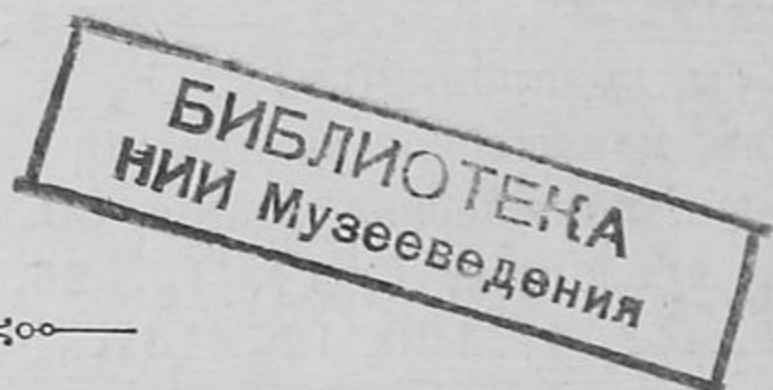
Юй-хуа-сы, кумирня, 109.

Юй-шань-пу, деревушка, 132.

Юнъ-динъ-хэ, рѣка, 10.

Юнъ-ло, императоръ, 65, 86, 88, 90, 92, 138.

- Юнь-пинъ, императоръ, 58.
 Юнь-си, императоръ, 63.
 Юнь-хэ-гунъ, монастырь, 31.
 Юнь-цзи-цяо, мостъ, 21.
 Юнь-чжэнь, императоръ, 26.
 Юнь-нань, провинція.
 Юнь-цзюй-сы, кумирня, 20.
 Юэ-чжоу, монахъ, 115.
- Я-линъ-цзѣ, торговое мѣстечко, 88.
 Янь-цзы-цзянь, рѣка, 31.
 Янь, удѣль, 3.
 Янь-ло, императоръ, 92.
 Янь-чжоу, область, 62.
 Яо-шань, деревня, 127.
 Яо-ши-фо, буд. божество, 89, 91, 95,
 98, 99, 101, 102, 106, 111, 113.
 Яркандъ, городъ, 56.
- Abel-Rémusat, синологъ, 56, 59.
 Edkins, Jos., Dr., синологъ, 1, 23,
 32, 43.
 Eitel, E. J., синологъ, 6.
 Gilmour, J., миссіонеръ, 2.
 Richthofen, Fr. von, ученый путеше-
 ственникъ, 2.
 Rockhill, W, секретарь Американской
 миссіи въ Пекинѣ и путешествен-
 никъ, 2.
 Williamson, Alex., миссіонеръ, 6.

5

